

ПУТЬ

4

Православный альманах издается при храме Христа Спасителя. Нью Йорк
PUT' (THE WAY). Almanac, published by Russian Orthodox Church of Christ the Savior New York
The Orthodox Church in America.

На заглавном листе: «Икона Рождества»

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

С праздником, который источает радость. Рождество всегда ассоциируется с радостью, с душевным подъемом, который переживают все и верующие и даже неверующие. Необъяснимая радость и легкость охватывает сердце на Рождество и это настроение сохраняется, заставляет и от нового года ожидать прежде всего нового счастья.

Да, Рождество Иисуса Христа, воплощение Бога, принесло на землю радость, легкость, освобождение, которые в эти дни праздника переживают и те, кто стоит на периферии веры, и те, кто не может или не хочет назвать себя верующим.

Но посмотрим, чем было Рождество Спасителя, как рассказывает о нем Евангелие. Какой ценой были куплены для всего человечества эти, по словам поэта:

Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы,
Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры,
Все яблоки, все золотые шары?

Христос родился в Вифлееме, так исполнились пророчества, но ведь Мария с Иосифом жили в Назарете. Каждому понятно, что женщина собирающаяся родить, сидит дома, а не отправляется в далекое путешествие на ослах. Могущественная римская империя вела перепись населения всех завоеванных, чтобы никто не избег уплаты налогов в имперскую казну. В самом факте переписи были уже насилие и унижение для всего израильского народа. Перепись сулила ему лишь большее порабощение. Кроме того, каждый должен был оставить свои дела и отправиться к месту прописки. Имперская бюрократия не знала снисхождения. Вынуждены были идти и Иосиф с Марией в Вифлеем, к которому были прописаны по праву родословия.

СОДЕРЖАНИЕ

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ

ХРАМУ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Алексей Татищев "Краткий исторический очерк храма Христа Спасителя в Нью-Йорке".
"Хронология основных событий".

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Американская панорама
За железным занавесом
Православие сегодня
Католическая церковь
Протестантизм

Симона Вейль "ОТЧЕ НАМ"

ДВА ЮБИЛЕЯ

Тайнозритель Божественной Славы

Памяти отца Сергея Булгакова

Энциклопедист русского духа

Памяти отца Георгия Флоровского

СТИХИ

Александр Антонович "Художник и его модель" Венок сонетов

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ольга Меерсон "Прогулка с Терцем"

БОГОСЛОВИЕ XX ВЕКА

Прот. Сергей Булгаков "Св. Петр и Иоанн. Два первоапостола"

ДЕТЕКТИВ

Г. К. Честертон "Легучие звезды"

Путь из Назарета в Вифлеем лежит через горы и в те времена занимал несколько дней. Это путешествие, не легкое даже для здорового человека, тем более было изнурительно для беременной женщины. Вероятно от перенапряжения в пути и от усталости Мария и родила неожиданно в Вифлееме. И при том, что случилось это далеко от дома, в чужом городе, как скупно сообщает Евангелие, не нашлось им места в гостинице. Божья Мать рожала в хлеву и первой детской кроваткой воплощенного Бога послужила кормушка для скота, ясли. Как в том же стихе "Рождественская звезда" писал Борис Пастернак, "Ему заменяли овчинную шубу ослиные губы и ноздри вола." У людей недостовало гостеприимства для Бога, явившегося в убожестве неизвестного пришельца. Как мы мало обращаем внимания на людей бездомных, нищих, бродяг, так и тогда никто из жителей не обратил внимания на это человеческое бедствие: внезапные роды каких-то пришельцев в пещере для скота. Лишь странные восточные мудрецы, да простые пастухи пришли навестить Младенца, но уже на следующий день жизнь Его оказалась в опасности: царь-тиран и узурпатор, Ирод, параноически боявшийся потерять власть, полученную незаконно из рук оккупантов-римлян, собрался уничтожить новорожденного Иисуса, Который, как потомок царя Давида, гипотетически мог претендовать на трон, хотя со времени прекращения Давидовской династии прошло уже тогда больше времени, чем сейчас в России от прекращения династии рюриковичей.

И сразу же пришлось эмигрировать с Марией и новорожденным Младенцем, не возвращаясь домой, не запасшись всем необходимым, хотя бы деньгами. Евангелие ничего не говорит, как сумели они прожить эти несколько лет в вынужденной эмиграции, но по опыту человеческого можно смело сказать, что это было нелегко.

Жизнь Иисуса, начавшаяся в стойле для скота, с младенчеством, проведенным в эмиграции, закончилась на ужасной римской виселице-кресте. Почему же Церковь поклоняется Человеку такой странной биографии: изгнаннику двух властей: римской и иудейской, в свои самые обеспеченные и спокойные годы — плотнику, затем бродячему проповеднику, который умер на кресте между двумя бандитами? Если это Сын Божий, то почему, почему избрал Бог для себя такую странную, такую трагическую биографию? Биографию, которую св. Павел назвал "соблазном для иудеев, безумием для эллинов."

Однако всякий здравый смысл понимает, что вся эта церковная позолота, окружающая такую трагическую биографию, не может быть на пустом месте. Почему Церковь не стыдится поклоняться Ему, родившемуся в пещере для скота, умершему на кресте? Потому, — говорит Церковь, — потому Бог избрал Себе такой жизненный путь, чтобы никто из людей, Им сотворенных и посланных в мир, лежащий во зле, не смог упрекнуть Его на страшном суде, не смог обратиться к Нему своего негодования за все те страдания, которые довелось претерпеть на земле, не смог, как Иван Карамазов, вернуть Богу билет в Его царствие. Ибо когда явится каждый человек перед Богом на последний суд и спросит его: где Ты был, Боже, когда мать моя беременная стояла в очередях, чтобы передать моему отцу передачу, или где Ты был, когда рожала меня мать в лагере, тогда ответит Господь: "И Я родился в хлеву и для Моей Матери во время родов Ее не нашлось места в гостинице."

И когда спросят Бога на последнем суде: "Где ты был, Боже, когда пришлось нам эмигрировать из своей страны и скитаться на чужбине?", то ответит Господь: "И Я вынужден был эмигрировать из своей страны на следующий день после того, как родился, и Я скитался на чужбине, и Мне, Сыну человеческому, не было, где главу преклонить."

И когда скажет человек Богу: "Где Ты был Боже, когда на меня клеветали, где Ты был, когда меня бил следователь, когда меня расстреливали в подвале, вдали от родных и близких?", тогда ответит Господь: "И меня оклеветали и осудили на смерть без суда, и Меня бичевали и надо Мною измывались и Меня повесили на Кресте, оставив умирать в агонии, брошенного друзьями и учениками, проданного и преданного ближним Моим".

И тогда ответит вся тварь Богу: "Прости нас, Господи, что мы по злосердечию своему, соделали это с Тобой, Единным Безгрешным".

Сын Божий выбрал для Себя самую трагическую земную биографию, чтобы никто не мог упрекнуть Бога, Отца Своего в бессердечии.

И потому принесло Рождество Христово нам радость, праздничность, легкость, внесло свет и освобождение в мир, что дорогой ценой жизни Сына Своего искупил Бог всякую жизнь человеческую. Аминь.

о. Михаил Аксенов Меерсон

ХРАМУ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ 60 ЛЕТ

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Алексей Татищев

1. ОСНОВАНИЕ ПРИХОДА И ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Первая волна русских беженцев после революции 1917 года достигла восточных берегов Северной Америки в 1922 и 1923 годах. Большинство новоприезжих эмигрантов в Соединенные Штаты поселилось в северных кварталах города Нью-Йорка.

К 1924 году, устроив свою жизнь в непривычной обстановке "нового света" и найдя себе заработок, обеспечивающий материальные нужды жизни, эмигранты начали думать об удовлетворении своих духовных потребностей, т.е. об организации места, где они бы могли продолжать молиться и славить Бога по привычному им русскому православному обряду.

В то время в городе Нью-Йорке существовали лишь две русские православные церкви: Свято-Николаевский собор на Ист 97 улице в Манхеттене, сооруженный царским правительством России, и собор Покрова Пресвятой Богородицы.

Оба собора были расположены вдали от района города, где поселились новоприезжие эмигранты. Вдобавок, уже в 1924 году Свято-Николаевский собор стал предметом претензий про-советской, так называемой "Живой церкви", главы которой заявили в Американском Гражданском суде о своих "правах" на юрисдикцию над собором, как принадлежащим русскому правительству. Американский Гражданский суд, к сожалению, удовлетворил эту претензию, и собор скоро перешел в руки живоцерковников, а после войны — в руки Московского Патриархата, где и пребывает поныне. Новоприбывшие эмигранты из России никоим образом не хотели опять попасть под власть коммунистов, из-под ига которых они только что вырвались. В то же время им хотелось иметь свою церковь ближе расположенной к району города, где они поселились. Одновременно начались поиски священника, который мог бы быть настоятелем предполагаемой новой церкви.

Среди русских эмигрантов в Нью-Йорке оказался православный священник — отец протоиерей Архип Сырбу, родом из Бессарабии, и с ним вместе группа из 96 русских эмигрантов обратилась к возглавлявшему в то время Русскую Православную Церковь в Америке Высокопреосвященному Митрополиту Всея Америки и Канады, в свое время назначенному на свой пост в "новом свете" Святейшим Тихоном, Патриархом Московским, разрешить им основать новый Русский Православный приход в городе Нью-Йорке. Митрополит дал на это свое благословение, и в конце 1924 года была отслужена отцом Сырбу первая православная литургия нового прихода в епископальной церкви Святого Андрея на Вест 127 улице в Манхеттене.

Тесная и дружественная связь с епископальной церковью возникла от случайной встречи одного из новоприбывших русских эмигрантов с доктором Альбертом Рибуром, настоятелем Свято-Андреевской епископальной церкви, горячее содействие которого в поддержке усилий создать новый православный приход и зарегистрировать его по гражданским законам штата Нью-Йорк, явилось существенной помощью с самого начала основания прихода.

Вскоре новым приходом было приобретено здание на Ист 129 улице, в котором усилиями отца Архипа Сырбу и прихожан была сооружена домовая церковь. Первая Всенощная и первая литургия были отслужены в ней в феврале 1925 года. В июне того же 1925 года новая церковь была освящена Высокопреосвященным Митрополитом Платоном и названа Храмом Христа Спасителя в память разрушенного большевиками собора в Москве.

1925, 1926 и 1927 годы ознаменовались особенно быстрым ростом нашего прихода. Уже к середине 1926 года небольшая домовая церковь не могла вместить молящихся, и начались попытки найти большее помещение, на приобретение которого требовалось собрать много денег. Тем временем протоиерей Сырбу выбыл из прихода, решив возвратиться на свою родину в Бессарабию, которая еще тогда не была во власти советского правительства. Год спустя протоиерей Архип Сырбу скончался в Бессарабии накануне рукоположения его во епископы.

На его место Митрополитом Платоном был назначен священник отец Василий Курдюмов. Обладая исключительными и истинно православными душевными качествами, отец Василий с самого начала своего настоятельства стал всеобщим любимцем прихожан нашего храма. Слава о нем быстро распространилась по всей русской колонии, как новоприбывших так и ранее обитавших в городе Нью-Йорке и его предместьях. Он вскоре после его назначения нашим настоятелем был возведен в сан протоиерея.

Тем временем, быстрый рост нашего прихода остро поставил перед прихожанами вопрос необходимости найти другое более вместительное здание для нашего Храма. В октябре того же 1926 года поиски нового помещения увенчались успехом. Удалось нанять в аренду на один год большое здание на углу Мадисон Авеню и 121 улицы в Манхеттене, принадлежащее обществу Рыцарей Колумбии, а помещение на 129 улице удалось продать, предварительно перевезя из него, конечно, иконостас и другие иконы и церковные предметы.

Новоприобретенное здание своими размерами, архитектурой и местоположением в городе так удачно отвечало нуждам прихода, что почти сразу же все стали прилагать усилия, чтобы собрать достаточно средств на его покупку. Дело это пошло так успешно, что к истечению срока аренды, в октябре 1927 года здание было приобретено за 145.000 долларов, из коих три тысячи наличными были собраны среди прихожан, а остальные 142.000 получены по закладным, которые взяли на себя более зажиточные лица, как американцы так и русские.

Здесь уместно указать на одного из самых энергичных и преданных нашему церковному делу людей — Владимира Петровича Шмидта, который последние годы своей жизни посвятил почти исключительно благополучию нашего Храма Христа Спасителя. В.П. Шмидт стал нашим первой старостой и с самого основания Храма и до своей кончины в 1960 году прослужил председателем церковного совета и президентом совета попечителей храма. Несомненно, что без его неустанных трудов нашему храму не удалось бы достичь того выдающегося положения и влияния, которого он достиг среди православной русской общественности в городе Нью-Йорке и его окрестностях.

2. ГОДЫ ДУХОВНОГО И МАТЕРИАЛЬНОГО РАСЦВЕТА

Двадцатилетний период, начиная с 1928 года и до 1950-го, можно назвать "Золотым Периодом" жизни нашего прихода. В течение этих лет наш Храм достиг зенита своего духовного и культурного влияния. Его деятельность распространилась даже по всему северо-восточному побережью Соединенных Штатов, проникая и в Канаду. Описать подробно всю разностороннюю деятельность нашего храма невозможно в столь кратком очерке. Поэтому мы ограничимся лишь тем, что отметим самые выдающиеся факты.

Во-первых, следует отметить, что просторный наш храм мог легко вместить одновременно более пятисот молящихся. На большие церковные праздники, такие как Рождество и особенно Пасха, число людей, привлеченных торжественным богослужением и вдохновенным пением нашего церковного хора, далеко превышало даже эту цифру, и многие присутствующие обычно запруживали прилегающие улицы, так что частенько приходилось вызывать городскую полицию, чтобы регулировать уличное движение. Несколько раз в 1930-х годах служба

Продолжение см. на стр. 19

Храм Христа Спасителя на 71-ой улице

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АМЕРИКАНСКАЯ ПАНОРАМА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ США ОТЛОЖИЛ ПОЕЗДКУ ОФИЦИАЛЬНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СВЯЗИ С ОТКАЗОМ СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ ВЫДАТЬ ВИЗУ ПРАВОСЛАВНОМУ УЧАСТНИКУ ДЕЛЕГАЦИИ, ПРОТ. ЛЕОНИДУ КИШКОВСКОМУ.

о. Леонид Кишковский, настоятель церкви Казанской Божией Матери, что в Сиклифе на Лонг Айленде, помощник заведующего канцелярией и секретарь отдела внешних сношений Православной Церкви в Америке в качестве члена Правления Национального Совета Христианских Церквей США входил в состав официальной делегации в Советский Союз. Делегация, четвертая со времени открытия диалога советских церквей с западными в 1956 году и первая за последние десять лет, должна была отправиться в СССР в середине октября. В ее цель входило обсуждение богословских и церковных проблем с советскими церквами и подготовка к празднованию тридцатилетия взаимоотношения церквей по обе стороны Железного Занавеса, которое исполняется в 1986 году.

Однако официальный визит делегации НСХЦ был сорван отказом советских властей выдать визу одному из делегатов — о. Леониду Кишковскому.

о. Леонид представляет Православную Церковь в Америке в Национальном Совете Церквей. В 1982 году он был избран членом правления НСХЦ сроком на три года. Это его второй срок в качестве члена правления НСХЦ. До этого он заседал в правлении НСХЦ с 1979 по 1981 год. Кроме того о. Леонид Кишковский принимал участие во многих делегациях Православной Церкви в Америке. В 1980 году он посетил Москву в составе делегации ПЦА, прибывшей на празднование 60-летия восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви. В Москве о. Леонид встречался с о. Дмитрием Дудко и рядом других православных деятелей. В том же году о. Леонид в составе делегации ПЦА присутствовал на интронизации Папы Иоанна-Павла II в Риме. В 1981 году о. Леонид был делегатом ПЦА на консультативной встрече православных церквей — членов Всемирного Совета Церквей, проходившей в Софии. В 1983 году он был делегатом ПЦА на генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей в Ванкувере.

Естественно, что отказ в визе Кишковскому со стороны советских властей вызвал негодование в НСХЦ. Генеральный секретарь НСХЦ Клэр Рэндал заявила, что со времени первой делегации НСХЦ в СССР в 1956 году это первый случай отказа в визе члену официальной делегации. На обращение НСХЦ в советское посольство с предложением пересмотреть это решение последнее ответило подтверждением отказа в визе.

НСХЦ Соединенных Штатов, отложив поездку официальной делегации, все же послал группу из 14 членов правления встретиться с представителями церквей в Советском Союзе. "Мы считаем, что мы обязаны послать группу представителей для встречи с церквами в СССР, чтобы выразить свою солидарность с христианами в Советском Союзе и чтобы засвидетельствовать, что запретительства не в силах воспрепятствовать встрече американских и советских христиан", — заявил президент НСХЦ епископ Филипп Коузин.

ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ

СССР

АМЕРИКАНСКАЯ СТАТИСТИКА СОВЕТСКИХ ВЕРУЮЩИХ

Известный американский ученый, исследователь религии в Советском Союзе, Уильям Флетчер выпустил новую книгу "Советские верующие: религиозный сектор населения". На основании советских источников и советских социологических исследований, автор приходит к заключению, что в Советском Союзе верят в Бога около 30 процентов собственного русского населения и 60 процентов населения не русских республик. Таким образом 45 процентов всего советского населения, или 115 миллионов — верующие. Как пишет Флетчер в предисловии к своей книге, получение этих сведений из советских источников было не легким делом. "Приходилось делать то, — пишет Флетчер, — что мой тесть делал с собственным сахарным тростником: надо выварить тонну тростника, чтобы получить несколько литров хорошего сиропа. То же самое нужно сделать с советской социологией религии в ее нынешнем состоянии, чтобы добиться приличных результатов".

УВЕЛИЧЕНЫ КВОТЫ СТУДЕНТОВ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ СЕМИНАРИЙ

Синод Русской Православной Церкви объявил о повышении квоты приема в Московскую Духовную Академию, однако точное количество студентов, которые будут приняты, не было названо. Увеличился прием студентов и в Каунасскую католическую семинарию. В 82—83 учебном году принято 23 новых студента в каунасскую семинарию, что составило общее число 97 семинаристов. Это число много ниже довоенного уровня. В 46-ом году, после двухлетнего спада, в Каунасе все еще было 150 студентов. В 79-ом году их было только 62. В рижскую като-

лическую семинарию было допущено 19 новых студентов. Всего их теперь 44. Это число также ничтожно по сравнению с довоенным. В католические семинарии попадает менее пятидесяти процентов всех желающих. Обе семинарии отвергли 50 кандидатов с одной только Украины.

ПОЛОЖЕНИЕ ЛЮТЕРАН В СИБИРИ

Около миллиона лютеран, говорящих по-немецки, проживают в Сибири, куда они были выселены во время Второй мировой войны. До последнего времени у них не было собственной религиозной организации. Если лютеране Латвии и Эстонии имеют собственных епископов и местные правления руководят официально признанной Лютеранской Церковью, то сибирские лютеране находятся в юрисдикции рижского епископа Харалда Калнинса, находящегося от них за тысячи километров. Лютеранская Церковь в Советском Союзе входит во Всемирную Лютеранскую Федерацию с центром в Женеве. Во время своей недавней поездки по Сибири с целью ознакомления с религиозным положением лютеранских общин председатель иностранного отдела Лютеранской Церкви в Германии д-р Хайнц Иохам Хельд внес рекомендацию образовать сибирский союз лютеранских церквей. Московская Патриархия поддержала этот план, который помог бы объединить все говорящие по-немецки лютеранские общины Сибири.

КТО ФИНАНСИРУЕТ ЗАПАДНЫХ ПАЦИФИСТОВ?

В одной из голландских газет появилась статья о том, из каких средств советское правительство финансирует пацифистское движение в Европе и Северной Америке. Известно, что с 1968 года приходы Русской Православной Церкви стали отчислять определенный процент своих сборов в так называемый "фонд мира". В частности,

СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА АМЕРИКАНСКОГО КОМПОЗИТОРА ПОСВЯЩЕНА ВЕРУЮЩИМ В РОССИИ

Композитор Эйзель написал симфоническую поэму с хором на слова молитвы "Отче наш", посвятив ее верующим в России. Поэма исполнялась на русском языке в нескольких церквях в Калифорнии и транслировалась на коротких волнах в Советский Союз. Композитор сказал, что это произведение является выражением его чувства солидарности с верующими в России и преклонения перед христианским исповедничеством нашего века.

ОТЗЫВЫ РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ В КИТАЕ НА АМЕРИКАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕДАЧИ

Американская радиостанция, вещающая христианские передачи на Китай, с началом нормализации отношений между США и Китайской Народной Республикой начала получать все больше и больше писем от китайских граждан. Пишут жители буквально всех китайских провинций и всех возрастных категорий. Особенно много писем от молодежи. Содержание писем

говорит о растущей духовной жажде, поиске смысла жизни и интересе к христианской проповеди. В настоящее время христианская радиостанция в США получает ежемесячно около 3 тысяч писем от китайских слушателей.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ПРЕССА В США

Вот уже несколько лет прошло с основания официальной газеты католической Нью-Йоркской епархии — "Католический Нью-Йорк". Хотя последние годы были нелегкие для периодических изданий и многие из них закрылись, число подписчиков на католические газеты растет. В Америке издается больше ста шестидесяти епархиальных католических еженедельных газет, пользующихся полной свободой при наличии католической цензуры и затрагивающей любые вопросы. Редактор "Католического Нью-Йорка" Костелло заявил, что сегодня любой католик в Америке свободно сообщает в печати о любой затрагивающей его проблеме.

ЭКРАНИЗАЦИЯ БИБЛИИ

В 1975 году американский кинорежиссер Джон Хейман начал экранизацию всего Священного Писания, книг Ветхого и Нового Заветов. Эта

в своем письме Брежневу епископ Феодосий Полтавский прямо говорит, что за десять лет взносы его епархии в "фонд мира" возросли с пяти до двадцати процентов общих церковных сборов.

Вряд ли стоит говорить, что раз внесены деньги в "фонд мира", Церковь теряет всякий контроль над тем, как, куда и кому потом эти деньги направляются.

АТЕИЗМ НА СТРАЖЕ ПРАВОСЛАВИЯ

Советская атеистическая брошюра вступила в богословский спор с сектантами. Давно ли советскую пропаганду беспокоил вопрос, есть ли Бог? Сейчас она занимается другими богословскими проблемами: правильно ли понимают заповеди Божии члены секты "Свидетели Иеговы". В недавнем издании советской атеистической брошюры против этой секты приводятся цитаты из Библии с доказательствами, что догма секты находится в противоречии с утверждениями Священного Писания.

КИТАЙ

РАСЦВЕТ ИСЛАМА В КИТАЕ

После жестоких, но тщетных преследований ислама маоистами, режим признал его право на существование и ислам становится наиболее активной религией в Китае. По статистике всенародной переписи 1982 года в Китае около 13 миллионов этнических мусульман, т.е. больше, чем в Саудовской Аравии, Кувейте и Объединенном Арабском Эмирате, взятых вместе. Неофициальная (т.е. негосударственная) статистика считает, что число мусульман в Китае достигает 20 миллионов.

Мехут Аман, чиновник бюро по делам религии в Ксиньдзянь-Уигхурском районе насчитывает только в северо-западной части страны 7 миллионов мусульман. Он также говорит, что в Ксиньдзяне 12 000 действующих мечетей и пятнадцать тысяч мусульманского духовенства и причта.

В последние годы Пекин ведет политику умеренных послаблений религиям. Причины терпимости по отношению к исламу кроются, по видимому, не только в боязни повторения в Китае иранских событий, но и в желании Пекина завоевать поддержку мусульманских нацмень-

шинств, населяющих пограничные зоны Китая.

С 80 года Пекин разрешил мусульманам паломничество в Мекку, которое теоретически раз в жизни должен совершить каждый праведный мусульманин. Визы получают через Пакистан, так как у Китая нет дипломатических отношений с Саудовской Аравией.

Возмещая потери "культурной революции" власти напечатали семьдесят тысяч экземпляров Корана по-арабски.

БИБЛИИ В КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ

Могут ли сосуществовать Иисус Христос и Карл Маркс? — задает вопрос статья в американской газете "Уол стрит Джорнал". Оказывается они прекрасно сосуществуют в одиннадцатизэтажной типографии в Гонг-Конге, в которой наряду с произведениями коммунистической классики и пропаганды печатается Библия для Библейского Общества. Типография выпускает 10-15 процентов всех изданий Священного Писания для Азии, в прошлом году она напечатала 11 миллионов

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Швейцарский журнал "Вера во Втором Мире" сообщает, что главной темой обсуждения на девятом съезде Федерации Словацких коммунистов была религия. На съезде подчеркивалось, что религия имеет глубокие национальные корни, и что в социалистическом обществе верующие должны пользоваться полной свободой, а компартия должна мирно сосуществовать с верующими. "Как марксисты и коммунисты мы знаем о глубоких общественно-исторических корнях религии и о необходимости для верующего ощущать себя полноправным гражданином", — сказал Марко Керсван на съезде. Он также сказал, что религия при социализме перестала носить реакционный характер и что религиозные убеждения в действительности могут играть важную роль в борьбе народов за свое освобождение. Однако, на съезде было подчеркнуто, что религиозные убеждения несовместимы с членством в компартии.

К 60-летию храма Христа Спасителя

Панихида по Царской семье 17 июня 1932 г. в храме Христа Спасителя
фотография опубликована в "The Herald Tribune" 18 июля 1932 г.

экранизация по расчетам кинорежиссера может занять 20 лет. Он планирует закончить всю работу к 1995 году. Общая продолжительность фильма по всей Библии по его расчетам — трое суток и шесть часов. К этому году закончилась экранизация двух библейских книг — "Бытия" из Ветхого и "Евангелия от Луки" из Нового Заветов. Готовые фильмы распространяются в 8 и 16 миллиметровых форматах для просмотра в церквях и синагогах.

В своей экранизации американский режиссер ставит целью достичь как можно больше исторической и научной подлинности в передаче библейских событий. Фильм снимается в Египте и в Израиле, действующие лица говорят на древних языках Библии: еврейском, коптском, греческом и арамейском с переводом на английский язык. В качестве консультантов приглашены богословы, археологи и библеисты.

ЦЕРКВИ — ГЛАВНЫЕ ОРГАНИЗАТОРЫ ДЕТСКИХ САДОВ

Согласно недавнему исследованию Американского Национального Совета Церквей Христа основными организаторами детских садов и групп продленного дня в Америке являются церкви. Более двадцати пяти тысяч протестантских и православных церквей имеют при себе

детские сады или группы продленного дня. Статистическое исследование не включало программы католических церквей и школ, поскольку последние не входят в Национальный Совет Церквей. Кроме того, исследование не включало тринадцатимиллионную Южно-Баптистскую конвенцию — главную протестантскую конфессию Соединенных Штатов. По словам представителя Южно-Баптистского комитета воскресных школ, Южно-Баптистские церкви имеют около трех тысяч детских садов и групп продленного дня. Это число все увеличивается.

Национальный совет церквей разослал анкеты почти в 88 тысяч приходов пятнадцати различных исповеданий. Ответили двадцать семь тысяч приходов. Из них двадцать пять тысяч ответили, что при них есть либо детские сады, либо группы продленного дня, охватывающие более полумиллиона детей.

Проблема групп продленного дня и детских садов становится в Америке особенно актуальной, так как по сведениям статистики увеличивается число отцов и матерей-одиночек, а также семей, в которых оба родителя работают.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ДРАМЫ

После многовекового перерыва возрождается старинный вид искусства — религиозной драматургии. Религиозная драма ставилась на греческих аренах. Потом она была оттеснена римскими гонениями на христиан и возродилась лишь в Средние века, преследуя цель поучения неграмотных и наглядной проповеди. Она снова пала в забвение в пуританскую эпоху и неожиданно начала возрождаться в наш секулярный век. Все больше американских церквей прибегает к религиозной драме — наиболее впечатляющему виду проповеди. Недавно театральная

группа под Нью-Йорком поставила современного "Иова", под названием "Божий Избранник" и с успехом дает представления по разным церквям.

"Что вы помните из воскресной проповеди через неделю?" — спрашивает режиссер одной из религиозных драматических групп. "Почему драма эффективна в проповеди? Потому что она действует в рамках тех средств информации, к которым мы в современном мире привыкли с детства".

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЕНГРИЯ

РОСТ ПАЦИФИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ СРЕДИ ВЕНГЕРСКИХ КАТОЛИКОВ

Кестон Колледж сообщает, что венгерские власти обеспокоены все возрастающими пацифистскими влияниями среди членов "основных общин", — сети независимых католических групп, относящихся весьма критически к компромиссной политике кардинала Лекая в отношении режима. Эти группы возникли за последние десять лет. В них входят несколько тысяч человек, собирающихся в частных домах, для молитвы, мессы и изучения Библии. Группы заняли оппозиционное положение по отношению к иерархии. Они считают, что религиозная свобода отсутствует в Церкви, контролируемой иерархией в сотрудничестве с государством. В последние два года около ста таких групп стали проповедывать пацифизм. Недавно четверо венгерских католиков, отказавшиеся от воинской повинности из религиозных соображений, были осуждены на сроки от 6 месяцев до 5 лет.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕМЫ В ВЕНГЕРСКОМ САМИЗДАТЕ

Все большую роль в интеллектуальной и религиозной жизни Венгрии играет самиздат. Несколько лет назад венгерский самиздатский сборник "Бесело" ("Собеседник") вышел тысячей экземпляров. По последнему списку неофициальных изданий, опубликованному в "Бесело", сейчас в Венгрии выходит и неофициально распространяется 48 самиздатских публикаций. Одним из центров распространения самиздата является дом Ласло Райха, сына бывшего министра иностранных дел Венгрии, осужденного и казненного в 48 году. Особое внимание в самиздате уделяется религиозной жизни в стране. В сборнике "Бесело" опубликовано открытое письмо члена движения католических групп "Оазисы" (очаги духовного возрождения), критикующие позицию официальной Церкви. Письмо перечисляет компромиссы с коммунистическим режимом, на которые шла иерархия. Автор письма принадлежит к группе католиков, вдохновляющихся решениями Второго Ватиканского Собора и требующих бескомпромиссного отношения Церкви к политической власти. Члены "Оазисов" требуют большей свободы внутри Церкви, демократизации общества и призывают к отказу от военной обязанности на основе пацифистских убеждений.

МИССИЯ ЦЕРКВИ ГЛАЗАМИ ВЕНГЕРСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ

Недавно секретарь Венгерской католической епископской конференции епископ Печский Йозеф Черхати изложил позиции Церкви и ее обязанности в коммунистической Венгрии. В своей статье, напечатанной в Будапештском католическом еженедельнике "Юж Ембер", епископ отверг коммунистическое определение религии как духовного "культа". Он подчеркнул, что христианство имеет гораздо более широкие обязательства и сферу влияния, затрагивает разные аспекты общественной жизни, включая пастырскую заботу о семьях, молодежи, религиозном просвещении населения и заботу о социальном благосостоянии.

Епископ выразил требование Церкви, чтобы эта природа христианства была признана государством, равно как и требование, чтобы государство в полной мере признало права верующих, поскольку Церковь в Венгрии пользуется доверием государства.

Секретарь венгерской католической епископской конференции заявил, что между Церковью и государством в Венгрии может и должно быть сотрудничество, но что оно неизбежно будет ограничено марксистской природой государства, поскольку Церковь в принципе не может признать материалистическое и атеистическое мировоззрение и с ним примириться. Однако это не исключает область сотрудничества, в которую епископ поместил экономическую жизнь, "кризис ценностей среди молодежи", необходимость воспитания здорового патриотизма и совместную кампанию против гонки вооружения.

КАТОЛИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ПРИЗНАНЫ ЛУЧШИМИ В ВЕНГРИИ

В Венгрии 60 процентов населения — католики и 30 процентов всех браков — церковные. В стране сильны традиции католического воспитания и образования. Вплоть до Второй мировой войны большинство школ и многие университеты возглавлялись католической Церковью. Придя к власти после войны, коммунисты стали крушить Церковь, оставив всего четыре монашеских ордена из двадцати. Каждому ордену было позволено вести две школы для учеников от 14 до 18 лет. Католические начальные школы были упразднены полностью. Сегодня восемь католических школ: шесть для мальчиков и две для девочек, остаются лучшими средними школами в Венгрии. Как правительственные чиновники, так и работники венгерской системы просвещения согласны, что католические средние школы более действенны и полезны, чем государственные. Благодаря их репутации лучшего воспитания старого образца и прекрасного образования, в эти школы огромный конкурс.

Кроме общих предметов с государственными школами, образование в католических школах включает изучение Библии, истории католической Церкви в Венгрии и этики. Особую трудность для этих школ представляет курс по марксизму, обязательный среди общеобразовательных предметов в Венгрии: власти не соглашались, чтобы марксистское обществоведение преподавали священники, а школы не хотят "импортировать" коммунистических учителей.

После того, как власти чинили Церкви всевозможные препятствия, они, наконец, оставили католические школы в покое, смотря на них, как и на большинство подобных учреждений в стране сквозь пальцы. Председатель Совета по делам Религии Имре Миклош считает, что особых проблем с католическими школами нет. Он разделяет общее мнение, что ученики католических школ лучше подготовлены к университету из-за более интенсивного обучения и более строгой дисциплины, чем ученики школ государственных.

ХРИСТИАНСКО-МАРКСИСТСКИЙ ДИАЛОГ В ВЕНГРИИ

В статье о христианско-марксистском диалоге в Венгрии, напечатанной в "Бритиш Уикли", говорится о том, что либеральная экономическая и социальная политика коммунистического режима в Венгрии распространяется и на религию. Янош Кадар официально признал, что не все в Венгрии — коммунисты, что венгерское общество — смешанное. Так, в президентский совет ВНР входят представители католической и протестантских церквей, между церковью и государственными инстанциями существует сотрудничество в области социальных проблем и борьбы с алкоголизмом. В некоторых школах начали использовать Библию как литературный и исторический источник. Марксистская интеллигенция официально заявляет, что "каждый обра-

зованный человек должен иметь и знать Библию". Венгерская пресса, радио и телевидение уделяют больше внимания религиозным темам.

До недавнего времени в коммунистических странах не велся диалог между марксистами и христианами. После Пражской Весны 68 года власти побаивались такого диалога как еретического отклонения от догмы.

Диалог начался в Венгрии пару лет назад. В Дебрецене, после венгерского реформатского протестантизма, произошло несколько встреч между марксистскими философами и протестантскими богословами. Диалог носил официальный характер и был открыт приветственной речью председателя комитета по делам религии Имре Миклоша. Директор Института философии Венгерской Академии наук, д-р Йозеф Лукаш сделал доклад на тему "Христианство и марксизм в наши дни", в котором подчеркнул положительную роль религии. В беседах были затронуты следующие темы: вера, знание и наука в современном понимании христианства и марксизма, человек в марксистском и христианском мировоззрениях, социально-политическое учение христианства, абсолютные и относительные разногласия между марксистской философией и христианским богословием, экуменические и международные перспективы христианско-марксистского диалога.

Председатель Комитета по делам религии Миклош сказал, что для марксистов важно идти далее простого отрицания негативных сторон религии, чтобы понять ее положительное историческое значение

ГДР

ЦЕРКОВЬ ДОБИВАЕТСЯ БОЛЬШЕЙ СВОБОДЫ

"До избрания польского Папы, мало кто на Западе сознавал, насколько важна религия для народов Восточной Европы. Несмотря на монополию марксизма-ленинизма в области образования, по-видимому, на Востоке больше свидетельств глубокой христианской веры, чем на Западе". — таково заключение английского церковного журналиста, напечатавшего в лондонском "Тайме" статью об отношении Церкви и государства в Восточной Германии. Автор говорит, что 3 года назад представители партии и правительства встретились с руководителями протестантской церкви с целью нормализации отношений. Даже коммунистическое государство было вынуждено признать, что оно не может настаивать против себя массы недовольных верующих. Многие пожелания Церкви с того времени были удовлетворены. В ГДР разрешается постройка новых храмов, священники могут посещать заключенных в тюрьмах, есть религиозные программы по телевидению, поощряется благотворительная работа Церкви. Символом новой политики государства было восстановление главного протестантского собора Берлина, разрушенного в 1945 году.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИЗЫВАЕТ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ РАЗРУШЕННЫХ ЦЕРКВЕЙ

Недавно в Берлине вышла из печати роскошно изданная книга "Христианское искусство — часть наследия Германской Демократической Республики". Книга подготовлена правлением Союза Христианских демократов Восточной Германии совместно с Институтом Охраны Исторических Памятников. В книге 420 иллюстраций, включающих фотографии соборов и раздел, посвященный разрушенным церквям, призывающий к их восстановлению. Восстановление церквей представлено как дело плодотворного и двустороннего сотрудничества Церкви и государства ГДР.

ПРАВОСЛАВИЕ

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ СВЯТО-СЕРГИЕВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА В ПАРИЖЕ

Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже учредил заочные курсы богословского образования на французском языке. Институт предлагает курсы по следующим предметам: Ветхому и Новому Заветам, Патристике, Догматике, Нравственному богословию, Литургическому богословию, Истории Церкви, Аскетике. В программе используются материалы института, а также учебные материалы Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке.

БОГОСЛОВСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СЕМИНАРИИ В США ПОДНИМАЕТСЯ ДО УНИВЕРСИТЕТСКОГО УРОВНЯ

Православная богословская семинария им. святого Владимира в Крествуде, в штате Нью-Йорк, признана по своему научному рангу равной богословскому факультету Афинского Университета. В официальном письме декану Свято-Владимирской семинарии декан богословского факультета Афинского Университета признал Свято-Владимирскую семинарию одним из главных всемирных центров православной богословской работы и образования, а ее дипломы равными дипломам Афинского Университета, и заявил, что это признание должно служить единству православия и делу евангельского свидетельства православия в современном мире.

ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОЙ СЕМИНАРИИ

6 октября в Православной Духовной Семинарии Святого Владимира под Нью-Йорком состоялся День Православного Просвещения — традиционное ежегодное событие в главной православной богословской школе Америки. В этот день открытых дверей в семинарию съезжаются православное духовенство и верующие со всех Соединенных Штатов и из Канады, иногда в числе, достигающем до 10-15 тысяч человек. Семинария устанавливает огромный шатер, могущий вместить массу приезжих на торжественное богослужение и шатры для выставок, стендов и ярмарки, устраиваемой с целью финансовой поддержки семинарии.

По обыкновению День Православного Просвещения начинается с архиерейской Божественной литургии. Затем гости семинарии имеют возможность ознакомиться с различными сторо-

ШВЕЦИЯ

ПЕРЕВОД НОВОГО ЗАВЕТА НА КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

В течение нескольких лет Стокгольмский Институт по переводу Библии работал над переводом Нового Завета на киргизский язык. Два миллиона киргизов еще не имели Библии на родном языке. Работа по переводу Библии на киргизский язык началась около десяти лет назад под покровительством норвежской миссии для народов за железным занавесом. Институт объявил, что закончилась публикация Евангелий Матфея и Иоанна на киргизском языке в количестве 5 тысяч экземпляров, которые должны быть посланы в Советскую Киргизию. В настоящее время продолжается работа по переводу всей Библии на киргизский язык.

нами религиозной, просветительской, культурной и общественной жизни Православной Церкви в Америке, в которую входят разные национальные православные группировки: русские, украинцы, сербы, болгары, румыны, албанцы, арабы, а также растущее число американцев иного происхождения, обратившихся в православие. Культурная и религиозная жизнь этих группировок вместе с национальными кулинарными изделиями представлены в различных павильонах на празднике. Многочисленные стенды и выставки рассказывают о миссионерской, благотворительной, экуменической, общественной и культурной деятельности Православной Церкви в Америке, о жизни ее отдельных епархий. День религиозного просвещения обычно заканчивается Всенощным бдением. Гости разъезжаются поздно вечером, полные впечатлениями после целого дня, проведенного в семинарии.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

ВАТИКАНСКОЕ ПОСЛАНИЕ "ПАСТЫРСКАЯ ЗАБОТА О БЕЖЕНЦАХ"

Ввиду все большего вовлечения Католической Церкви в проблему беженцев в различных частях света, Папская комиссия Пастората миграции и туризма опубликовала послание, посвященное пастырской заботе о беженцах. Описывая положение беженцев, как "одно из самых символических и трагических аспектов в передвижении народов в нашем столетии", пастырский документ обращает особое внимание на человеческие страдания, связанные с вынужденной эмиграцией, и с сожалением отмечает, что часто по отношению к страданиям этих людей наблюдается преступное невнимание и равнодушие.

Обсуждая легальный статус беженцев, документ отмечает, что в настоящее время не существует международного органа, который бы занимался проблемой территориального убежища для

беженцев. Ватиканский документ отмечает наличие "серой зоны между беженцами и эмигрантами". Документ ссылается на декларации и соглашения ООН, которые относятся к проблеме беженцев, и указывает, что достаточно правильно использовать внутренние и международные виды законодательства, чтобы добиться эффективной защиты беженцев, в особенности тех, кто не имеет законного статуса, являясь на деле нелегальными иммигрантами. Ватиканский документ подчеркивает, что для того, чтобы помочь беженцам стать полноправными членами общества, давшего им убежище, необходимо отнестись с вниманием и должным уважением к их человеческим и профессиональным достоинствам.

КАТОЛИКИ ПРЕДПОЧИТАЮТ МОЛИТЬСЯ НА ПОНЯТНОМ ЯЗЫКЕ

Хотят ли католики возвращения к латинской мессе? Таков был вопрос анкеты, разосланной Ватиканом. Одной из самых радикальных реформ II Ватиканского собора в 60-х годах был перевод латинской мессы на разговорные языки. Опрос 1750 католических епископов во всем мире показал, что подавляющее большинство католиков предпочитают молиться на своем родном языке. Опрошенные епископы ответили, что просьбы возвратиться к латинской мессе чрезвычайно редки. Согласно решению Ватиканского собора епископы и священники обязаны удовлетворять просьбы своих прихожан, если большое число их желало бы слушать мессу по латыни. Однако большинство верующих во всем мире предпочитают обращаться к Богу на понятном языке.

ВАТИКАНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О ПОЛОВОМ ВОСПИТАНИИ В ШКОЛАХ

После десятилетних исследований вопроса Ватикан опубликовал декларацию "Воспитательное руководство о человеческой любви". Декларация призывает ко введению полового воспитания в школах. Хотя документ на 36 страницах, анализирующий проблемы полового воспитания, отводит первенствующую роль в нем семье, он также призывает и школу содействовать родителям в этом воспитании. Декларация излагает традиционный взгляд Католической Церкви на отношение между полами.

ПОСЛАНИЕ ИСПАНСКОГО ЕПИСКОПАТА О МАЛЫХ ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИНАХ

О МАЛЫХ ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИНАХ

Недавно епископат испанской католической церкви выпустил послание "Пастырское служение малых христианских общин".

Возникновение малых общин из мирян, которые собираются небольшими группами в частных домах для совместной молитвы, чтения Библии и взаимопомощи — это движение, охватившее Католическую Церковь II Ватиканского Собора. В основе этого движения стоят рост христианского самосознания, понимание того, что проповедь Евангелия и жизнь по Евангелию — это долг не только духовенства, но и каждого христианина, а также желание преодолеть безличность и формальность церковной жизни в огромных городских приходах, где каждое воскресенье собираются тысячи человек, не знающих друг друга и не встречающихся никогда вне воскресного богослужения.

Небольшие христианские общины, состоящие из десятка человек, стали возникать для того, чтобы возродить общинный дух древней

Храм Христа Спасителя на 121-ой ул.

Продолжение см. на стр. 8

Церкви, о котором говорится в Книге Деяний Апостольских. За двадцать лет это движение охватило многие страны. Недавний документ испанского епископата анализирует состояние домашних христианских общин в своей стране.

В Испании пять тысяч малых христианских общин. Они, в основном, находятся в городах, половина их членов — это рабочие и служащие. 49% — мелкие и средние предприниматели, 6% — университетские студенты. Эти общины недолговечны, они редко существуют дольше десяти лет, что объясняется большой мобильностью населения в современном городе. Какова цель этих общин? Для одних основное — это богословское самообразование, другие считают, что главное — это проповедь Евангелия неверующим, свидетельство о Христе в современном мире, третьи ищут особых даров Святого Духа, называют себя харизматическими общинами, четвертые видят свою цель в практике евангельской любви, практическом осуществлении Христовых заповедей.

Документ испанских епископов дает оценку этих общин. Среди их положительных сторон епископы отмечают атмосферу христианской зрелости и самостоятельности, а также то, что, что молодежь в этих общинах легче может осуществить свое стремление изменить мир вокруг себя, и то, что общинная жизнь помогает налаживанию личных отношений, реализации творческих потенций и более полному развитию личности каждого члена общины.

Среди опасностей общинной жизни епископы называют нетерпение, непостоянство, дух критики по отношению к иерархии, опасность отпадения в сектанство, или сведения христианства для одних к чистому спиритуализму, для других — социально-политической деятельности.

ПРОТЕСТАНТИЗМ

СКОЛЬКО ЛЮТЕРАН В МИРЕ?

Число лютеран во всем мире достигло 69 миллионов, увеличившись за последний год на 50 тысяч. Согласно данным, собранным Всемирной Лютеранской Федерацией, самый большой рост лютеранской церкви происходит в Африке, где уже насчитывается 3,8 миллиона лютеран. Самое значительное уменьшение — в Западной Германии, где число членов сократилось на 167 тысяч.

А СКОЛЬКО БАПТИСТОВ?

Баптистский Международный Союз сообщает о росте числа баптистских церквей и верующих в 1983 году. Число верующих баптистов увеличилось на 70 тысяч в Азии и достигло одного миллиона в Африке. Однако, баптисты потеряли 90 церквей и 1.051 членов в Европе. Во всем мире насчитывается 31.553.278 членов в 123.305 церквях, 3 процента увеличения по сравнению с 1982 годом.

БИБЛЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕГОДНЯ

Количество ученых публикаций по Ветхому Завету все растет.

В среднем на протяжении 70-х и 80-х годов, по сведениям стандартных международных библиографий, ежегодно выходит сто пятьдесят книг, сорок докторских диссертаций и семьсот пятьдесят статей о Ветхом Завете. Это число не включает популяризаторские работы, выходящие примерно в таком же количестве. Каждый год ученые всего мира создают тома и тома библиистики, значительно превосходящие по объему текста сам Ветхий Завет.

Симона Вейль — выдающаяся религиозная и мистическая писательница нашего века. Она родилась во французской еврейской семье в 1909 году, умерла от истощения в годы войны в 1943. Философ, ученица Гуссерля, на которую он возлагал большие надежды, она в течение жизни опубликовала всего несколько философских статей. Сокровища ее религиозной мысли стали доступны читателям уже после ее смерти. Симона Вейль не только обратилась ко Христу, но, как явствует из всего ее творчества, жила Им одним, ведя совершенно аскетическое существо-

вание. Однако она так и не приняла крещения, живя в эпоху невиданных гонений на евреев, и не желая совершить акт, который мог бы быть истолкован как отступничество от своего народа в тяжкий час его испытаний. Церковь признает за крещение кровь мученичества. А Симона Вейль вела исповедническую жизнь внутреннего соединения со Христом страдающим, и умерла мученической смертью.

Мы публикуем одно из ее религиозных эссе — толкование на молитву Господню в переводе на русский язык Аллы Розенман.

«ОТЧЕ НАШ, ЕЖИ ЕСИ НА НЕБЕСАХ»

Он — наш Отец. Все в нас — от Него. Мы принадлежим Ему. Он любит нас, так как любит Себя, а мы — от Него. Однако, Он — наш Отец именно на небесах, а не где-либо в другом месте. Если мы думаем, что Отец наш — здесь, внизу, мы ошибаемся, это — не он, это — ложный бог. Ни единого шага мы не можем сделать к нему. Нам не дано ходить вертикально. Только наши

глаза мы можем повернуть в Его сторону. Не искать Его мы должны, но изменить направление нашего взгляда. Это Он ищет нас. Мы должны быть счастливы, что Он бесконечно недосыгаем

Это означает, что зло в нас, даже если оно овладело всем нашим существом, не загрязнит Божественной чистоты, блаженства и совершенства.

«ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ.»

Только у Бога есть власть именовать себя. Для человеческих губ Его имя непроизносимо. Его имя — это Его мир. Мир Бога. Имя любого существа является посредником между человеком и этим существом. Для человеческой души это единственный способ что-то узнать об отсутствующем. Бог отсутствует. Он на небесах. Наша единственная возможность приблизиться к Нему — это Его имя. Его имя — Иисус Христос. У нас есть доступ к этому имени, хотя оно трансцендентно. Оно сияет в красоте и порядке мира, оно сияет внутренним светом в душе человека. Это имя — сама святость; нет святости вне его; следовательно, оно не нуждается в том, чтобы

быть святым. Молясь "да святится", мы молимся о том, что существует вечно, в полной совершенной реальности. Мы не можем ни увеличить, ни уменьшить его ни на йоту. Просить о том, что существует — существует реально, несомненно, вечно и совершенно, независимо от нашей молитвы, просить об этом — есть абсолютная молитва. Мы не можем уберечься от желаний; мы сотканы из желаний; но наше желание привязывающее нас к воображаемому, временному, эгоистичному, может, если оно полностью выйдет в эту молитву, стать рычагом, который вытолкнет нас из воображаемого в реальность и из времени в вечность.

«ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ»

Это относится к тому, что должно быть исполнено, к тому, чего еще нет здесь. Царство Божие означает совершенное приятие Духа святого чистой человеческой душой. Дух Божий веет, где хочет. Мы можем только призывать Его. Но мы не смеем даже пытаться просить Его снизить на нас или на наших ближних, или вообще на кого

бы то ни было. Мы должны только призывать Его чисто и просто, наша мысль о Нем должна быть призывом, страстной мольбой.

Так — жаждут на пределе жизни и смерти. Жаждающий не думает о питье как о действии. Он думает о воде, воде самой по себе, но этот образ воды подобен воплю всего нашего существа.

«ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ»

В нас есть абсолютная уверенность в Божьей воле по отношению к прошлому. Все, что уже случилось, несомненно, находится в согласии с волей Всемогущего Отца. Но и будущее, что бы оно в себе ни содержало, также придет в соответствии с Божьей волей. Мы не можем ничего ни прибавить, ни убавить от этого соответствия. Это значит — мы снова просим о том, что есть.

Здесь, однако, мы имеем дело не с вечной реальностью, такую как святость Слова, но с тем, что происходит во времени. Тем не менее, мы просим о верном и вечном соответствии всего во времени с Божьей волей. После того, как в первом нашем прощении мы оторвали наше желание от вре-

мени, чтобы сосредоточить его на вечном, мы возвращаемся к этому желанию, которое само становится в какой-то мере вечным, чтобы приложить его ко времени. Наше желание пронзает время, чтобы обрести вечность, лежащую за ним. Это происходит, если мы способны любой свершившийся факт сделать объектом желания. Здесь есть нечто, глубоко отличное от покорности. Даже слово "принятие" слишком слабо. Мы должны желать, чтобы все случившееся должно было случиться, и — ничего другого. Не потому, что случившееся хорошо в наших глазах, но потому, что Бог допустил это и потому, что подчинен Божественному ходу событий есть само по себе абсолютное добро.

СИМОНА ВЕЙЛЬ

ОТЧЕ НАШ

«ЯКО НА НЕБЕСИ И НА ЗЕМЛИ»

Соединение нашего желания со всемогуществом Божьей воли должно быть расширено до духовных вещей. Взлеты и падения, наши и тех, кого мы любим, связаны с иным миром, но это также и события, происходящие здесь, внизу, во времени. Если наши падения в прошлом произошли, мы должны желать, чтобы они произошли. Мы должны распространить это желание в будущее, на день, когда это станет прошлым. Это — необходимая поправка к прошению, чтобы Царство Божье пришло. Мы должны отбросить все другие желания ради нашего желания вечной жизни, но и в самом желании вечной жизни должно быть отречение. Желание спасения опаснее всех остальных.

«ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ»

Христос — наш хлеб. Мы можем только просить, чтобы нам было дано сейчас — "днесь". Фактически он всегда у дверей нашей души, но никогда не принуждает нас к согласию. Он входит, если мы согласны; если мы прекращаем звать Его, Он уходит.

Мы не можем ничего отложить на завтра, мы не можем заключить с Ним договор, что завтра Он будет внутри нас, даже вопреки нам самим. Наше согласие на Его присутствие — то же, что Его присутствие. Согласие — это действие; но действительность его ограничена настоящим временем. Мы не обладаем волей, направленной в будущее. Все, что эффективно в наших желаниях есть мнимые помышления. Действенная часть желания — это не усилие, направленное на будущее. Это — согласие, это — "да" вступающих в брак.

"Да" — сказанное в данный момент и для данного момента, но произнесенное как вечное слово. Потому что это — согласие на соединение Христа с вечной частью нашей души.

Хлеб нам необходим. Мы — существа, получающие постоянно энергию извне, потому что все получаемое мы расходует в усилиях. Если бы наша энергия не обновлялась постоянно, мы стали бы немощными и не способными к действию. Кроме обычной жизни, в буквальном смысле этого слова, любые стимулы являются источниками энергии для нас. Деньги, честолюбие, уважение, награды, известность, власть, люди, нами

«И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША, ЯКОЖЕ И МЫ ОСТАВЛЯЕМ ДОЛЖНИКАМ НАШИМ»

В тот самый момент, когда мы произносим эти слова, мы обязаны простить всех, кто в долгу перед нами, это включает не только обиды, из-за которых, нам думается, мы страдали, но и благодарность за добро, которое, нам думается, мы сделали; и это относится ко всему, что мы ожидаем от людей и вещей; ко всему, что мы считаем своим, ко всему, без чего жизнь могла бы показаться нам бессмысленной. Нам думается, что у нас есть права, которые прошлое дает нам для будущего. Во-первых, это право некоторого постоянства. Если мы обладаем чем-то в течение долгого времени, мы полагаем, что оно — наше, и что судьба позволит нам обладать этим и в будущем. Во-вторых, есть право на компенсацию за всякое усилие, какова бы ни была его приро-

ных. Мы должны думать о вечном спасении, как думают о воде, умирая от жажды, и в то же время мы должны желать, чтобы мы и наши близкие скорее навсегда лишились бы этой воды, чем получили бы ее против Божьей воли, если бы такая вещь была возможна.

Три предыдущие прошения относятся к трем лицам Троицы — Сыну, Духу и Отцу, а также к трем периодам времени: настоящему, будущему и прошедшему. Три последующих прошения имеют более прямое отношение к трем периодам времени, но в другом порядке — настоящее, прошлое и будущее.

любимые, все, что заставляет нас действовать — подобно хлебу. Если какая-нибудь из этих привязанностей проникнет в нас достаточно глубоко, до самых укромных тропинок нашего чувственного бытия, утрата ее может сломить нас и даже стать причиной нашей смерти. Это называется — умереть от любви. Это подобно смерти от голода. Все эти привязанности вместе с повседневной пищей приходят, чтобы стать насущным хлебом нашего мира. Есть он у нас или нет, — целиком зависит от обстоятельств. Мы не в праве просить ни о чем, зависящем от обстоятельств, но только о соответствии обстоятельств Божьей воле. Мы не должны просить о земном хлебе.

Есть трансцендентная энергия, ее источник — на небесах, и она вливается в нас, едва мы этого пожелаем. Это — реальная энергия, она действует в наших душах и в наших телах. Об этой пище мы должны просить. В момент прошения, самим фактом нашей просьбы, мы знаем, что Господь дает нам ее. Ни дня мы не могли бы прожить без нее, потому что мы не способны ни думать, ни творить ничего, кроме зла, когда наши действия зависят лишь от земных энергий, от необходимостей этого мира. "И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время" (Быт. 6:5)

Потребность во зле управляет всем в нас, исключение — тот момент, когда энергия свыше входит в нас. Мы не можем вместить ее.

да, будь то труд, страдание или желание. Каждый раз, когда мы прилагаем усилия, и эквивалент этих усилий не возвращается к нам в форме некоторого видимого продукта, у нас возникает чувство диссонанса и пустоты, заставляющее нас думать, что мы обмануты. Страдание от обиды заставляет нас ожидать наказания обидчика или хотя бы его извинений, усилие совершенного нами добра заставляет ожидать благодарности от человека, которому мы помогли; и все это — лишь частные случаи универсального закона души. Всякий раз, отдавая нечто, абсолютно нам необходимое, мы надеемся на какой-то эквивалентный возврат, и поскольку нам это очень нужно, мы полагаем, что имеем на это право. Наши должники — это все существа и все вещи, это

— вся вселенная. Мы думаем, что наши права — везде. В каждом таком требовании всегда присутствует идея мнимых прав прошлого к будущему. Это — те права, от которых мы должны отречься.

Простить наших должников — значит отречься от всего прошлого в целом. Это значит — согласиться, чтобы будущее, девственное и нетронутое, в строгой точности соединилось с прошлым узлами, нам неизвестными, но совершенно свободными от тех уз, которые навязывает наше воображение. Это есть наше согласие со всем, что должно случиться; это наша готовность отдать будущему нашу прошлую жизнь, признав ее пустой и тщетной.

Отрекаясь от всех, без исключения, плодов прошлого, мы можем только молить Бога, чтобы наши прошлые грехи не принесли своих печальных плодов зла и ошибок. До тех пор, пока мы цепляемся за прошлое, Бог не может остановить это ужасное плодоношение. Мы не можем держаться за прошлое, не сохраняя при этом всех наших преступлений, так как нам неизвестно, что является наихудшим в нас.

Наше главное притязание к миру основано на мысли, что личность наша должна продолжиться. Это требование заключает в себе все остальные. Инстинкт самосохранения внушает нам чувство необходимости этого продолжения, и мы верим, что необходимость и есть право. Мы, как тот нищий, который сказал Талейрану: "Сэр, я должен жить"; и которому Талейран ответил: "Не вижу в этом необходимости". Наша индивидуальность целиком зависит от внешних обстоятельств, обладающих неограниченной властью раздавить нас. Но мы скорее умрем, чем согласимся с этим. С нашей точки зрения, равновесие мира — это комбинация обстоятельств, организованных так, что наша индивидуальность всегда остается нетронутой и принадлежащей нам. Все обстоятельства прошлого, когда нам причинены были обиды, кажутся нам нарушением баланса, который несомненно будет восстановлен. Мы живем в ожидании этой компенсации. Приближение смерти ужасно, главным образом, тем, что заставляет нас осознать: этой компенсации никогда не будет.

Оставлять долги значит отказаться от нашей индивидуальности. Это значит — отказ от всякого, без исключения вознаграждения нашего "я". Это значит — быть счастливым, что все обстоит именно так.

Слова "да будет воля твоя" заключают в себе это согласие. Вот почему мы можем сказать спустя мгновение: "Мы оставляем должником нашим".

Прощение долгов есть духовная нищета, духовная обнаженность, смерть. Если мы целиком принимаем такую смерть, мы вправе просить Бога позволить нам жить снова, очищенными от зла в нас. Просить Его простить нам наши долги значит просить Его смыть с нас грех. Прощение — это очищение. Бог не может простить нам грех, пока грех внутри. Бог оставит нам долги наша, когда мы будем совершенны.

До тех пор Бог оставляет нам наши долги частично, в той мере, как и мы оставляем должникам нашим.

«И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ, НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО»

Единственное искушение человека — это быть предоставленным собственным силам перед лицом зла. В этот момент его ничтожество подтверждается опытом. Хотя душа и получает сверхприродный хлеб, если просит о нем, ее радость всегда смешана со страхом, так как она может просить об этом только в настоящем. Будущее продолжает страшить. Душа не имеет права просить о хлебе завтрашнем и выражает свой страх в форме молитвы. Этим заканчивает-

ПАМЯТИ ОТЦА СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

22-23 июня сего года в Монжероне, русском центре под Парижем, проходил богословский симпозиум, посвященный о. Сергию Булгакову.

Симпозиум, организованный по-французски в связи с сорокалетием со времени кончины о. Сергия, привлёк довольно много участников из французской богословской и академической среды, из других стран, и даже транслировался по французскому телевидению. Среди докладчиков на симпозиуме были такие известные богословы, как Луи Буйе.

Хотя, в основном, все доклады были посвящены богословию о. Сергия, на симпозиуме затрагивались и вопросы его биографии и общественно-политической, публицистической и философской деятельности.

О. Сергий Булгаков родился 16 июля 1871 года в г. Ливнах Орловской губернии, умер — 13 июля 1944 года в изгнании в Париже.

Его можно назвать одним из самых замечательных людей России нашего века. Человек многосторонних интересов, феноменальных знаний, глубокой веры и поразительной цельности личности, он оставил глубокий след в самых разных областях веры, знания и общественной жизни. Один из крупнейших экономистов дореволюционной России, Булгаков был также одним из основателей русского марксизма. Закончив юридический факультет Московского университета, убежденным марксистом он едет учиться в Германию у Каутского. Возвратившись в Россию, Булгаков вместе со Струве, Лениным, Плехановым и другими закладывает основы марксистской экономической науки. Сам он позднее объяснял свое увлечение марксизмом тем, что "после томительного удушья 80-х годов марксизм явился источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным ее бродилом, он оживил упавшую, было, в русском обществе веру в близость национального возрождения".

Однако догматический характер марксизма и его ограниченность не могут удовлетворить Булгакова, и он начинает ревизию марксизма вначале в области политэкономии в книге "Капитализм и земледелие", в исследовании российского сельского хозяйства, которое не укладывается в марксистскую схему, а затем в области философии, что нашло свое отражение в сборнике статей "От марксизма к идеализму", изданному в Петербурге в 1904 году.

"Я стремился верой и правдой служить марксизму, стараясь отражать нападения на него и укреплять незащищенные места, и этой задаче посвящены были решительно все мои работы, — писал Булгаков в предисловии к сборнику. — Но совершенно помимо моей воли и даже вопреки ей, выходило так, что стараясь оправдать и утвердить марксистскую веру, я непрерывно подрывал ее".

Постепенно Булгаков приходит к убеждению, что в основе общественной и политической жизни стоит религия, верование народа, и общественный строй нации складывается в соответствии с этими верованиями. Религиозно-общественные проблемы рассматриваются им в двухтомнике статей "Два Града", изданном в Москве в 1911 году и посвященном природе общественных идеалов.

"Для меня является аксиомой, — писал он в предисловии к сборнику, — что истинную основу общественности надо видеть в религии. Религия есть феномен общественности, тот "базис", на котором воздвигаются различные надстройки. В этом смысле религия есть универсальное единящее начало, и человек есть существо общественное лишь насколько он есть существо религиозное. Хотя в истории дейст-

ТАЙНОЗРИТЕЛЬ

вуют разные факторы, но, в конечном счете, они служат лишь пассивным материалом, который оформляется человеческим духом. Остается истиной, что человек делает свою историю, хотя и делает ее из косного и сопротивляющегося материала. История в этом смысле есть свободное деяние, труд, подвиг, человечества".

Поэтому, в конечном счете, история зависит от религиозного самоопределения человеческого духа. Булгаков пишет, что как свобода есть неотъемлемое свойство духа и его природы, так и религия, как самое основное употребление этой свободы, есть всеобщее человеческое достояние. Человек есть существо религиозное, могут быть нерелигиозные или даже антирелигиозные люди, но внерелигиозных людей нет в силу самой природы человека, его духовности и его свободы, с одной стороны, и его тварной ограниченности с другой. Религия по самому буквальному и первоначальному своему значению есть чувство связи с целым. А человек не может утверждаться только на себе и в себе, человек всегда рассматривает себя в связи с целым. Поэтому религиозность присуща человеку.

Религии различны, но религиозность всеобща. Религиозности противоположен не атеизм, или отрицание личного Бога, но религиозная невменяемость, когда человек опускается до такого состояния, что для него центром жизни становится служение своим инстинктам при отсутствии всякого энтузиазма добра и зла. Духовное мещанство, вялое безразличие, или животное служение своим низшим инстинктам, вообще отказ от своей свободы и от своей духовности, вот что в действительности представляет собой нерелигиозность, и ее возможность носит в душе каждый человек, независимо от своих верований. Она постоянно тянет его вниз, придавливает жизнь духа, которая дается поэтому только в борьбе, полной побед и поражений.

Материализм и его последовательное философское выражение в марксизме Булгаков воспринимал как одно из проявлений самообожения человека. Человек, как религиозное существо, может утверждаться либо в Боге, либо вне Бога, может устраивать свою жизнь согласно Закону Божьему или согласно своему собственному закону. Самоутверждение человека вне Бога может принимать различные формы, марксизм есть лишь одна из них. Все эти формы самоутверждения Булгаков называет человекобожием, смысл которого в том, чтобы себе присвоить творение Божие, объявить себя богами. Булгаков считал, что постоянным человекобожеским искушением, идущим через все века, было искушение создания абсолютного и завершенного земного града, построения Царства Божьего на земле человеческими средствами и методами. Булгаков указывал, что в основе христианства лежит упование Нового Неба и Новой Земли, которые сойдут в день Второго пришествия Иисуса Христа Сына Божия. Через Него установится на земле вечное Царство Божие. Пока же жизнь мира в его небожественном бытии искупается трагедией. Человек должен трезво принимать трагизм своей земной жизни, как отражение удаленности человека от Бога, человеческой падшести, греховности. Мир есть подножие Голгофы, на которой распят Сын Божий, потому что мир не захотел и не смог вместить Бога. Отсюда трагизм мира неизбежен. Всякие человеческие проекты уйти от этого трагизма обречены на провал и обманчивы. И там, где вместо преодоления трагедии происходит примирение, — пишет Булгаков, — там неизменно воцаряется мещанство.

Все попытки человека отказаться от ожидания грядущего града, Царства Божия, превращались в пошлость мещанства или же в вопарение сильнейшего зла. Таким злом Булгаков называет и средневековую

ОТЧЕ НАШ

/ОКОНЧАНИЕ/

ся молитва. Она началась словами "отче", она кончается словами "лукавого". Мы должны идти от доверия к страху. Только доверие может дать нам достаточно силы, чтобы не упасть от страха. После размышлений об Имени, Царстве и Воле Божьих, получив сверхприродный хлеб и очистившись от зла, душа готова к тому истинному смирению, которое превышает всякой добродетели. Смирение есть знание, что вся душа целиком, не только то, что мы называем "я", но вся ее сверхприродная часть, которая есть Божье присутствие в ней, — подвластна времени и переменам. Мы должны полностью принять возможность, что все природное в нашей душе будет разрушено. Но мы должны одновременно и принять и отвергнуть возможность того, что и

сверхприродная часть нашей души исчезнет. Это должно быть принято, как нечто, согласное с Божьей волей. Это должно быть отвергнуто, как нечто, совершенно ужасное. Мы должны страшиться этого, но наш страх должен быть и полностью доверия.

Шесть прошений соотносятся друг с другом попарно. Хлеб, который трансцендентен, есть то же, что Божье имя. Это то, что дается в контакте человека с Богом. Царство Божие есть то же, что Божья защита нас от искушений, ибо защита подданных есть дело царей. Прощение долгов есть то же, что и полное принятие Божьей воли. Различие в том, что в первых трех прошениях внимание направлено исключительно на Бога. В трех последующих — мы направляем внимание на себя, ибо мы должны сделать эти прошения реальным, а не мнимым актом.

В первой половине молитвы мы начинаем с согласия. Потом мы позволяем себе говорить о желании. Затем мы корректируем его, возвращаясь к согласию. Во второй части порядок меняется; мы заканчиваем молитву выражением желания. Но мы выражаем это желание в отрицательной форме; оно заключает в себе страх и, согласованное с высшей степенью смирения, является надлежащим завершением молитвы.

В "Отче наш" содержатся все прошения: нельзя представить себе какую-либо молитву, которая уже не содержалась бы в "Отче наш". Господня молитва относится ко всякой иной молитве, как Христос к человечеству.

Невозможно произнести ее однажды с полным вниманием к каждому слову, чтобы изменение, пусть бесконечно малое, не коснулось бы вашей души.

БОЖЕСТВЕННОЙ СЛАВЫ

о. АЛЕКСАНДР ШМЕМАН
«Три Образа»

о. Сергей Булгаков

папскую теократию, которая считала себя воплощением Царства Божия на земле, и мистический монархизм, утверждавший, что такое царство осуществилось в православной монархии.

«Этот же яд, — пишет он, — проникает и в православие в учении о мистическом самодержавии, будто бы призванном осуществить земной град. Но в православии это мнение никогда не получало характера догмата, оставаясь, самое большее, на положении местного и частного мнения. Православие остается несвязанным с определенным идеалом земного града».

Гуманизм, оторванный от своих библейских, христианских корней, превращается в свою противоположность, вырождается в тиранию.

Как указывает Булгаков, зерном, из которого выросло многоветвистое дерево европейской культуры, было первохристианство, сами корни этой культуры — христианские. Оторванное от своих корней, это дерево обречено на засыхание и умирание.

«Человек, — пишет Булгаков, — сын вечности, брошенный в поток времени, сын свободы, находящийся в плену у необходимости. Он творит историю, лишь поскольку он свободен, а свободен, поскольку служит идеалу, возвышается над необходимостью. Но он топит эту свою свободу, поскольку он с головой погружается в мир вещей, признает над собой их определяющую власть. И нельзя безнаказанно на все лады внушать человеку, что он двуногий зверь и природа его чисто звериная. Нельзя в противоположность христианскому зову тысячелетий: «горе имеем сердца», безнаказанно убеждать человека опускать их долу. Нельзя лишать человека идеала личности, заслонять от него лик Христов, не опустошая человеческую душу».

Как общественный деятель левого конституционно-демократического направления, Булгаков был избран депутатом во II Государственную Думу. Но и обратившись к христианству и возвратившись в лоно православия, Булгаков не оставляет своей увлеченности политическими и общественными проблемами. В 1906 году он выпускает брошюру «Неотложная задача», в которой излагает принципы христианской по-

литики и закладывает основы христианско-демократического движения в России. В том же году он основывает в Киеве христианскую социал-демократическую газету «Народ», которая, правда, вскоре была закрыта цензурой. В 1909 году он участвует в знаменитом сборнике «Вехи», а с 1911 года играет главную роль в создании и работе первого русского свободного религиозно-философского издательства «Путь», которому мы обязаны изданием произведений Бердяева, Е. Трубецкого, о. Павла Флоренского, самого Булгакова и других русских религиозных мыслителей. В 1917 году Булгаков, вместе с князем Евгением Трубецким, в качестве светских богословов принимают участие в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви. Их перу принадлежит несколько ключевых резолюций Собора. В 1918 году Сергей Николаевич Булгаков принимает священство, участвует в религиозно-философском сборнике «Из глубины», продолжившем традицию «Вех». В 1922 году советское правительство высылает его за границу в числе прочих известных общественных и политических деятелей России. В 1925 году о. Сергей Булгаков становится деканом только что основанного в Париже Православного Богословского Института имени преп. Сергия и руководит институтом до самой своей смерти в 1944 году.

Как указывает в своей монографии о Булгакове «Бог и мир» его ученик Лев Зандер, о. Сергей за период с 1896 по 1944 год написал и, за немногими исключениями, напечатал 28 томов оригинальных исследований, более 180 статей по философским, богословским и экономическим вопросам, более 80 проповедей и речей. Все это составляет более одиннадцати тысяч страниц русского и 1200 страниц иностранного оригинального текста; переведенные его труды составляют 1700 страниц. Когда-нибудь в России будет составлена энциклопедия булгаковедения.

Французский симпозиум, посвященный о. Сергию Булгакову — первый шаг на пути академического открытия многослойных сокровищ его религиозно-философской, общественной и богословской мысли.

Прот. Сергей Булгаков

СВВ. ПЕТР И ИОАНН

ДВА ПЕРВОАПОСТОЛА

В связи с сорокалетием со дня смерти о. Сергия Булгакова с этого номера мы начинаем публикацию одной из его лучших богословских работ, трактата «Святые Петр и Иоанн. Два первоапостола». Это произведение было опубликовано в 1926 году в Париже в издательстве ИМКА-ПРЕСС и стало уже библиографической редкостью. Мы перепечатываем его со значительными сокращениями.

I.

Въ дни земной жизни Спасителя Его окружало всегда множество народа (Мф. 4,25. 9,36. Лк. 6,17) слушать божественное учение, зрѣть чудеса Его. Но среди этого, всегда смѣняющагося, множества были и тѣ, которые разъ навсегда были удержаны въ Его близости, «слѣдовали за Нимъ и служили Ему» (Мр. 15,41). Были и такіе избранники, которыхъ любилъ Господь, «Марѳу, сестру ея и Лазаря», (Іо. 11,5. 11,36), «друга» Господа («Лазарь, другъ мой, уснулъ» Іо. 11,11). И были, наконецъ, апостолы, нарочито призванные Имъ быть свидѣтелями «Его дѣлъ и ученія» (Д. А. 1,8), избранные Сердцевѣдцемъ отъ всѣхъ людей избраннаго народа. Ихъ призвалъ Онъ лично и поименно (Мф. 4,18-21. 10, 1-5. 3,16-19. Лк. 6,13-16, Мр. 1,16-19) особымъ торжественнымъ избраніемъ, въ такихъ словахъ выраженномъ евангелистами: «взо-

Продолжение на стр. 12

ПАМЯТИ О. ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО

В августе исполнилось пять лет со дня смерти о. Георгия Флоровского — одного из крупнейших русских богословов нашего века. У нашего храма есть особые основания вспомнить о нем. Ведь именно в храме Христа Спасителя проходили первые занятия Свято-Владимирской семинарии, ректором которой он был впоследствии. Свою последнюю литургию о. Георгий также отслужил в нашем храме за несколько недель до кончины. Привезший его в церковь ученик его и друг профессор Андрей Блэйн, слушая произносимую почти шопотом проповедь старца, сказал одному из наших молодых прихожан — своему студенту: "Запишите ее, это его последняя проповедь".

Конечно проповедь записана не была. И она действительно оказалась последней. Через две недели о. Георгий Флоровский в возрасте 86 лет скончался в Принстоне, где преподавал и прожил последние годы. Здесь можно упомянуть, что о. Георгий много где жил и где преподавал. Он родился в Одессе в семье ректора Одесской духовной семинарии, но предпочел светское образование, которое было у него самым разносторонним.

Закончив после классической гимназии историко-филологический факультет, он изучал философию, психологию, а также математику, физику и биологию. Интересно отметить, что на него обратил внимание академик Павлов. По настоянию Павлова работа молодого Флоровского по слюноотделению была напечатана в трудах Академии Наук.

Однако на первом месте стояли философские интересы: от греческой философии до русской общественной мысли.

Кажется, его первая печатная работа, изданная в 1913 году — это библиография к произведениям Владимира Соловьева, с которым он потом всю жизнь полемизировал.

Флоровский был, пожалуй, уникальным богословом, в котором интеллектуальные интересы русской интеллигенции слились с традиционным православным святоотеческим мировоззрением.

Свою магистерскую диссертацию, уже в эмиграции, он писал по исторической философии Герцена. Его жадный интерес к русской светской культуре естественно сочетался с интересом к патристической мысли. Он был лучшим русским знатоком патристики в наш век и преподавал ее долгие годы в Святосергиевском богословском институте в Париже, в семинарии Св. Владимира в Нью-Йорке, в Гарварде и Принстоне.

Этот уникальный синтез интересов в столь разных и никогда до него не соприкасавшихся областях нашел свое выражение в главном труде его жизни "Пути русского богословия". Книга, написанная в тридцатых годах, явилась завершением работы над полной историей православного предания, начиная с раннего христианства и кончая русскими духовными исканиями начала нашего века.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Первые две книги Флоровского "Восточные отцы четвертого века" и "Византийские отцы" посвящены истории святоотеческой мысли, из которой он воспринял нормы для оценки хода развития русского богословия. Однако, "Пути русского богословия" — это не исследование некоей узкой специальной области, как может показаться из ее заглавия. Это книга о всей русской духовной культуре, о путях русской мысли и самосознания, начиная с крещения Руси до начала XX века. В ней собрано все: здесь мы найдем протопопа Аввакума и раскол, историю русского духовного и светского образования, здесь мы встретим имена философов и писателей: Гоголя, Достоевского и Толстого, но также Белинского с Бакуниным, западников и славянофилов, масонов и революционеров, профессоров духовных академий и светских религиозных мыслителей. "Пути русского богословия" — это энциклопедия, в которой русская культура рассматривается в аспекте своего взаимоотношения с христианством в его православном святоотеческом Предании.

Такая широта охвата объясняется, в первую очередь, отношением Флоровского к богословию не как к семинарскому предмету, а как к живому и вечно современному сознанию Церкви. Бессилие богословия в дореволюционной России о. Георгий объяснял тем, что богословская наука веками развивалась в ней в искусственной и слишком отчужденной среде, оставалась предметом преподавания, а не живым поиском истины или исповеданием веры. Потому она была бессильна привлечь внимание широких кругов церковного общества и народа. В лучшем случае она казалась ненужной. Так у русских верующих создавалась опасная привычка обходиться без всякого богословия вообще, заменяя его кто чем: книгой правил, или типиконом, или преданием старины, бытовым обрядом или лирикой души. Рождалось, по его словам, какое-то темное воздержание или уклонение от знания, мнимого благочестия ради. Согласно Флоровскому, это отсутствие богословия, церковного сознания, творческой и живой церковной мысли, вело к опасному предрассудку — весьма, к сожалению, распространенному — что церковная жизнь и не требует ума и знания, а требует лишь бессмысленного благочестия.

Это усугублялось еще и тем, что в петровскую эпоху интеллигенция воспитывалась вне церкви, и православие все более делалось верой "простого народа".

"Так, многим стало казаться, — пишет о. Георгий, — что вновь войти в Церковь можно только через опрощение, через слияние с народом, через национально-историческую оседлость, через возвращение к земле. Возвращение в Церковь слишком часто смешивалось с хождением в народ. Этот опасный предрассудок одинаково распространяли

Свв. Петр и Иоанн

шелъ на гору и повзвалъ ихъ къ Себѣ, кого Самъ хотѣлъ — *ὃς ἠθέλη αὐτός* и поставилъ — *ἑποίησεν* — (изъ нихъ) двѣнадцать, чтобы съ Нимъ были и чтобы посылать ихъ на проповѣдь, и чтобы они имѣли власть изцѣлять отъ болѣзней и изгонять бѣсовъ» (Мр. 3,13-14), причемъ, по свидѣтельству св. Луки, Онъ наканунѣ этого дня провелъ всю ночь въ молитвѣ: «въ тѣ дни взошелъ Онъ на гору помолиться, и пребылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу. Когда же наступилъ день, призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ изъ нихъ — *ἐκλεξάμενος ἀπ' αὐτῶν* — двѣнадцать, которыхъ и назвалъ апостолами» (Лк. 6,12-13) Ихъ дѣлалъ Онъ свидѣтелями чудесъ, къ нимъ обращалъ Онъ свои поученія, Имъ наединѣ изъяснялъ притчи, ихъ Онъ посылалъ на проповѣдь (Мѡ. 10,5 слл. Мр. 3,14-15. Лк. 9,1-6). Кромѣ двѣнадцати (*οἱ δώδεκα*) были и еще другіе семдесятъ учениковъ, которые тоже посылаемы были на проповѣдь (Лк. 10,1-16) и о которыхъ Самъ Онъ свидѣтельствовалъ, что имена ихъ написаны на небесахъ (Лк. 10,20). И къ нимъ обращаясь, изрекъ Онъ: «блаженны очи, видящія то, что вы видите! Ибо сказываю вамъ, что многіе пророки и цари желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лк. 10,23-4). Св. апостолы и избранники Христовы составили Имъ установленную іерархію, степени которой и опредѣлялись приближеніемъ къ Нему: не то были только слѣдовавшіе за Нимъ и служившіе Ему отъ имѣній своихъ (Лк. 8,2-3), что апостолы, и не то семдесятъ, что двѣнадцать. Были и внутри двѣнадцати различія въ личной

близости къ Учителю: такъ опредѣленно выдѣляются изъ двѣнадцати три: Петръ, Іаковъ и Иоаннъ, которые избираются Имъ быть лицезрѣтелями тайнъ Божіихъ: Они единственно допускаются Имъ присутствовать при воскрешеніи дщери Іаировой (Мр. 5,37, Лк. 8,51), вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, только они *одни* — *μόνους* — нарочито — *καὶ ἰδίαν* — призываются на гору Преображенія (Мѡ. 17,1. Мр. 9,2. Лк. 9,28). Только ихъ троихъ беретъ Онъ въ Геесиманскій садъ (Мѡ. 26,37. Мр. 14,33) присутствовать при молитвенномъ бореніи. Наконецъ, они же вкупѣ съ Андреемъ (единственный случай четверицы) на Елеонской горѣ внемлютъ рѣчамъ о концѣ міра. Изъ нихъ Іаковъ, братъ Іоанновъ, былъ усѣченъ мечемъ въ гоненіе Ирода (Д. А. 12,2.) и явился первымъ мученикомъ среди апостоловъ. Кромѣ этой троицы, среди апостоловъ есть и двоицы: Господь и избираетъ не единолично, но двоицами друзей или братьевъ: Петръ и Андрей, Іаковъ и Иоаннъ, сыны Зеведеевы, Филиппъ и Вареоломей, Тома и Матѣей, Іаковъ Алфеевъ и Леввей, прозванный Еаддеемъ, Симонъ Кананитъ и Іуда Искариотъ (Мѡ. 10,2-4), причемъ и на проповѣдь они посылаются по два (*δύο-δύο*) (Мѡ. 6,7), также какъ и семдесятъ (Лк. 10,). Однако, эти дружескія двоицы не имѣютъ іерархическаго значенія и лишь указываютъ на внутреннее строеніе сонма апостольскаго «обанадесяте». Но есть одна двоица, имѣющая первостепенное и притомъ именно іерархическое значеніе: это Петръ и Иоаннъ. Но чтобы постигнуть ея смыслъ, намъ надо раньше выяснитъ то

См. стр. 23

РУССКОГО ДУХА

о. Георгий Флоровский

и бессмысленные ревнители, и кающиеся интеллигенты, простецы и снобы. В этом повинны были уже славянофилы, но и до сих пор слишком многим некое народничество представляется необходимым стилем истового православия. Вера старой нянюшки, или неграмотной богомолки, принимается и выдается за самый надежный образец или мерило. О существовании православия казалось более правильным и надежным допрашивать людей "из народа", чем древних отцов.

Ради благочестия принято даже теперь говорить о вере каким-то поддельным, мнимым народным, не естественным, жалостным языком. Это самый опасный вид обскурантизма, в него часто впадают кающиеся интеллигенты. Православие в таком истолковании часто обращается почти что в назидательный фольклор. Не возвращение к народу, в первобытную цельность и простоту, скорее строгий аскетический искус, есть единственный путь подлинного воцерковления. Не быт и обряд жизни, скорее пост и самобичевание. И не возвращение к родному примитиву, скорее выход в историю, присвоение вселенских и кафелических преданий".

Флоровский приводит слова знаменитого Филарета, Митрополита Московского, сказанные в одной из его проповедей: "Правда, что не всем предназначен дар и долг учительства. Однако же никому не позволено в христианстве быть вовсе неученым и оставаться невеждою. Сам Господь не нарек ли Себя учителем и Своих последователей учениками? Прежде нежели христиане начали называться христианами, они все до одного назывались учениками. Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в христианстве, то ты не ученик и не последователь Христа — не для тебя посланы апостолы".

Почему так важно для Церкви догматическое богословие? Потому, — отвечает Флоровский, — что Церковь узнает и утверждает догматические события как факты истории. Богочеловечество есть факт истории, не только постулат веры. Богослов должен для себя открыть и пережить историю Церкви, как богочеловеческий процесс, вхождение из времени в благодатную вечность, становление и созидание Тела Христова. Только в истории можно осуществить подлинный ритм церковности, распознать этот рост таинственного Тела.

По мысли Флоровского, именно в запоздалости богословского развития, в нечеткости христианской мысли, в отсутствии трезвения ума, говоря аскетическим языком, — завязка трагедии русской культуры, причины ее революционного срыва.

"Это христианская трагедия, — пишет Флоровский, — не эллинская трагедия ослепшей свободы, — не трагедия слепого рока или первобытной тьмы. Это трагедия двоящейся любви, трагедия мистической неверности и непостоянства. Это трагедия духовного рабства и одержимости. Потому разряжается она в страшном и неистовом приступе красного безумства, богоборчества, богоотступничества и отпадения. Потому и вырваться из этого преисподнего смерча страстей можно только в покаянном бдении, в возвращении, собирании и трезвении души. Путь исхода лежит не чрез культуру или общественность, но чрез аскезу, чрез внутреннюю пустыню возвращающегося духа".

По мысли Флоровского, общественные, социальные и политические вопросы тоже должны разрешаться на путях богословия, христианской мысли. Ведь социальная революция есть, по Флоровскому, прежде всего некая душевная и мутная волна, и русская революция была, прежде всего, духовной катастрофой, обвалом в душах, восстанием страстей. Корень ее духовен. И тайна будущей России — не столько в ее социальном или техническом строе, сколько в том новом человеке, которого в Советском Союзе воспитывают без Бога, без веры, без любви. Потому для него богословие есть не отвлеченный и специальный предмет, а подвиг христианской мысли, который сейчас в первую очередь необходим для России, оступившейся в безбожие, а затем для всего мира, ждущего внятного православного свидетельства о вере.

"Впервые, кажется, в истории, — пишет Флоровский, — с такой откровенностью подымается богоборческий и безбожный бунт, и с таким размахом и захватом. Вся Россия воспитывается в таком богоборческом возбуждении и отречении. Весь народ вовлекается в этот отвратительный искус, поколение за поколением. В мире нет больше ничего "нейтрального", уже нет больше простых, обыденных вещей или вопросов — все стало спорным, двояким и двоящимся, все уже приходится оспаривать у антихриста. Ибо он на все притязает, на все торопится наложить свою печать. Все становится под знак выбора — вера или неверие, — это "или" становится обжигающим. "Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает", — говорит Христос в Евангелии от Матфея. В революции открылась жесткая и жуткая правда о русской душе. Отравлена и взбудоражена, и надорвана русская душа. И эту душу, одержимую и зачарованную, растревоженную злым сомнением и обманом, исцелить и укрепить можно только в последнем напряжении огласительного подвига, светом Христова разума, словом искренности и правды, словом Духа и силы. Наступает и уже наступило время открытого спора и тяжбы о душах человеческих. Наступает время, когда воистину каждый вопрос знания и жизни должен иметь и получать христианский ответ.

В нынешний лукавый и судный день богословие вновь становится каким-то "общим делом", становится всеобщим и кафелическим призванием. И всем подобает облечься в некое духовное всеоружие. Именно потому, что мы уже вовлечены в эту апокалиптическую борьбу, мы и призываемся к богословию. Прилипчивому и обволакивающему безбожному и богоборческому воззрению приходится с особенным и напряженным вниманием противопоставлять твердое и ответственное исповедание Христовой истины. Безбожный и неверующий мир современности не есть ли, в известном смысле, до-христианский мир, обновившийся во всем пестром сплетении мнимо-религиозных, скептических или богоборческих настроений?! И перед лицом этого мира богословие тем более должно вновь стать свидетельством.

Наступает время, и уже наступило, когда богословское молчание или замешательство, сбивчивость или нечленораздельность в свидетельстве становится равнозначным измене и бегству от врага".

Самому Флоровскому ни богословское молчание, ни сбивчивость или нечленораздельность не были свойственны.

Он был не только предельно четок в своей оценке русской духовной культуры и мысли, он был в течение почти полувека для Запада живым воплощением православной традиции, и ее интеллектуальным выразителем.

Характерно, что первое собрание его сочинений, посвященных русской мысли и православному преданию, вышло по-английски. Это глубоко символично: вся его жизнь была русским православным свидетельством перед Западом, проповедью традиции восточной Церкви в сердце западной культуры. Сегодня никакое изучение православия, а также русской культуры, немислимо без Флоровского.

Как сказал о нем в предисловии к переизданию "Путей" о. Иоанн Мейендорф, сейчас, когда все большему числу мыслящих людей очевидна необходимость возвращения к каким-то религиозным ценностям прошлого, возрастает и опасность как безрассудного преклонения перед этим прошлым, так и невежественного отвержения самого главного в нем. Книга Флоровского и помогает критическому осмыслению истории, низлагающему предрассудки и определяющему истинные ценности.

ВЕНОК СОНЕТОВ

ХУДОЖНИК И

ХУДОЖНИК

1-1

Когда еще нас не было. Когда
Астральной пылью были мы с тобою,
Вселенная жила твоей судьбою,
Твоей судьбой летела сквозь года.

И значит ты существовал всегда.
Как знать — не называем ли травой
Того, кто после нас придет сюда,
Когда мы снова зашумим листвою.

Ту жизнь тебе не суждено прервать
Так не способен ты в волнах соленых
Пот и слезу раздельно опознать...

И вот живешь мгновеньем ослепленный,
Беспомощно пытаешься осознать
В себе людей пока что не рожденных...

1-2

В себе людей пока что не рожденных
Еще я вижу смутно, как во сне,
Но все-таки они живут во мне —
Я словно мост на время разведенный.

А вдруг погостя, снегом заметенный
И есть лишь прошлое, а будущего нет
И разум, словно евнух, — оскотенный
Лишь бережет чужих открытий свет.

Что ж после смерти вновь к тебе приходит?
Какая жизнь? — загонщика? загона?!
А может раствориться ты в народе —
Опавший лист рожденья дарит кронам.

Уходишь ты... Но смысл, что скрыт в уходе,
Равно миры скрывают и фотоны

1-3

Равно миры скрывают и фотоны
Твою судьбу. И может быть потом
Ты станешь загрунтованным холстом
Грядущей рафаэлевской мадонны.

Ведь абрис головы ее склоненной
С рожденья ощущаешь ты во всем —
Вот снег летит в январь настороженный
Ты видишь прядь под пурпурным плащом.

Так льна росток для полотна восходит.
Ты слеп еще, но это не беда —
Ведь даже в этой, призрачной свободе
Есть кандалы высокого труда.

Лишь для него в холодном небосводе
Твоя уже затеплилась звезда.

1-4

Твоя уже затеплилась звезда.
Будь счастлив, друг. А мне еще до срока
Твое лицо листьями, снегом трогать
И яблоками землю бить в садах.

Ты счастлив, предок мой? Скажи куда
Уходишь ты? И много ль будет прока
В моем рожденьи, если без следа
Ты скроешься?! Ведь мне нужна дорога,

А ты... Что можешь ты предугадать?!
Смотри — тебе бессмертье дарует
Пылинка малая... Ее дыханье сдует,
И может быть услышишь ты тогда
Ту музыку, что горько торжествуя,
Меж звезд звенела льдинками вода.

МОДЕЛЬ

2-1

Ту жизнь тебе не суждено прервать,
В которую ночной играет ветер.
А круг луны так допотопно светел,
Что видно, как в полях растет трава —

Пугливо тянется — растет едва-едва,
Чтоб кто-нибудь до срока не приметил,
Что есть и у нее свои права

На эту жизнь, на небо и на ветер.
Луна — на запад, тени — на восток
И все слабее звук ночной капли.

Пора и спать — не дело в самом деле
Выслеживать, как слабенький росток
Наивно тянется к осенней непогоде...
Он саваном потом к тебе приходит...

2-2

Кто после смерти вновь к тебе приходит,
И прядь волос, запорошивших взор,
Отводит, и в лицо глядит в упор,
И с прежним образом единства не находит,

И памятью раздваивает взор,
И совместить пытается два лика.
Так, слыша эхо, ждуг другого крика,
Когда зовущий вышел на простор.

Но крика нет. Вокруг темно и дико,
Белеют черепа у волчьих нор...

А память как Орфея Эвридика,
Влечет в Аид. Плышет по Стиксу сор
Дней прожитых. Его весло отводит...
Так льна росток для полотна восходит...

2-3

Вот льна росток для полотна восходит.
Но полотно ведь тоже не итог,
А лишь одна из множества дорог,
Которая сквозь смерть в века проходит.

И не в века... Ведь даже полотно
Оно равно — картина, флаг и саван...
А слабый лен не ведает, что сам он
В непрочной жизни — прочное звено.

И возродившись можно умереть,
И не родившись можно продолжаться,
Так стоит ли на брешь обижаться
И в глубь себя из тьмы веков смотреть?!

Тогда бы каждый мог бессмертным стать,
Когда свой путь он смог предугадать.

2-4

— А ты... что можешь ты предугадать,
Когда Творец не знает окончанья
Своей игры и пробует звучанье
Созвучий разных. Избранных избрать —
Несложен труд. Но в хаосе гармоний —
Дождя и трав, дороги и погони
Единую гармонию найти?!..
Бесцельный труд. Ну что ж — пора идти...

И черт ушел. Дверь хлопнула. А я
Так и сидел, не находя ответа.
И не было уже ни тьмы, ни света,
И бесприютно была душа моя...

Был первый день. Седьмого — никогда...
И глина истлевала в городах...

АЛЕКСАНДР

ХУДОЖНИК

1-5

Меж звезд звенела льдинками вода,
Земля была продумана дотошно —
От облаков и до тоски дорожной
Все это было в тех кристаллах льда.

Не потому ль, когда дождя слюда
Глаза слепит, нам кажется, что можно,
Как будто к свежей ране подорожник
Мысль приложить к немой воронке рта...

Вот глина умирает в городах,
А мрамор жив в дорической колонне,
И так же живы клодтовские кони,
Которые не скачут никуда,

Но их прообразы исчезли навсегда,
Чтоб ныне ливнем бить по чахлай кроне.

1-6

Чтоб ныне ливнем бить по чахлым кронам
Тебе пришлось когда-то претерпеть
Рождение и траурную медь,
И между ними жизнь... С какой иконы
Ты будешь скорбно на меня смотреть
И, слыша свой же шепот закоренный,
Ты не поймешь значенья слов знакомых,
Вновь проживая жизнь свою и смерть.

В бессмертье сквозь смерть свою приходит
Не все, не все, не сразу... Дней чреда
Бывает нас в безвременье уводит,
Где только белый свет и холода.

Как богу не обжиться в небосводе,
Тебе, возможно, так же — никогда...

1-7

Тебе, возможно, так же никогда
Не осознать случайностей насмешку,
Все бытие твое — орел и решка.
Жизнь это конь, случайность же — узда.

Когда бы не прошла сквозь Русь Орда,
Как сквозь оклад с иконою сгоревшей,
Ты б не стоял у четкого холста,
В тебе б не бунтовал тот подлый грешник...

Так лен растет, не зная что — беда,
Что — счастье... Но удар весла Харона,
И ты поймешь, что облаков гряда —
Твоим трудам достойная корона,
Что сквозь случайности ты трезво шел туда...

Не изменить движенья душ законы.

1-8

Не изменить движенья душ законы.
Необожженный может ли сосуд
До капли сохранить — осмыслить суть?! —
Зависим он от влаги заключенный.

Вот так и ты, огнем не освященный
Способен лишь догадкой блеснуть,
Как дальней церкви крестик золоченный,
И вновь во тьме забыться и уснуть.

Не умереть! И так всегда в природе
Дрожащею походкою слепца,
Наощупь — в жизнь!.. Но так в пустой породе

Вот мрамор крошится под слепотой резца...
Твой труд не будет сделан до конца!..
Ты не найдешь ни меди, ни свинца...

ЕГО МОДЕЛЬ

АНТОНОВИЧ

МОДЕЛЬ

2-5

Вот глина умирает в городах –
Спокойно обращается во прах.
А дождевая капля, кончив круг,
Пульсирует в запястьях наших рук.

Да, точно там, где от часов браслет
Скорей походит на кандалный след.
Как просто совершается процесс
Земель перерожденья и небес.

Но это – внешний смысл метаморфоз –
Простое измененье поз.

Когда б лишь так – как просто умирать –
Из праха встав, опять же прахом стать...
Но роши дымом к небесам восходят
И вовсе завершенья не находят.

2-6

Все ль через смерть в бессмертье приходит?!
Порядок умиранья непрост –
Гигантам павшим время сбавит рост –
Вот Прометей на карлика походит...

С дымящей сигаретою в руке
Шагает карлик: "Я вам огонь небесный..."
Прошел и нет. Но вдруг невдалеке
Дом запылал... Ах, как же интересно
Устроен мир. Вот умерший пигмей
Летит через столетья в пирамиде
А Прометей... А был ли Прометей?!

Бессмертье достойно иногда
Лишь сожаленья... Вот – счастье и... беда.

2-7

Вот лен растет, не зная, что беда
Самим им вспоена, что град уже родился,
Лиловым облачком слетев с его листа.
Как просто с этой влагой он простился,
Он испарял ее, подставив солнцу лист,
За шариком росы следя лениво.

Он отцветал. Был неба купол чист,
Но зрели облака. Лен был счастливым,
Счастливейшим растением земли,
Уверенным в себе и в продолженьи
Своих корней... Но тучи шли и шли,
Гоня теней тяжелое скольженье.

Он не узнает той росы в исходе.
Так и умрет. Всегда одно в природе.

2-8

Не умереть! И так всегда в природе,
Последней вспышкой разума спалив
Все мысли прежние о вечности, о роде
Бессмертья своего, бежим земли.

Как будто можно избежать объятья
Корней дерев и многолетних трав,
И книгу бытия до корки дочитать,
Начать сначала глупое занятие.

Не умереть?! Нет! – умереть, взрастив
Собой куст кладбищенской клубники
И чьи-то губы сладко обагрив,
Стать буквою в библиотечной книге.

Ты жив, покуда смертью окружен.
Холст пред тобой?! – А это мертвый лен.

ХУДОЖНИК

1-9

А труд твой будет сделан до конца.
Ты можешь и не осознать итога –
Так впереди все видится дорога,
Когда уже у лба полет свинца;
Ты только ощутишь печаль творца –
Мир зарожден, уже не нужно бога.

Он жив собой, он вымыслит Отца,
Когда поймет себя хотя б немного.

Холст пред тобой. Ведь это мертвый лен.
Волшебная пора его забвенья,
Когда он будущим твореньем заражен,
Еще не зная сущности творенья.

Но ты его пространством покорен.
Он не избегнет кары вдохновенья.

1-10

Ты не избежешь кары вдохновенья
Оно тебя, как подлинник прочтет.
Вот так ослепший видит звездочет
Погасших звезд знакомое горенье.

О, как прекрасно это ослепленье –
Лишь в нем твой каждый жест приобретет
Осмысленность, звучанье и значенье,
Так скрипка, про леса забыв, поет.

Но в ней живет вся жизнь ее простая –
Снега, туманы, ливни до конца...
Удар смычка. И словно лист слетает
С дрожащего от ветра деревца.

Так вдохновение сквозь строй веков ступая,
К тебе придет и встанет у лица.

1-11

Она придет и встанет у лица.
Пусть будет легким это пробужденье –
Слияние конца и возрожденья –
На тело – пестик – времени пыльца.

Иначе нам не осознать кольца,
Замкнувшего все наши превращенья,
Не преступить границу ощущенья
И мысли – мудрый замысел творца.

Ты эту книгу нехотя листаешь,
Так перелистывает время поколенья.
Аккорд мажорный – белых, черных клавиш

Ты эту двуединость называешь
Той вечностью, что есть – твое рожденье.

1-12

Той вечностью, что есть твое рожденье
Ты вымолвлен... Значение твое
От повторений стерлось. Вороньем
Расклевано... А было вороженье
Огней бесплотных – мира выраженья
И были этот мир и ты, вдвоем
Едины... Но веков круженье
До точки сократило окоем.

И реквием лесов, стволов и крон
Тревогой наполняет месяца
Вот так собака будит спящий дом,
Среди живущих чужа мертвецца...

Услышь и ты стволов прощальный звон,
Тогда и ты узришь в себе гонца...

МОДЕЛЬ

2-9

– Холст перед вами – это мертвый лен...
– Но что ж мы все о смерти, да о смерти?!
Ведь смерть – обратный адрес на конверте,
Но есть и адресат.

– А кто же он?

– Весь этот мир!

– Да ну?! Письмо такое

Я разорвал бы собственной рукою –
В письме важно кому и от кого...

– Тогда – потомки.

– Все до одного?!

– Так для кого живем мы? Для чего?
Где ж смысл жизни?

– В поисках его,

В тех штемпелях, что весь конверт покроют,
В тех запахах, что он в себя впитает...

Тогда, быть может, Мир его откроет...
Так оживет вся ваша жизнь простая.

2-10

Во всем живет иллюзия простая
Предназначенья – радостный обман,
Что каждая травинка вырастает
Для высшего служенья. Так туман
Предметы увеличивает утром.
Ленивым душам нашим по душе
В обманном этом свете зреть, как мудро
Рос кедр, чтоб умереть в карандаше.

Живя гипнозом мнимого прозренья,
Как славно этот мир перевернуть
И полнить символами: Вишня?! – для варенья.
Пшеница?! – хлеб, вино. Любовь – кровать.

Но мира этого ты вовсе не узнаешь,
Когда, как книгу на ночь, пролистаешь.

2-11

Ты эту книгу медленно листаешь,
Как будто бы надеешься найти
Тот самый Смысл, связующий пути
И цель, которую ты сам еще не знаешь.

Но если б здесь гармония нашлась
И связь вещей, что выше парадоксов,
Недолго бы существовала связь
Осеннего дождя и поздних флоксов.

Когда бы мир был просто объясним,
Легко соединим единой сутью –
О, как светло бы мы расстались с ним,
Как были бы высоки наши судьбы...

Но уголька скатившегося звон –
То реквием лесов, стволов и крон...

2-12

Ты слышишь реквием лесов, стволов и крон?!
Но нам, ушедшим навсегда оттуда,
Где каждый день был сокровенней чуда.
Там ныне празднует свободу волчий гон.

Ты слышишь этот стон?
Там каждый день нас одирал вниманьем,
Особой пристальностью выросших детей.
Нас ныне лес встречает, как гостей
С душой ослабшей, словно обонянье...
Что наши знания?!

Ночная птица пролетит, стена...
Вот щелкнул искрой в небо ствол ольхи...
Ну что же, друг, пиши свои стихи –
В тебе теперь живет судьба иная.

см. на стр. 22

Совет попечителей храма Христа Спасителя 1934 г.
В центре — староста прихода — капитан Шмитт

1924 год

29 АВГУСТА. Владыка Митрополит Платон, назначенный на пост Митрополита Всея Америки и Канады Святейшим Московским и Всея Руси Тихоном, разрешил протоиерею Архипу Автомоновичу Сырбу приступить к составлению списка лиц, желающих открыть Русский Православный приход в городе Нью-Йорке.

21 СЕНТЯБРЯ. Список 96 лиц, желающих организовать Русский Православный приход в верхних районах Нью-Йорка, составлен, и Владыка Платон благословил открыть такой приход.

28 СЕНТЯБРЯ. С согласия Епископа Маннинга, главы епископальной церкви города Нью-Йорка и настоятеля епископальной церкви Св. Андрея на 127 улице Др. Рибур, в этой церкви состоялась первая воскресная литургия нового прихода в 8.30 утра.

24 НОЯБРЯ. С благословения Владыки Митрополита Платона состоялось первое организационное собрание учредителей прихода. Был принят добавочный список 48 лиц, пожелавших войти в состав учредителей прихода. Обсуждался вопрос инкорпорирования Прихода согласно Разделу 8-у Закона о религиозных корпорациях штата Нью-Йорк и получение чартера. Провелись выборы первых трестистов (попечителей). Выбраны были: Владыка Митрополит Платон, настоятель прихода протоиерей Сырбу, настоятель епископальной церкви Св. Андрея др. А. Рибур, А.С. Лукомский, Е. П. Мальковская и В. П. Шмидт.

4 ДЕКАБРЯ. Приход зарегистрирован как религиозная корпорация у муниципального клерка и получен чартер (сертификат инкорпорации).

5 ДЕКАБРЯ. Приходом приобретен покупкой дом с участком земли за номером 4-6 Ист 129 улица в Манхэттене.

1925 год

21 и 22 ФЕВРАЛЯ. 21 совершена первая Всенощная, а 22 — первая литургия, в новопостроенной руками настоятеля протоиерея Сырбу и прихожан, на первом этаже приходского дома церкви.

28 ИЮНЯ. Новая церковь освящена Владыкой Митрополитом Платоном, и наименована Храмом Христа Спасителя. Установлен день Храмового Праздника — 29 Августа — в память дня основания прихода.

15 СЕНТЯБРЯ. Первый настоятель и основатель прихода протоиерей отец Архип Сырбу отбыл из прихода, и священник отец Василий Филиппович Курдюмов вступил в должность настоятеля.

15 НОЯБРЯ. Священник отец Василий Курдюмов возведен в сан протоиерея.

1926 год

Число прихожан Храма Христа Спасителя быстро растет, достигая нескольких сот людей, большая часть коих уже к середине года не может найти место в храме во время богослужения. Принято решение найти более просторное здание храма.

ОКТАБРЬ. К октябрю месяцу подыскано здание на углу 121 Ист улицы и Мэдисон Авеню в Манхэттене, и снято в аренду на один год. 10-го того же месяца Митрополитом Платоном совершена первая литургия в новом здании и церковь освящена чином Малого Освящения.

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ. Предприняты шаги для продажи здания по 4-6 Исте 129 улице, где приход имел свою первую церковь. Одновремен-

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

АЛЕКСЕЙ ТАТИЩЕВ

но предприняты серьезные шаги для сбора денег и пожертвований на покупку нового здания на 121 улице.

1927 год

6 ФЕВРАЛЯ. Освящена Скорбная Сень в Храме в память убиенных Русской Царской семьи и всех убиенных и умученных во время революции 1917 года и последующей Гражданской войны.

16 ИЮЛЯ. Приходом продан участок земли на Ист 129 улице, где была первая церковь.

24 ОКТАБРЯ. Новое здание на Ист 121 улице куплено с благословения Митрополита Платона за 145.000 долларов, из коих 3.000 наличными. Остальная сумма в 142.000 долларов заключалась в закладных, которые взяли на себя друзья прихода, имена которых записаны в Золотой Книге прихода.

1928 год

12 МАЯ. В приходском доме храма официально открыт Приходской Клуб, зал которого впоследствии стал известен как Русский Клуб и пользовался большой популярностью среди русской колонии Нью-Йорка и окрестностей.

29 МАЯ. Скончался в Бессарабии первый настоятель храма отец протоиерей Архип Сырбу за несколько дней до его хиротонии в епископы.

11 НОЯБРЯ. Общим собранием членов корпорации прихода рассмотрены, приняты и утверждены Положение и Устав (Бай Лоз анд Рулз) прихода в русском и английском текстах.

1929 год

27 ЯНВАРЯ. На четвертом годичном общем собрании прихода число членов правления увеличено до девяти, вместо прежних шести. На том же общем собрании, ввиду быстрого роста имущества храма через дары и пожертвования, учреждена должность заведующего имуществом прихода, сначала именовавшегося управляющим имуществом.

1930 год

8 АПРЕЛЯ. В пользу храма организован грандиозный концерт в Метрополитен Опере. Комитет по устройству концерта возглавил Великий Князь Александр Михайлович.

10 СЕНТЯБРЯ. В ответ на просьбы многих русских культурно-просветительных организаций в приходском доме храма организован Русский Культурный Центр, ставший общеизвестным как "Русский Клуб". Учреждена также концертная комиссия под председательством Анастасии Тихоновны Водолажской.

20 СЕНТЯБРЯ. При храме организовано сестричество.

о. Василий Курдюмов с сестричеством храма в 1934 г.

ХРАМУ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ 60 ЛЕТ

Дарственная фотография митрополита Анастасия, главы Русской Зарубежной Церкви, подаренная храму в 1959 г.

1931 год

25 ЯНВАРЯ. В виду экономического кризиса, растущей безработицы среди православных русских людей в районе Нью-Йорка и того, что многие умирающие не оставляли денег на свои похороны, на шестом годовом собрании членов корпорации прихода образован похоронный фонд под председательством настоятеля протоиерея Курдюмова, и учреждено положение о фонде. Тем же собранием учреждено положение о Золотой Книге Прихода

21 АВГУСТА. Положение о похоронном фонде развито и учреждено в окончательной форме правлением прихода по поручению шестого годового общего собрания.

8 НОЯБРЯ. Совершена "Вселенская" Панихида Владыкой Митрополитом Платоном по случаю разрушения Храма Христа Спасителя в Москве.

30 ДЕКАБРЯ. Правление рассмотрело проект устава сестричества и утвердило устав.

1932-1933 гг.

Для всей страны и, собственно, для большей части мира эти годы ознаменованы экономическим кризисом. Для Храма Христа Спасителя, обремененного долгами по уплате закладных на здание, наступили трудные времена. Доходность прихода стремительно падала. Держатели второй закладной (банки), уже просроченной храмом, грозились наложить арест на имущество храма. В эти темные дни Господь послал храму друзей, и храму удалось погасить часть обязательств в размере 12.000 долларов, чем храм был спасен. Главными благодетелями храма в это время были следующие лица: В.С. Макаров с супругой, Б.А. Бахметев, г-н Крейн и г-н Моллесон. Со своей стороны, правление и причт храма оказали сильную духовную поддержку организованному в начале 1932 года Временному Комитету Помощи Русским Безработным, председателем которого был князь П.А. Чавчавадзе, казначеем А. Б. Татищев и секретарем Т. С. Луговая. Комитету была представлена комната в приходском доме для заседаний и организации столовой, в которой ежедневно кормилось до 40 человек в течение полутора лет. Финансовые средства на нужды Временного Комитета собирались лично управлявшими им лицами. К середине 1933 года Временному Комитету, с помощью нескольких членов Правления храма, удалось нанять маленькую квартиру вблизи храма, но без помощи храма Комитет не мог бы начать свое дело.

1934 год

27 ОКТЯБРЯ. Торжественное празднование десятилетнего юбилея храма. Литургия Архиерейским служением.

31 ОКТЯБРЯ. Перестроена готическая башня здания храма — его колокольня — в стиль кремлевских башен, по проекту архитектора Н. В. Васильева.

20 НОЯБРЯ. Настоятель отец Василий Курдюмов и член правления П.А. Миронов отбыли в город Кливленд штата Охайо как делегаты храма на Всеамериканский Церковный собор Русской Православной Церкви в Америке.

1935 год.

27 ЯНВАРЯ. На десятом годовом общем собрании членов корпорации прихода число членов правления (Борд оф Тростиз) увеличено с 9 до 12 членов.

17 ФЕВРАЛЯ. Чествование настоятеля отца протоиерея Василия Курдюмова по случаю 25-летия в священном сане и 10-летия настоятельства с поднесением от прихода золотого наперсного креста, украшенного драгоценными камнями, исполненного покойным П. П. Матвеевым.

18 СЕНТЯБРЯ. Послано приветствие Храму Христа Спасителя в Аньере под Парижем.

1936 год.

24 ЯНВАРЯ. По предложению Владыки Митрополита Леонтия, правлением прихода учреждена библиотека имени Митрополита Платона.

12 АПРЕЛЯ. В первый раз в Соединенных Штатах Америки Русская Православная Пасхальная Заутреня, совершенная в Храме Христа Спасителя, передана по радио на всю страну.

Дарственная фотография митрополита Леонтия, главы Православной Церкви в Америке, подаренная храму в 1961 г.

23 ИЮНЯ. Скончался д-р А.Е. Рибург, величайший друг русских, основатель нашего прихода. Нашим причтом у его гроба совершена панихида с участием хора.

1937 год

22 ДЕКАБРЯ. Постановлением правления ликвидирован похоронный фонд вследствие бездействия, и наличная сумма в кассе фонда передана на сооружение памятника на могиле бывшего члена церковного комитета В. Л. Коленова. Настоятель протоиерей отец Василий Курдюмов назначен благочинным Нью-Йорка.

1938 год

13 АПРЕЛЯ. Закончен полный ремонт электрической проводки в храме, выполненный Ю. Х. Романенко.

20 ИЮНЯ. Скончался бывший староста храма П. А. Миронов.

28 СЕНТЯБРЯ. Правлением прихода предоставлено помещение в приходском доме для занятий студентов и лекций профессоров, открываемой Свято-Владимирской семинарии с предоставлением также и нашего храма для ежедневной молитвы перед началом и в конце занятий. При этом правление высказало свое приветствие, добрые пожелания и радость по поводу участия прихода в этом благом деле (впоследствии).

Прихожане у храма Христа Спасителя на 71-ой улице

"Самое не скучное место в Нью-Йорке"

прихожанин

вствии развернувшимся в Свято-Владимирскую Духовную Академию в Крествуде, Н.Й.) и возможности внести свою лепту в это великое дело. (В последующие годы приход Храма Христа Спасителя продолжал свои пожертвования).

1939 год

14 ФЕВРАЛЯ. В Калифорнии скончался один из самых больших друзей храма г-н Чарльз Р. Крейн, лично известный покойному Государю Императору Николаю Александровичу, большой филантроп, сделавший много добра русским, любивший и знавший настоящую Россию.

См. след. стр.

25 ФЕВРАЛЯ. В Париже скончался генерал-лейтенант А.С. Лукомский, один из основателей прихода и член первого правления прихода. Была отслужена торжественная панихида по усопшем.

29 МАРТА. После 14-летнего усилия и стараний председателя правления В. П. Шмидта, образовано и инкорпорировано общество друзей Храма Христа Спасителя. Активно содействовал этому адвокат г-н Р. М. Аркуш. Инкорпорантами были: г-н Аркуш, г-н Моллесон, Б. А. Бахметев, князь П. А. Чавчавадзе и г-н Ф. Робертс. Первым президентом общества был избран г-н Моллесон.

5 МАЯ. Скончалась Е.П. Мальковская, одна из основательниц храма и член первого правления прихода.

5 НОЯБРЯ. Приход нашего храма участвует в праздновании 110-летнего юбилея епископальной церкви св. Андрея, в которой, по приглашению покойного настоятеля церкви д-ра А. Е. Рибурга, совершены были наши первые церковные службы в 1924-м году.

1940 год

3 ИЮНЯ. Скоропостижно скончался один из основателей храма и первый казначей прихода Б. В. Тачанский.

1941 год

20 СЕНТЯБРЯ. У отца настоятеля протоиерея Василия Курдюмова случился сильный сердечный припадок.

1942 год

25 ОКТЯБРЯ. Скончался друг и пожизненный член прихода г-н Рональд К. Браун, один из выдающихся адвокатов Нью-Йорка, инкорпорировавший приход в 1924 году, постоянно и безвозмездно дававший приходу юридические советы.

10 НОЯБРЯ. Погашена вторая закладная на имущество храма в размере 51. 500 долларов. Держатели закладной, прежние владельцы здания "Орден Рыцарей Колумба", согласились ликвидировать задолженность за 15. 000 долларов. Осуществлено это погашение было благодаря длительным переговорам, которые велись В.П. Шмидтом через друга храма г-на Томаса Робертса. Это явилось третьим важным финансовым достижением храма с его основания и после покупки здания в 1927 году. Другие лица, помогавшие приходу в этом деле были: супруги Бахметевы, Сергиевские и Макаровы, существенно помогшие своими денежными пожертвованиями, г-н Рональд К. Браун, юридическая компетенция которого помогла приходу в деле по наследству г-жи Мэри Симонс получить 3. 000 долларов; г-н Джордж А. Моллесон, помощь которого, денежная и советами, дала возможность продержаться закладную в годы экономического кризиса; г-н Честер А. Лоутон, непрерывные советы которого, со времени основания прихода, и непосредственное участие которого в делах и переписке по второй закладной, много содействовали благоприятной ее ликвидации.

20 ДЕКАБРЯ. Освящена Хоругвь, сооруженная по инициативе Е.Г. Лыскиной матерями и женами в честь прихожан храма, участников Второй мировой войны.

1943 год

В течение этого года были совершены молебны численностью в несколько десятков, почти каждый воскресный день, о здравии и благополучном возвращении домой членов прихода уходивших на военную службу в армию, морской флот и воздушные силы Соединенных Штатов Америки. В этом же году здоровье настоятеля отца Василия Курдюмова стало сильно ухудшаться.

1944 год

30 ИЮНЯ. Прибыл протоиерей отец Сергей Лепорский, временно назначенный Владыкой Митрополитом Феофилом, по ходатайству правления прихода, в виду продолжительного нездоровья отца протоиерея Василия Курдюмова, на временно открытую должность второго священника храма.

15 СЕНТЯБРЯ. Правлением постановлено начать издание "Приходского листка", первый номер которого назначен на декабрь этого года.

3 ДЕКАБРЯ. Скончался помощник старосты храма И. И. Воронов, состоявший членом прихода с 1928 года, имя его внесено в Золотую Книгу прихода. Большую часть своих себережений он оставил любимому им храму.

1945 год

11 МАРТА. Чествование настоятеля отца протоиерея Василия Курдюмова по случаю исполнившегося 30 января этого года 35-летия в священном сане. Архиерейское служение в храма возглавил Владыка Макарий, после чего состоялась многолюдная трапеза, на которую остались почитатели отца Василия, с поднесением ему значительного денежного подарка по подписке и с адресом в кожаном бьюаре.

27 ИЮНЯ. Владыка Митрополит Феофил утвердил должность второго священника в приходе, которая была временно открыта на один год в июне 1944 года, и в этой должности утвердил тогда же временно назначенного на эту должность отца протоиерея Сергея Лепорского.

4 НОЯБРЯ. Чествование второго священника отца Сергея Лепорского по случаю исполнившегося этого числа 35-летия его в священном сане. Литургию совершил Владыка Митрополит Феофил, после чего состоялась трапеза с поднесением существенного денежного подарка по подписке и с адресом в кожаном бьюаре.

1946 год

18 ФЕВРАЛЯ. Владыкой Митрополитом Феофилом утверждено ходатайство правления храма о перенесении престольно праздника прихода со дня его основания на первый день Рождества Христова, как то было в Московском Храме Христа Спасителя. Ходатайство правления о сем было сделано по постановлению 21 годичного общего собрания членов корпорации прихода 27 января сего года. Празднование же храмового праздника постановлено производить в первое воскресенье после Рождества, если последнее приходится на будний день.

27 МАРТА. Закончен полный внутренний ремонт храма, обошедшийся в 2. 175, 24 доллара. Пожертвования на этот ремонт были равны 2. 400. 52 долларам. Вся отчетность была в руках старосты храма С.А. Андросова. Оставшаяся сумма пошла на ремонт крыши. Здание не ремонтировалось более 25 лет и ныне приведено в исключительно благолепный вид. Кроме С. А. Андросова в этом большом деле приняли участие следующие должностные лица прихода: настоятель отец Василий Курдюмов, Н. Н. Самбуров и Д. М. Терещенко. Кроме того, отец Сергей Лепорский с амвона просил помочь в ремонте и на его просьбу отозвались многие молящиеся в храме. Также многие подрядчики и работники отдали свой труд безвозмездно. Была получена следующая резолюция Владыки Митрополита Феофила: "Глубоко тронут усилиями и стараниями правления прихода и всех под этим руководством потрудившихся для своего храма".

17 МАЯ. Правлением утверждён измененный и дополненный Устав сестричества храма.

12 ИЮЛЯ. Скончалась на 93-ем году жизни г-жа Мэри Маклин, давшая 5. 000 долларов на покупку настоящего здания храма и внесенная в Золотую Книгу прихода.

ОКТЯБРЬ. Произведен капитальный ремонт крыш церковного здания, обошедшийся в тысячу долларов, с гарантией на пять лет.

26 НОЯБРЯ. Делегатами от храма и прихода отбыли в Кливленд протоиерей Сергей Лепорский и С. А. Андросов на 7 Всеамериканский Собор Русской Православной Церкви в Америке.

В течение 1946 года выпущены отдельными изданиями: "12 Страстных Евангелий" и "Изъяснение Литургии и Всенощного Бдения".

1947 год

В НОЯБРЕ. Настоятель протоиерей отец Василий Курдюмов перенес новый тяжелый кризис в своей серьезной болезни.

12 СЕНТЯБРЯ. Образован 25-летний фонд, названный "Юбилейным Фондом", с целью выплаты первой закладной в размере 40. 785. 15 долларов.

1948 год

3 МАЯ. Seriously заболел староста храма С.А. Андросов после сердечного припадка.

4 ИЮНЯ. Собором епископов Русской Православной церкви в Америке, второй священник храма, протоиерей отец Сергей Лепорский награжден золотым наперсным крестом с украшениями, который и поднесен ему по подписке приходом.

17 ДЕКАБРЯ. Храм Христа Спасителя возведен в звание Соборного Храма Большим Архиерейским Собором, состоявшимся в Нью-Йорке 14-18 декабря 1948 года. Следует выписка из протокола Собора во время 10 заседания 17 декабря 1948 года:

"Слушали: предложение Высокопреосвященнейшего Феофила Архиепископа Сан Францисского, Митрополита Всея Америки и Канады о желательности отметить, в виду его 25-летнего существования, приход храма Христа Спасителя в городе Нью-Йорке, за его заслуги по объединению православных людей русской эмиграции вокруг церкви, за постоянные жертвы и поддержку Митрополии, возведением его в звание: "СОБОРНОГО ХРАМА", с чем поздравить причт, правление (совет попечителей) и всю паству. Постановили: принять это предложение Владыки Митрополита и поставить в известность о сем всю американскую паству и соответствующий и заслуживающий своего звания приход Соборного Храма Христа Спасителя в Нью-Йорке".

1949 год

26 ЯНВАРЯ. Правлением утверждён выработанный родительским комитетом приходской школы Устав Родительского Комитета.

ФЕВРАЛЬ. Организован Объединенный Комитет ревнителей и прихожан храма с целью сбора средств на погашение первой закладной. Отмечено, что комитет уже проявил с успехом энергическую деятельность.

1950 год

9 ЯНВАРЯ. Скончался после длительной и тяжелой болезни горячо любимый и горько оплакиваемый настоятель, отец Василий Филиппович Курдюмов. Похоронен в Свято-Тихоновском Монастыре.

ХРАМУ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ 60 ЛЕТ

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

АЛЕКСЕЙ ТАТИЩЕВ

НАЧАЛО НА СТР. 3

Пасхальной Заутрени передавалась по радио на всю страну. Тем из более консервативных прихожан, которые протестовали против такого радиовещания, отец Василий, обладавший на редкость громким и типично русским басом, обыкновенно говорил: "Да, но подумайте как хорошо, что голос нашего русского православия таким образом проникает во все отдаленные углы Америки!"

Церковный дом, который прилежал Храму, но у которого был свой отдельный вход с улицы, тоже был большой и вместительный. Кроме концертного зала, вмещавшего до двухсот человек публики, в доме помещалась столовая-ресторан на 50-80 человек с кухней. Рядом со столовой была бильярдная комната, в одном конце которой помещались карточные столы и кресла для желающих просто провести время в разговоре с друзьями или за чтением книг и газет. На втором этаже, рядом с концертным залом, помещалась в отдельной комнате библиотека имени Митрополита Платона, в которой было множество книг, включая значительное число довольно редких изданий, пожертвованных друзьями храма. (Судьба этой библиотеки, вероятно, ценных книг и документов, к сожалению, в данное время неизвестна).

На том же втором этаже было несколько комнат, в которых заседали органы правления храма, как церковный совет, сестричество и др., а также комнаты, которые предоставлялись время от времени бесплатно для частных совещаний различным культурным и благотворительным обществам как, например, Обществу Русских Инвалидов, Детскому Обществу и многим другим. Одна из больших комнат служила классной для детской школы, в которой русскому языку и Закону Божию обучалось одно время свыше сорока детей. В период экономического кризиса начала 1930-х годов, в одной из этих комнат заседали руководители так называемого Временного Комитета Помощи Русским Безработным, коего автор этого очерка был казначеем и который, в специально снятой квартире неподалеку от храма, при помощи кухни в церковном доме, кормил ежедневно до сорока людей в течение почти двух лет.

В концертном зале давались концерты не только нашего церковного хора, в котором в течение многих лет участвовал как певчий (бас) и солист, автор сего очерка, но раздавалось также пение таких знаменитых русских хоров, как хор Донских Казаков, под управлением Жарова, не менее известный Квартет Кедровых и другие. Приглашались на гастроли и знаменитые солисты как, например, Нина Кошеч, и раз был концерт впоследствии трагически окончившей свою жизнь знаменитой русской певицы Плевицкой.

Трудами покойной Анастасии Тихоновны Водолажской в церковном доме был основан так называемый "Русский Клуб", члены которого за минимальный членский взнос (а нуждающиеся и бесплатно) могли проводить досуг в обществе друзей и знакомых за дружеской беседой, за игрой в бильярд или за карточным столом, или просто за чтением имевшихся в клубе книг, газет и журналов. Клуб был открыт в будние дни, также как и по праздникам.

Собрание прихожан

Обед в храме Христа Спасителя

Наконец, следует упомянуть, что покойный протопресвитер Александр Шмеман, декан Свято-Владимирской академии в Крестовде, свои первые семинарские лекции проводил в нашем церковном доме.

Широко таким образом распространявшаяся деятельность нашего храма происходила под управлением церковного совета и назначаемых им церковных органов, как, например, сестричества, которое занималось шитьем облачений, смотрело за благолепным устройством храма и его чистотой, следило за им самим организованной благотворительностью и т.д. Сестричество само собирало пожертвования на свою деятельность и имело свой собственный счет в банке. По мере того, как росло имущество храма вследствие многочисленных даров и пожертвований, был основан соответствующий комитет правления, который ведал этим имуществом, страховкой его от пожара, кражи и пр. Такая страховка оправдывалась тем, что среди имущества нашего храма накопилось со временем много драгоценных икон, обладавших музейной ценностью. Была, например, хорошо обрамленная риза, принадлежавшая отцу Иоанну Кронштадскому, несколько знамен бывших русских военных организаций и полков и т.д.

К 1950-м годам храм наш мог гордиться тем, что в его ведении сохранился подлинный музей дорогих русскому сердцу ценностей, напоминавших прихожанам, переселившимся в Америку и потерявшим свою родину из-за революции, о славном прошлом России и о русской культуре, процветавшей в течение веков существования дореволюционной России.

Имена всех тех, кто внес свой вклад в создание этого настоящего хранилища русских ценностей, многочисленны. В рамках этого краткого очерка и вдобавок к упомянутым здесь лицам, как Владимир Петрович Шмидт и многолетний наш настоятель протоиерей Василий Филиппович Курдюмов, следует также упомянуть регента нашего хора Сергея Викторовича Савицкого. Этим талантливым и в то же время скромным музыкантом был создан хор церковной музыки, уникальный по своему репертуару и исполнению песнопений в Америке. На дававшиеся время от времени концерты нашего хора в церковном доме всегда стекалась многочисленная публика, и зал в таких случаях всегда был переполнен.

К сожалению, к началу 1950-х годов наступило время упадка в благополучии нашего храма. Случилось так, что с кончиной в 1950 году отца протоиерея Василия Курдюмова и с последовавшей вскоре после этого смертью С.В. Савицкого наступили годы испытаний и трудностей храма, о которых надо теперь сказать несколько слов.

3. ГОДЫ ТРУДНОСТЕЙ И ИСПЫТАНИЙ

Все трудности, которые так отрицательно отразились на судьбах нашего храма и которые начались приблизительно с середины 1950 годов, оказались всецело вне контроля храма и его прихожан. Уже раньше, — вскоре после окончания Второй мировой войны, — началось медленное, но неотвратимое сокращение числа прихожан.

Несмотря на то, что общее количество прибывших в Америку русских эмигрантов со времени основания нашего прихода значительно возросло, большинство из них к 1950 году переселились из самого города Нью-Йорка в его окрестности. Многие, чтобы заработать на жизнь в более отдаленных районах страны, вовсе покинули Нью-Йорк и поселились в других районах просторной Америки. Все они перестали быть

прихожанами Храма Христа Спасителя, организовав в большинстве случаев свои собственные церкви и приходы вблизи новых мест жительства.

Это явление вскоре отразилось и на финансовом положении нашего храма. Стало нехватать денег на необходимые затраты по починкам, в которых стареющее здание храма нуждалось все больше и больше. Вдобавок, вскоре не стало денег и на уплату закладных. Благодаря почти исключительно усилиям В.П.Шмидта удалось сперва уговорить держателей закладных отложить свои претензии на своевременную уплату по этим закладным. Таким образом, на время, несколько облегчилось финансовое положение храма. К 1959 году, однако, положение было так остро, что казалось, храму пришел конец и что здание надо было продать. К счастью, к концу этого же 1959 года последовало исключительное по своей жертвенности решение главных держателей закладных сумм просто "простить" храму всю его задолженность, что позволило Церковному Правлению 17 февраля 1960 года объявить в письме от В.П.Шмидта Преосвященному Леонтию, Митрополиту Всея Америки и Канады, о том, что приход Храма Христа Спасителя отныне обладает своим зданием без какой-либо задолженности. Событие это было ознаменовано специальной торжественной службой.

Значительное улучшение в финансовом положении храма дало возможность провести самые нужные починки, включая, например, капитальный ремонт крыши, которая к тому времени так протекала, что даже в самом храме во время дождей собирались на полу лужи воды.

К сожалению, это "призрачное" благополучие продолжалось сравнительно недолго. Кроме упомянутых выше причин, посещаемость храма понизилась также из-за значительного ухудшения городского района, в котором храм находился. Понемногу посещаемость церковных служб по субботам на Всенощных сошла на нуль, а на Воскресных литургиях часто не достигала более 10-15 человек. Деятельность церковного дома вскоре прекратилась совсем, ресторан закрылся. Закрылся и "Русский Клуб". О собраниях по вечерам даже церковного комитета, не говоря уже о сестричестве и других церковных органах, не могло скоро быть и речи. Ходить по улицам вблизи храма стало небезопасным, и участились случаи ограблений и попытки ограбления храма не только ночью, но и днем.

Дело, наконец, дошло до того, что остро встал вопрос о необходимости найти нашему храму более благоприятное положение в городе. И начались поиски такого места. Пишущий эти строки принимал одно время деятельное участие в этих поисках, долго бесплодных. Одной из главных трудностей в этом отношении оказалось, как ни странно, сопротивление со стороны старейших членов церковного правления перемещению храма вообще. Большинство этих старейших основателей храма, невзирая на очевидность ухудшения района города, не соглашались расстаться с "дорогим насиженным местом на углу Мэдисон Авеню и 121 улицы", надеясь на приискание средств улучшить материальное положение храма, и предпочитало стремиться к этой цели, а не к переезду. Наконец, после длительных заседаний и горячих споров все сопротивление переезду храма было преодолено и приобретено было настоящее наше здание на Ист 71 улице.

В начале судьбы нашего храма на новоприобретенном месте продолжали быть весьма трудными. Вместо того, чтобы увеличиться, число наших прихожан еще понизилось. Материальное положение продолжало быть отчаянным, так как деньги, полученные за продажу здания на 121 улице, почти целиком ушли на покупку теперешнего нашего

здания. Казалось, приход продолжал медленно умирать, пока к середине 70-х годов, по милости Бога, не сложились обстоятельства, которые привели к возрождению прихода, так что в настоящее время, с помощью Божией, мы можем наконец предвидеть счастливое будущее нашему Храму Христа Спасителя.

4. ВОЗРОЖДЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Одним из важных первых факторов восстановления нашего прихода было присоединение к нему группы православных христиан, служащих на английском языке. Группу эту возглавлял о. Стефан Пламли, рукоположенный Митрополитом Иринеем в 1969 году. В сентябре 1976 года эта группа перешла из собора Покрова Пресвятой Богородицы на Второй улице Истсайда в наш храм Христа Спасителя. В январе 1977 года эта группа, называвшаяся миссией Св. Исайи, официально вошла в состав прихода.

Процессия духовенства и верующих вокруг храма

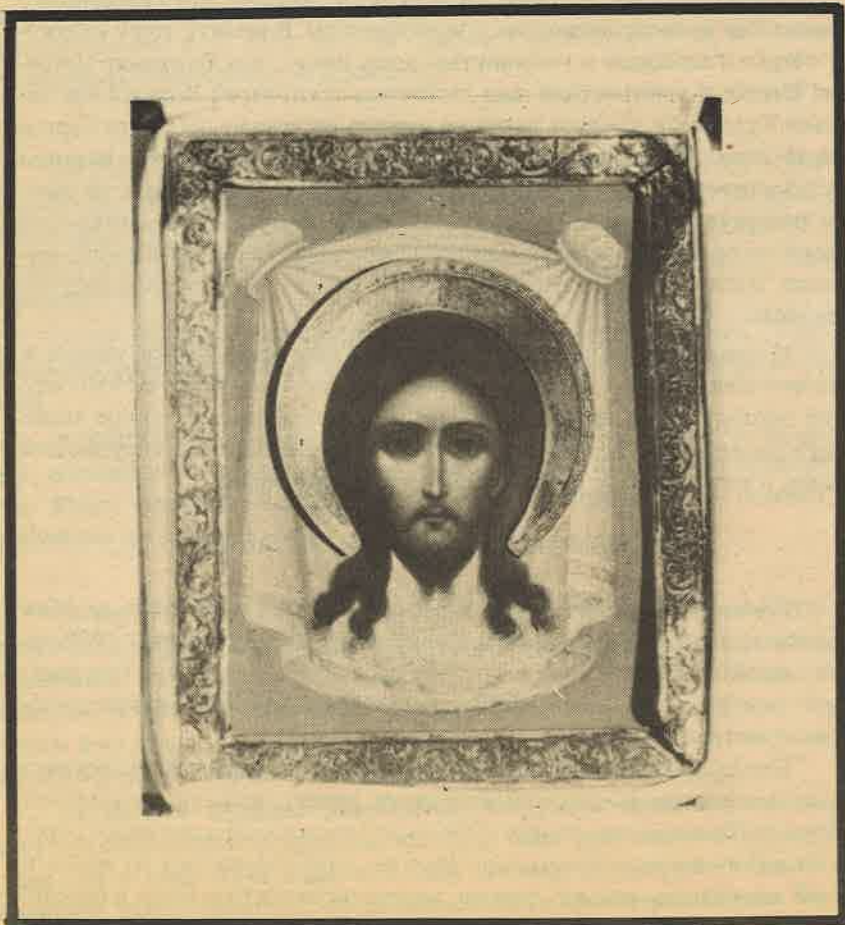
Прибавление к нашему приходу англо-говорящей группы прихожан значительно оживило наш приход. Не только несколько улучшилось материальное положение нашего храма, но появление новой группы сравнительно молодых по возрасту и ревностных православных христиан, помогло преобразить наш приход из казавшейся бы медленно угасающей в помолодевшую и более живую общину.

В целях поощрения единства между двумя группами наших прихожан — служащих по-славянски и служащих по-английски, Митрополит Феодосий назначил настоятелем нашего храма протоиерея Иоанна Мейендорфа, декана Свято-Владимирской Академии в Крестовде со священниками отцом Михаилом Аксеновым Меерсоном и отцом Стефаном Пламли, возглавляющими соответственно русско- и англоязычные группы прихожан.

Второе и, быть может, даже более важное обстоятельство, послужившее возрождению нашего прихода, был наплыв новых иммигрантов из Советского Союза. Как и их предшественники в начале 1920-х годов, которые основали наш храм, эти новопривывшие беглецы из-под безбожной советской власти, значительно помогли снова утвердить духовную жизнь прихода. Особенно надо нам благодарить Всемилового Бога за прибытие в числе новых иммигрантов и возглавляющего нашу русскую группу прихожан отца Михаила Аксенова-Меерсона.

По Божьему соизволению, отец Михаил оказался особенно деятельным миссионером в деле привлечения к православию многих жаждущих церкви иммигрантов. В своей миссионерской деятельности отец Михаил идет по стопам тех православных русских пастырей, которые более двухсот лет тому назад впервые через Аляску насаждали Православие в "Новом Свете". Его духовное водительство и вдохновенные проповеди привлекают молящихся в наш Храм, и от этого увеличивается количество прихожан. Нельзя не отметить то, как воодушевляет присутствующих молитвенный переход в православие людей уже взрослых, которые многие годы жаждали такого присоединения к Православной Церкви. Отец Михаил также присоединил к православию и коренных американцев, которые, обладая музыкальными способностями, теперь украшают своим пением наш церковный хор.

В заключение хочется сказать: "Неисповедимы Пути Господни!" Вместо казавшейся бы умирающей прихода, наш Храм Христа Спасителя теперь возродился и, с надеждой на милость Божью, может теперь бодро смотреть в будущее: слава Всемогущего Бога и молитвенно в сердцах наших благодаря Его за Его великие милости к нам, смиренным Его рабам.

ОЛЬГА МЕЕРСОН

ПРОГУЛКА С ТЕРЦЕМ

В книгах, наиболее ярко раскрывающих личность Абрама Терца, в "Голосе из хора" и в "Мыслях врасплох" можно найти много интересного об искусстве, о прохожих, о снеге, о литературе, о страданиях, о звуках, о творчестве и о жене. Однако меня интересует больше всего одна из его тем — тема веры и я хочу пересказать ее здесь.

Часто приходится слышать возмущение против веры в Бога: "Как можно верить в Бога, когда миллионы страдают и погибают, а Бог молчит?!" (Впрочем, откуда известно, что Он молчит? Беседовал ли кто-нибудь когда-нибудь с одним из этих миллионов страдающих? Или же мы знаем только одну ужасную статистику? Или можно представить себе простого человека или даже своего приятеля и сказать: "вот таких погибло миллионы"). Терц так сказать не может, для него каждый в этих миллионах не "такой", а такой, какого уже не будет: "— Знаешь, папа, я очень боялся, что приедешь не ты, а мне скажут, что это — ты". (Вернувшегося из лагеря). Потому он так внимателен к чужим голосам в хоре и предлагает нам свою книгу бесед с личностью из числа страдающих, ибо для него гибель приходит на миллионы, а спасается всегда личность. При этом у каждого из миллионов есть эта возможность стать личностью, каждый имеет шанс быть выслушанным Судьей и получить от Него единственный и неповторимый, для него одного предназначенный, ответ. Вероятно, в этом основное отличие Терца — слушателя и писателя — от диссидента: Терц хочет услышать ответ Бога для каждого. Потому не случайно его книга о лагере называется "Голос из хора". Ибо каждый голос в хоре делает хор хором, а не толпой, и Терц приглашает все "свидетельские усилия", показывая, что у каждого в хоре — свой, личный, голос, что каждый в нем — личность. "— Моя жизнь у меня на лице написана! И все лицо — в каких-то шрамах, буграх. И острый нос заканчивался раздвоенным, на двух шарах, наконечником". Терц вслушивается в голоса в хоре, для него каждый, сидящий с ним, — не один из миллионов несправедливо посаженных, но отдельный обиженный человек, в судьбе которого и лагерь, и то, возмездие ли он или чистая несправедливость, играют свою неповторимую роль.

"— Жена сердится, что долго сижу — Сколько уныния в этой реплике, и какая длинная жизнь лежит за нею!". Как много в этих словах жалости к этому вот одному: писатель расстраивается за него так (по качеству и осмыслению, а не по степени), как только Бог может расстраиваться за каждого. В этом он — пока единственный из лагерных свидетелей, кто постоянно прислушивается к диалогу Бога и человека, кто постоянно отыскивает в людях внутреннюю свободу, способную противостоять тюремной несвободе.

"— Андрей, а что ты думаешь о драконах?"

— ?!

— Куда они подевались?

Одна моя знакомая возмущенно говорила: "Как Синявский может писать о таких пустяках из лагеря?" (Сама она в лагере не сидела, но много о нем слышала). Здесь любовь к форме, будь она неладна, — позволяет воспринимать ужасное как банальное — воспринимать банально. А ведь надо испытывать большое доверие к человеку, чтобы спросить у него на нарах так по-детски о драконах, когда тебя каждый день и так окружают вещи страшнее драконов.

Собственно, ее жалоба — на недостаток гражданственности, глобальности обличения Терца. Но что может с большим основанием быть названо мировой скорбью:

"О земле, на которую сбросят водородную бомбу: — С орбиты она не сойдет, конечно, но содрогнуться она содрогнется". Тут обсуждаются не законы физики, а некая эмоциональная кондиция, здесь — уподобление нашему душевному содроганию от страдания. Так, полужаргонно, можно сказать о пережившем горе: "свихнуться не свихнется, но содрогнется". В этом — и образ долготерпения и скупость выражения в страдании.

Бог и ближний так связаны для Терца, что коллизия разделения и противопоставления двух заповедей вызывают у него добрейшую иронию:

"— Нет, есть Бог. Кто скажет — Бога нет, я тому глаз выколю". Каждый человек в обиженности своей беспомощен, как ребенок, подчас не может выразить свою боль, но автор и в безграмотности жалобы являет индивидуальность пережитого страдания: "— Женой я изменен. (Поэма из личной жизни)".

Дорожа личностью ближнего, Терц любит в нем и грустный юмор несбывшихся притязаний, потому что он тоже всегда неповторим ("Мне больше подходят женщины типа мадам Бовари"). Так же, как неповторима лично и "дикая поэзия" отношения к женщине: "— Златогривая еврейка".

Неповторимы в нас даже глупые желания, бредовые мечты о ненужном, или неосновном. И в них человек раскрывается в своей цельности: "— Купите туфли — и вы сразу почувствуете себя королем Лириом". Автор изречения и не подозревает, что судьба босого предпочтительнее судьбы обутого, но короля Лира: фигура Лира предносится ему лишь в аспекте королевства. Терц-то знает Шекспира и все равно с нежностью вспоминает изречение.

В множестве похабщины (из которой Терц выбирает литературные перлы) он умеет найти детскую чистоту преклонения, как бы очищает ближнего своего любовью. Он внимателен к грустной фразе — "Из уст ее должны только красивые слова исходить, а она ругается!". "— Я при женщине еще ни разу не заругался". Терц понимает, что сказавший видит в том, чтобы не заругаться, личный подвиг и потому он, Терц, оценивает это рыцарство по заслугам.

Терц никого не судит, и потому сама постановка вопроса о "миллионах" ему чужда. Он недвусмысленно выражает свою точку зрения на окружающее — прежде всего, как на на страдание, а не беззаконие по чьей-то вине: "Мне кажется, "Бедные люди" Достоевского родились по звуковой аналогии и по контрасту с "Мертвыми душами". — Не мертвые души, — спорит Достоевский (и очень при этом сердится), — а бедные люди!".

Личность — нечто несомненное для каждого. Потерять ее — быть презренным: "И ты был когда-то "Я"!".

Ведь для Терца личность, личностность — прежде всего тайна, чудо: "Странно, что просыпаясь, я всегда оказываюсь — я. На чем это держится?"

Чудо того, что личность непрерывна, больше того, "на чем держится", скажем, Земля. Ведь не могло же, в самом деле, быть и воображимо, что единство "меня" держится на трех китах! Вот это — тайна, так тайна.

Каждый из погибающих миллионов умирает отдельно. Но и преодолевает он смерть, как личность:

"— Дал простор фантазии, написав на записке: "Не бойтесь смерти." "— Я не хотел жить, когда впервые услышал о смерти."

Нам, в общем, ни к чему спрашивать, зачем Бог, если миллионы страдают, потому что оказывается, что у каждого в результате опыта его неповторимого страдания появляется свой ответ на этот вопрос:

"— Господь устраняет меня из любви ко мне, я подумал. Чтобы я лишнего не нагрешил. (Перед расстрелом)".

Что может противопоставить атеист этому свидетельству о Боге? А вот — свидетельство внутренней борьбы, достойное страниц "Иова" и "Добротолубия": "— Дьяволу все люди не нужны. Ему нужны некоторые. Я — ему нужен. Но я не поддамся!".

Ропщущие против Бога на основе статистики, в сущности, как бы безответственно исключают самих себя из происходящего. Насколько больше личной ответственности в благодарности Ему, что спас тебя от греха, удержал руку:

"— За что я благодарен Господу, так это — что за всю мою жизнь не убил никого. А сколько было случаев!.."

Наряду со многими современными авторами России Терц свидетельствует о лагерях и его герой номинально — тот же, что и у всякого лагерного свидетеля — эзк, но Терц любит его и от его любви эзк становится лучше, дороже всего эзку становится его душа.

"— Справедливостью моей души заявляю!"

"— Чтоб я кошкой интересовался?! Да я душе своей не рад!".

А вот свидетельство о том, как лично понимается спасение:

"—Приснилось: двое хотят зарезать. С одной стороны и с другой. Никуда не скроешься. И я — улетел!". Тут уж ясно, что не кто-нибудь спасся, а именно он.

А вот — личность, для которого страдание — дело и его надо сделать, но Бог неожиданно облегчил: латыш, бегун, срок 25 лет. Снится сон: что бежит 25-ти километровую дистанцию. Вдруг на половине дистанции мягкий голос судьи: "Хватит, довольно". Наутро просветленный умирает. До конца срока не дожил ровно 12 лет 6 месяцев. Что может быть определеннее такой судьбы?

И свидетельство "очевидцев" о Воскресении (казалось бы, какая чепуха людям в голову лезет в лагере?!).

"Сценарий из сна... Похороны. Гроб. Попрошавшись, уходим. В автобусе натыкаемся: он самый, живой! Не знаю, что и подумать. Едва решил заговорить, смотрю — под нашим автобусом — высунувшись из окна — под колесами — клубящиеся, как дым, облака..."

Часто Терц выступает в роли настоящего летописца, ставя себе целью донести до нас историю русской святости:

"Перед допросом в тюрьме у нее было видение. Явились Никита Мученик и Иоанн Воин: — Раиса, помнишь ли слово "не знаю?"

Один из серьезных вопросов, которые нам (или Терцу) могут поставить — это сомнение в том, так ли уж был тяжел лагерь времен и порядков 60-х годов как, скажем, лагерь Колымы.

Действительно, свидетель Колымы — Шаламов пишет менее "цветисто", более сурово, чем Терц, и он имеет на то достаточные основания. Но есть разница и в отношении:

"Мы самими собой заглушаем этот Голос и говорим: — Помогите! А Он отвечает: — Я с тобой. Я же с тобой. Неужели ты не слышишь?" — Это Терц. Шаламов считает, что человека можно уничтожить совершенно (как личность), и свидетельство его более чем достойно доверия. Но важно и то, что Терц слушает Голос, а Шаламов нет — он полагается лишь на себя. Отсюда,

ПРОГУЛКА С ТЕРЦЕМ (продолжение)

на мой взгляд, разница в отношении к последним подонкам лагеря: блатным. Шаламов законно ненавидит их, потому что они — очередная форма вполне официозного кошмара. Обычно этому противопоставляется "романтика", что, конечно же, несостоятельно и просто негуманно. Но Терц (занимающийся и "блатным литературоведением") противопоставляет этому нечто иное, отношение исключительно религиозное, хотя и выходящее за рамки христианской догматики:

"... Но я ни о чем не догадывался, пока в какой-то вечер не заговорил о разбойнике, распятом вместе с Христом. Не о том, который покаялся, но о втором разбойнике, который, как известно, не поверил в Христа и погиб.

— А вы знаете, — сказал он загадочно, и у меня по спине пробежали мурашки, — и второй разбойник спасен... Да, он тоже спасся... Только об этом никто не знает... — И из всезнающего глаза — слеза..."

Невольно вспоминаешь притчу Иисуса о должнике, которому много простилось и он много возлюбил. Тогда "можно понять" точку зрения Терца.

Терц верит в способность покаяния даже у самых "завзятых". Примеров того, как в лагере человеческая душа открывается явлением, совершенно чуждым ей прежде, у него достаточно. Вот один из них:

"— Выслушал он все разъяснения Апокалипсиса, внимательно слушал, часа два, не перебивая... и с тоской говорит: — Ох, попался бы ты мне два года назад, ведь я бы с тебя всю шкуру спустил!..."

Какое за этим стоит преобразование личности в эти 2 года, — и по отношению к "фраеру", и по отношению к Апокалипсису, как данности!

Терц в "Голосе из хора" "выискивает" во всем Бога. Это, безусловно, аполитично. Но как всегда, поиск Бога — конкретное целебное

средство, ибо его аполитичность противопоставляется конкретному, политическому злу. Когда есть такая твердая пристань, отступает страх перед жизнью:

"— Я с шестнадцати лет — как рыба в воде".

Терц не считает нужным доказывать свое видение Бога во всем, но по праву считает способность к этому видению (в других) счастьем:

"— Смеялись над ним. Особенно — один подполковник из бытовиков. Я, говорит, подполковник, а никакого Бога за всю свою жизнь не встречал. Где Он — твой Христос? Хоть кто-нибудь когда-нибудь Его видел?

— А я, отвечает, каждый день Его вижу".

Однако это не просто "концепция" Терца и даже не просто помогающая жить и выжить концепция, но реальная способность любви, которая и к нему вызывает любовь у окружающих сидельцев:

"Я за вас, А.Д., две свечи поставил — по 60 копеек".

"Мысли врасплох" — это еще одно свидетельство, но уже о своем, о внутреннем, это как бы "Дневник совести". Если в "Голосе из хора" существенным в ответе на вопрос, почему можно и осмысленно искать спасения, когда все гибнут и все рушится, было то, что спасается *каждый* из всех, лично, то в новой книге существенно уже то, что спасаешься *ты*, и каждый "ты". Потому и стиль книги в своем роде деловитый.

"Жизнь человека похожа на служебную командировку. Она коротка и ответственна. На нее нельзя рассчитывать, как на постоянно жительство, и обзаводиться тяжелым хозяйством. Но и жить спустя рукава, проводить время, как в отпуске, она не позволяет. Тебе поставлены сроки и отпущены суммы. И не тебе одному. Все мы на земле не гости и не хозяева, не туристы и не туземцы. Все мы — командировочные".

Эта фраза — не простая констатация факта, против которого "не попрешь" — здесь совершен уже нравственный выбор. Терц соглашается принять личную ответственность, ибо он определяет, что для человека мир — не данность и не вотчина, но предмет творчества, хотя и мучительного. Отсюда и отношение к смерти, как к итогу сделанного:

"Надо бы умирать так, чтобы крикнуть (шепнуть) перед смертью:

— Ура! Мы отплываем!"

Разумеется, Терц верит: итог не может быть пустотой, он — воскресение. Иначе это не итог, а обрыв, что для него совершенно неприемлемо,

"Смерть сообщает жизни сюжетную направленность, единство, определенность.

... По сравнению с умершими (в особенности литературными персонажами) мы выглядим недотянутыми, недоразвитыми. Такое чувство, как если б у нас грудь и голова терялись в проблематическом тумане. Потому мы так неуверенны в оценке себя, в понимании своей роли, судьбы и места... конец — всему делу венец".

Поскольку для Терца смерть — итог, человек всегда волен выбрать, *чему* ей быть итогом, как прожить. Волен он и выбрать, будет ли она итогом вообще: жить, как в командировке — да; а спустя рукава — смерть будет, как тать в ноши. То есть, оказывается, что выбирая нравственный путь жизни, человек выбирает себе смерть, что смерть праведного — совсем не то, что смерть неправедного, опять-таки, что в жизни каждого "тебя" она значит свое.

Впрочем, не следует заблуждаться. Терц далек от мыслей о "возмездии" и "загробном" воздаянии, аде или рае. Он меньше всего хочет мистики, пролезть в то, что скрыто. Для него ад и рай — не элементы загробной жизни (для него вообще нет загробной жизни, а есть воскресение, о чем говорит хотя бы история о сне с авто-

ХУДОЖНИК И ЕГО МОДЕЛЬ

ХУДОЖНИК 1-13

*Ты лишь тогда узришь в себе Гонца,
Когда твой конь, блистая блеклой пеной,
Вдруг — на колени, на бок — постепенно...
Двоясь, подков восходят месяца.*

*А впереди дороге нет конца.
Там топь и хлябь. Там свет рожденный тленом
Горит как жизни свет, и откровенным
Он станет лишь у самого лица...*

*Так и в тебе живет судьба иная,
Она зажжет последнее мгновенье,
Всю жизнь твою внезапно изменяя
И ложью называя откровенье.*

*Но если жил ты, это понимая,
Иных времен тебя не тронет тленья.*

1-14

*Иных времен тебя не тронет тленья,
Когда поймешь, что сам ты — только тлен
И, пыль мгновений отрянув с колени,
Ты примешь жизнь, не рухнув на колени.*

*Ведь в горечи коленапреклонений
Для нас сокрыт тот безысходный тлен,
Которого бежим мы, сеть мгновений,
Рассудком отводя за вязь письмен.*

*Ты на нее счастливо обречен
На эту жизнь, на эту смесь стыда
И радости, на этот странный сон,
В котором сами снимся мы... Всегда
Включались мы в гармонию времен.
Когда еще нас нас не было, когда...*

МОДЕЛЬ 2-13

*Прислушайся — в тебе судьба иная,
Как птица бьется в витражи души.
Но этот путь избрать ты не спеши.
Мы ищем истину, ее лица не зная.*

*Займись простым занятием осознания —
Мгновение нам выбора не даст.
А выбор есть; и, может, в этот раз
Счастливым он окажется. Молчанье
Привыкни слушать — это речь души,*

*Привыкни к времени, его пойми движенье,
Его необратимость в фетиши
Не возводи. Потом прими решенье.*

*И будет путь судьбою наречен.
Ты на нее счастливо обречен.*

2-14

*Ты на нее счастливо обречен
На эту бесконечную дорогу,*

*На грязь и солнце, радость и тревогу,
На жизнь и смерть... К тебе со всех сторон
Ведут едва заметные тропинки.
Но это сзади. Нет их впереди.*

*Ты проложи свой путь, один иди,
Стопчи не сапоги и не ботинки,
А тело все. И там, где ляжешь ты,
Дорога кончится, но вновь потом начнется
И никогда, наверно, не пререется,
С обрыва не коснется пустоты.*

*И кто б ты ни был, ты обязан знать,
Что жизнь тебе не суждено прервать.*

ОКОНЧАНИЕ

1-15

*Когда еще нас не было, Когда
В себе людей пока что не рожденных
Равно Миры скрывали и фотоны
Твоя уже затеплилась звезда,*

*Меж звезд звенела льдинками вода,
Чтоб ныне ливнем бить по чахлым кронам.
Тебе, возможно, так же — никогда
Не изменить движенья душ законы.*

*Но труд твой будет сделан до конца,
Ты не избежешь кары вдохновенья
Оно придет и встанет у лица
Той вечностью, что есть твое рожденье.
Тогда и ты узришь в себе гонца
Иных времен. Тебя не тронет тленья*

2-15

*Ту жизнь тебе не суждено прервать,
Что после смерти вновь к тебе приходит.
Так льна росток для полотна восходит.
А ты... Что можешь ты предугадать?!*

*Вот глина умирает в городах —
В бессмертье сквозь смерть свою приходит,
А лен растет не зная, что беда —
Не умереть. И так всегда в природе.*

*Холст пред тобой. Ведь это мертвый лен,
Но в нем живет вся жизнь его простая.
Ты эту книгу нехотя листаешь,
А это — ревkiem лесов, стволов и крон.
Так и в тебе живет судьба иная
Ты на нее счастливо обречен.*

бусом в облаках), а нечто, что можно увидеть рядом. Вот ад (правда, тут есть некоторые сомнения в собственной прозорливости, что тоже характерно для автора):

"Не исключена такая возможность, что на земле — ад. Тогда все понятно. А если нет? Господи, тогда как?"

А вот и Рай:

"Природа прекрасна под влиянием Божьего взгляда. Он молча, издали смотрит на купы деревьев — и этого достаточно".

Однако это не значит, что Терц дерзко не боится будущего воскресения: "Когда все тайное станет явным — понимаете? — все. То-то мы сядем в калошу". Есть у него и робкая попытка представить себе, как больно видеть нас Тому, Кто видит все:

"Почему Христос никогда не улыбается? Не потому ли, что в тюрьме, где сидят приговоренные к казни, смех неуместен?..."

При таком, терцевском, осмыслении жизни и смерти оказывается, что страх смерти, как таковой — низость:

"Как вы смеете бояться смерти?! Ведь это все равно, что струсить на поле боя. Посмотрите — кругом все валяются. Вспомните, о ваших покойных стариках-родителях. Подумайте о вашей кузине Верочке, которая умерла пятилетней. Такая маленькая, а пошла умирать, придушенная дифтеритом. А вы, взрослый, здоровый, образованный мужчина, боитесь... А ну — перестаньте дрожать! веселее вперед! марш!"

В этом — опять же — не удалость, не разубавистость, что де "помирать, так с кузиной Верочкой", но сознание, что умирают и те, кто лучше меня, невиннее меня, что смерть "функциональна", несет творческий смысл. Потому, а вовсе не по цинизму говорит Терц: "веселее!"

Ведь вера — это доверия Богу, умение не только принять Его, как существующий факт, но

и положиться на Него, как на личность:

"У меня перегорели пробки. Я очень грустил и просил Бога помочь. И Бог послал мне Монтера. И Монтер починил пробки". Терц здесь мимоходом восстанавливает в правах злосчастного Монтера, который в советском анекдотическом фольклоре (удивительным ценителем которого является Терц) уже давно утвердился, как наглый гордец-атеист, узурпировавший функции Вседержателя, кощунственно поставивший себя на одну доску с Творцом и, естественно, потерпевший фиаско ("Да будет свет — сказал монтер, — и сделал замыкание"). Происходит двойное чудо: сбывается молитва, пускай самая "бытовая", и низверженный, недостойный персонаж возведен в ранг посланца, ангела.

Вера Терца не просит чудес и знамений, но как всякое интимное общение с любимым, она хочет обусловленного знака понимания, часто ничего не говорящего никому, кроме влюбленных (так — даже лучше).

"Господи, дай о Себе знать. Подтверди, что Ты меня слышишь. Не чуда прошу — хоть какой-нибудь едва заметный сигнал. Ну пусть, например, из куста вылетит жук — ведь вполне естественно..." Тут — не желание чудес и знамений, но ощущение того, что то, что для других — обыденность, для тебя — живая связь. Невольно вспоминаются условные посылы влюбленных в саду, рыцарская любовь св. Франциска к Богу и пр.

Для Терца доверие к Богу научает доверять и ближнему (или, по крайней мере, доверять Богу, что Он не даст ближнему тебя зарезать):

"Идет он по лесу. Навстречу — трое в лаптях. Он подошел к ним и говорит:

— Я вас, братья, боюсь. Вас — трое, я один.

— Давай, — говорят они, — мы сядем на травку, чтобы тебе нас не бояться. А ты стань поодаль, шагах в десяти, и будем разговаривать. Уселись трое и спрашивают:

— Нет ли хлеба? Три дня не ели.

Он отдал им хлеб, какой был у него, и ушел. Потом их поймали и в городе расстреляли".

Доверие разрушило магию страха, и в цепи преступлений образовался прорыв: доверившийся не культивировал страх и не успел подумать, что они — разбойники; они не повели себя с ним как разбойники, так они перестали быть разбойниками, хотя где-то и выяснилось потом, что они разбойники. Как будто Господь прятал их от искавших до этого дня, чтобы дать им явиться на Свой Суд раз оправданными, избежавшими последнего преступления.

Кончается прогулка с Терцем. Остается его понимание веры. Не веры в гуманизм, которая может сломиться перед картиной зверств, или веры в спасение, которая рассыпается от страха смерти, или в оригинальность, которая способна презирать смирение ближнего. Но другая вера, вера в Бога, которая научает верить в гуманизм, несмотря на зверства, в спасение, преодолевая страх смерти надеждою воскресения, в "оригинальность", несмотря на многие унижения, потому что знаешь, вслед за Терцем, что "Господь предпочитает тебя". Терц где-то пишет, что предложи ему спасение души без Бога или Бога и его погибшую душу, он бы согласился на второе, и не от небрежения о душе, но от того, что без Бога ему никак невозможно.

"Верить надо не в силу традиции, не из страха смерти, не на всякий случай, не потому, что кто-то велит или что-то пугает, не из гуманистических принципов, не для того, чтобы спастись и не ради оригинальности; верить надо по той простой причине, что Бог есть".

СВВ. ПЕТР И ИОАНН

НАЧАЛО НА СТР. 11

мѣсто среди двѣнадцати, которое принадлежит каждому изъ этихъ апостоловъ въ отдѣльности, ибо они имѣютъ свое особое и въ своемъ родѣ единственное положеніе. Начнемъ съ Петра.

II.

Извѣстно, какое значеніе получилъ вопросъ о «приматѣ» Петровомъ въ распрѣ восточной и западной церкви. Во многовѣковой полемикѣ, вызванной этой распрей, начиная съ Фотія (IX в.) и до нашихъ дней, подвергается этотъ вопросъ всестороннему изученію и обсужденію, и, кажется, была изучена въ немъ и обсуждена каждая деталь. Поэтому здѣсь достаточно воспроизвести итоги изученія уже ранѣе сдѣланнаго. Естественно, что особое вниманіе къ особливому положенію ап. Петра *среди другихъ* учениковъ посвящается въ католическомъ богословіи.

Что Петру принадлежит особое, притомъ первенствующее мѣсто среди другихъ апостоловъ, противъ этого, конечно, не можетъ быть честнаго и разумнаго спора. Можно спорить о смыслѣ и значеніи этого факта, но не о самомъ фактѣ, — спорить о немъ, значитъ противиться волѣ самого Господа и Его избранію. Петръ первенствуетъ среди апостоловъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ является центромъ двѣнадцатицы. Это его положеніе, особое значеніе его служенія, обнаруживается изъ сопоставленія многочисленныхъ деталей, въ отдѣльности незначительныхъ, но въ совокупности выразительныхъ, наряду съ основными событіями его жизни и относящимися къ нему изреченіями Господа. Начнемъ съ частныхъ и деталей, чтобы затѣмъ обратиться къ основоположнымъ текстамъ.

1. *Измѣненіе имени*, которое отмѣчено у всѣхъ евангелистовъ: Лк. 6,14: «Симона, котораго и называлъ

Петромъ и Андрея, брата его»; Мѡ. 10,2: «первый Симонъ, называемый Петромъ, и Андрей, братъ его»; Мр. 3,16: (поставилъ) «Симона, нарекиши ему имя Петръ»; Ио. 1,42: «(Андрей) привелъ (Симона) къ Иисусу. Иисусъ же, взглянувъ на него, сказалъ: ты — Симонъ, сынъ Іоининъ; ты наречешься Кифа — что значитъ камень — τὸ κλειδίον κίβητος (ὁ ἐπικλησάται Πέτρος). Важность переименованія (помен опен) въ Вѣтхомъ Заветѣ достаточно выясняется изъ сопоставленія важнѣйшихъ его случаевъ: Аврамъ — Авраамъ, (Быт. 17,5), Іаковъ — Израиль (Быт. 32,28. 35,10). Значеніе переименованія выясняется позднѣе. Заслуживаетъ вниманія, что изъ другихъ апостоловъ получаютъ имя, нареченное Господомъ, лишь Іаковъ и Іоаннъ: Воанергесъ, т. е. сыны громовы (Мр. 3,17), слѣдовательно, особымъ переименованіемъ отмѣчается вся первотроица апостоловъ, этотъ тройственный коллективный центръ двѣнадцатицы. Если разсматривать переименованіе Петрово въ пророчесственномъ свѣтѣ грядущаго разговора на пути въ Кесарію Филиппову, то, разумѣется, и второе переименованіе не приходится низводить до намека на недоразумѣніе съ огнемъ противъ самарянъ (Лк. 9,52-6), но надо и въ немъ видѣть указаніе на особое призваніе сыновъ Зеведеевыхъ, и, въ частности, Іоанна (это отмѣтимъ для будущаго).

2. Петръ въ спискѣ апостоловъ именуется *первымъ*: Мѡ. 10,2-5, Мр. 3, 16-20, Лк. 6, 14-16, Д. А. 1,13; также и среди трехъ избранныхъ: Лк. 8, 51, Мр. 5, 37 (при воскресеніи дочери Іаира); Лк. 9, 28, Мѡ. 17, 1, Мр. 9, 2 (преображеніе); Мѡ. 26, 37, Мр. 14, 33, (Геосиманскій садъ); выраженіе для обозначенія апостольской коллегии: Петръ и иже съ нимъ Σίμων καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ. Мр. 1, 36, Лк. 8, 45, 9, 32, Д. А. 2, 14.

3. Христосъ пользуется, какъ своимъ собственнымъ, *челномъ* Петра и его *домомъ*: Лк. 5, 3-10, рассказъ о чудесномъ ловѣ рыбъ. И въ другихъ случаяхъ, когда упоминается τὸ πλοῖον, лодка, (Мр. 4, 36 сл., 6, 45 сл., Мѡ. 8, 23; 14, 22), при потивопоставленіи ἀλλὰ πλοῖα,

Продолжение на стр. 24

можно подразумевать ладью Петрову. Въ Капернаумѣ Христосъ приходитъ въ домъ Петровъ (Мѡ. 8, 14, Лк. 4, 38, Мѡ. 1, 29), который становится настолько извѣстенъ, что всѣ приходятъ къ дверямъ его (Мр. 1, 33, Мѡ. 8, 16, Лк. 4, 40). Слѣдуетъ разумѣть домъ Петровъ, когда говорится просто *домъ* (Мр. 2, 1, Мр. 3, 20, Мр. 7, 17, Мѡ. 9, 10, 28; 13, 1, 36). Въ домѣ Петра происходитъ исторія съ уплатою подати, которая поручается также Петру: «отдай имъ за меня и за себя» (Мѡ. 17, 25-27). D'Herbigny, 1. 215-16*).

4. Сюда же относятся всѣ случаи первенства Петра, описанныя въ Дѣянїяхъ Апостоловъ: руководящая его роль при избранїи апостола на мѣсто Иуды (Д. А. 1, 15-22); первый проповѣдуетъ послѣ Пятидесятницы (Д. А. 2, 14-36), первый совершаетъ чудо исцѣленїя хромого (Д. А. 3, 4-7), проповѣдуетъ въ храмѣ (3, 12-26), отвѣчаетъ передъ синедриономъ (4, 8-13), поражаетъ Анаїю (5, 1-11), первый принимаетъ въ церкви язычниковъ (10), открываетъ апостольскїй соборъ рѣчью (15, 11),

При этомъ не приходится закрывать глаза и на тотъ случай, когда Петру и не принадлежить такая роль, и двѣнадцать выступаютъ непосредственно, какъ живое единство. Такой случай мы имѣемъ при поставленїи діаконовъ, т. е. на первыхъ же шагахъ апостольства: Д. А. 6, 2 слл: «Тогда двѣнадцать (*οἱ δώδεκα*), созвавъ множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ, оставивъ слово Божїе, пещись о столахъ... И угодно было это предложенїе всему собранїю, и избрали Стефана и др., ихъ поставили передъ Апостолами и (*σὺν*), помолившись, возложили на нихъ руки». Первое рукоположенїе было совершено «двѣнадцатью», апостольскимъ соборомъ безъ всякой особенной роли «примата» апостола Петра.

Однако, всѣ эти, какъ безспорныя, такъ и спорныя черты, свидѣтельствующїя объ особенномъ положенїи Петра среди апостоловъ, получаютъ полный смыслъ и значенїе лишь въ связи съ основными («solemniore») текстами, въ которыхъ устанавливается «приматъ» Петра. Какъ извѣстно этихъ текстовъ три:—Мѡ. 16, 17-19; Лк. 22, 31-2; Ио. 21, 15-17. Къ нимъ и надо обратиться.

III

Воспроизведемъ сначала первый и самый основной текстъ, устанавливающий особое избранничество Петрово среди другихъ апостоловъ: «Пришедеъ же въ страны Кесарїи Филипповой, Иисусъ спрашиваетъ учениковъ Своихъ: за кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другїе за Илію, а иныя за Іеремїю или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ отвѣчая сказалъ: Ты — Христосъ, Сынъ Бога живаго». (Мѡ. 16, 13-16). Итакъ, Господь спрашивалъ *всѣхъ* Своихъ учениковъ сначала о томъ, за кого люди почитаютъ Его, и ученики отвѣчали, очевидно, въ непринужденной бесѣдѣ, высказывая каждый свои наблюденїя, такъ что и отвѣты были, естественно, разные: одни слышали, что за Иоанна Крестителя, другїе — за Илію, третьи за Іеремїю или одного изъ пророковъ. И такъ какъ отвѣты были разные, то и отвѣчали многіе (если не всѣ). А затѣмъ Господь къ нимъ же ко всѣмъ обратилъ вопросъ, на который, хотя давалось и дается много отвѣтовъ, но долженъ быть только одинъ. Этихъ многіхъ отвѣтовъ не послѣдовало, ибо отвѣтъ оказался одинъ, единственный и безусловный. Кѣмъ и какъ онъ могъ быть высказанъ? Здѣсь неумѣстно и даже невозможно было бы разногласїе и многогласїе: *одни-другіе*. Всѣ отвѣтили *какъ одинъ и черезъ одного*, и этимъ однимъ, представителемъ всего апостольскаго чина, какъ бы старшиной апостольства, явился Петръ, который и отвѣтилъ за всѣхъ, какъ это и сказано прямо въ Евангелїи: «а вы за кого почитаете Меня? Петръ же отвѣчая (*ἀποκριθεὶς*) сказалъ». И что онъ выразилъ не просто свое личное мнѣнїе, но явился устами всего апостольства, это явствуетъ изъ всего контекста, гдѣ молчанїе другихъ апостоловъ не можетъ быть понято иначе, какъ молчаливое согласїе съ *исповѣданїемъ* Петра. Послѣднїй совершилъ подвигъ вѣры и за это ублажаетъ его Господь. «Тогда Иисусъ сказалъ ему въ от-

вѣтъ: Блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что не плоть и не кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущїй на небесахъ» (Мѡ. 16, 17). Свидѣтельствуя, что Петръ удостоился стать здѣсь органомъ божественнаго вдохновенїя, Господь съ нимъ и въ лицѣ его ублажаетъ и весь апостольскїй чинъ, общую вѣру котораго Петръ исповѣдовалъ. И что то была, дѣйствительно, общая вѣра, явствуетъ изъ дальнѣйшаго повѣствованїя Евангелїя. Со стороны учениковъ не послѣдовало не только никакихъ вопросовъ или недоумѣнїй, которые были обычны для нихъ въ случаяхъ замѣшательства, но, очевидно, царило полное согласїе. Это явствуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ: «тогда запретилъ ученикамъ своимъ, чтобы никому не сказывали, что Онъ есть Иисусъ Христосъ» (Мѡ. 16, 20). Значитъ, это знали всѣ апостолы. Эта же черта еще явственнѣе выступаетъ въ болѣе сжатомъ, но потому и болѣе выразительномъ повѣствованїи о томъ же у ев. Марка и ев. Луки.

Оба эти повѣствованїя въ отношенїи къ болѣе пространному разсказу у ев. Матѡея даютъ *схему* событїя, достаточно ясную и тамъ, которая оставляетъ внѣ сомнѣнїя, что исповѣданїе Петра принадлежитъ *всѣмъ* апостоламъ нераздѣльно, и Петръ здѣсь является *устами* апостоловъ. Поэтому, не умаляя значенїя Петра, которому было дано здѣсь выступить представителемъ *всего* апостольства, слѣдуетъ ни на минуту не упускать изъ вида *двойственнаго* характера этого выступленїя, личнаго и коллективнаго, чтобы по надлежащему уразумѣть и обращенное къ нему обѣтованїе Спасителя. Петру было свойственно выступать отъ лица всѣхъ апостоловъ, въ силу стремительности его темперамента (и не всегда притомъ проявлявшагося въ одинаково благоприятномъ для него смыслѣ, какъ мы уже знаемъ: при хожденїи Христа по морю, Петръ устремляется къ Нему на встрѣчу, но пугается и слышитъ упрекъ Учителя въ маловѣрїи (Мѡ. 14, 28-31), припадаетъ къ колѣнамъ Иисуса послѣ чудеснаго лова, свидѣтельствуя о своей грѣховности (Лк. 5, 8); прекословить Христу послѣ рѣчи Его о страданїяхъ (Мѡ. 16, 23); спрашиваетъ отъ лица всѣхъ учениковъ: «вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою, что же будетъ намъ?» (Мѡ. 19, 27, Лк. 12, 41). Неоднократно Петръ отвѣчаетъ изъ среды окружающихъ, какъ при исцѣленїи кровоточивой: Лк. 8, 45; 12, 41; 13, 36; 11, 21; спрашиваетъ объясненїя притчи: Мѡ. 8, 29, Лк. 9, 28; на горѣ Преображенїя Петръ хочетъ построить три кущи: Мр. 9, 5, Мѡ. 17, 4, Лк. 9, 33; противится омытію ногъ: Ио. 13, 6, проситъ изъяснить притчу: Мѡ. 15, 15; отвѣчаетъ отъ лица двѣнадцати: «Господи, къ кому намъ итти? Ио. 6, 68; утверждаетъ, что если всѣ соблазнятся, то онъ не соблазнится: Мк. 14, 29, Мѡ. 26, 33, ср. Лк. 22, 33, Ио. 13, 37, (на что и слышитъ въ отвѣтъ пророчество о своемъ отреченїи), противится омовенїю ногъ: Ио. 13, 6-9; пытается защититъ Учителя мечемъ, за что также заслужилъ порицанїе: Ио. 18, 10-11, Мѡ. 26, 51-4.

Итакъ, въ отвѣтъ Петра отъ лица всѣхъ апостоловъ не было вообще необычнаго, онъ соотвѣтствовалъ, прежде всего, его личному характеру, помимо особыхъ его полномочїй въ средѣ апостольской. Однако, въ данномъ случаѣ, исключительномъ по своей важности и торжественности, это полномочїе говорить одному за всѣхъ молчаливо предоставляется ему всѣми апостолами, а, главное, подтверждается самимъ Христомъ, который въ его лицѣ обращается *ко всему апостольству*, признавая въ немъ *его представителя*, такъ сказать *утверждавая его въ первостоятельствѣ*. Однако, невѣрно, чтобы значительность отвѣта была связана была лишь съ его содержаниемъ. Нельзя утверждать, чтобы Петромъ впервые была выражена вѣра въ Иисуса, какъ Христа и Сына Божїя. Это исповѣданїе неоднократно было произнесимо раньше, согласно повѣствованїю Евангелїя уже при первомъ призванїи апостоловъ. Наэанайль (Вареоламей), одинъ изъ двѣнадцати, присутствовавшїй, стало быть, и на пути въ Кесарїю, въ отвѣтъ на слова Христа, что онъ видѣлъ его подъ смоковницей, произноситъ исповѣданїе Петрово: «Равви! Ты — Сынъ Божїй, Ты — Царь Израилевъ.» Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: «ты вѣришь, потому что Я сказалъ тебѣ: «Я видѣлъ тебя подъ смоковницей», увидишь больше сего»

(Ио. 1, 49-50). Эту же вѣру получила отъ самого Спасителя и свидѣтельствовала своимъ соотчичамъ жена Самаряныня, которой открылся Господь: «женщина говоритъ Ему: знаю, что придетъ Мессія, то есть Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣститъ намъ все. Иисусъ говоритъ ей: это Я, который говорю съ тобою... Тогда женщина оставила водоносъ свой и пошла въ городъ и говоритъ людямъ: «пойдите, посмотрите Человѣка, который сказалъ мнѣ все, что я сдѣлала: не Онъ ли Христосъ?... А женщинѣ той говорили (самаряне): уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ, ибо сами услышали и узнали, что Онъ есть истинно Спаситель міра — Христосъ» (Ио. 4, 25-6, 28-9, 42). Далѣе и самъ Петръ произносилъ уже ранѣе, при другихъ обстоятельствахъ, такое же исповѣданіе вѣры и опять отъ лица двѣнадцати, какъ ихъ старшина или представитель, хотя на это исповѣданіе обычно обращается меньше вниманія, потому что за нимъ не послѣдовало ублаженія Петра. «Тогда Иисусъ сказалъ двѣнадцати: не хотите ли и вы отойти? Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему: Господи! къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога Живаго. Иисусъ отвѣтилъ имъ: не двѣнадцать ли васъ избралъ Я? но одинъ изъ васъ диаволь». (Ио. 6, 67-70) Вѣру во Христа, какъ Сына Божія, на прямой вопросъ Его, исповѣдовалъ исцѣленный слѣпорожденный (Ио. 9, 35-8). Эту же вѣру исповѣдовала Марѳа, сестра Маріи и Лазаря, въ бесѣдѣ съ Господомъ предъ воскрешеніемъ Лазаря (Ио. 11, 27): «такъ, Господи! я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ». Нельзя забывать, что божественность Иисуса неоднократно, во ушю апостоловъ, исповѣдовали «вѣрующіе, но трепещущіе» (Іаковъ 2, 19) бѣсы. Такъ въ странѣ Гергесинской «они закричали: что Тебѣ до насъ, Иисусъ, Сынъ Божій?» (Мѳ. 8, 29). «Иисусъ, Сынъ Бога Всевышняго» (Мр. 5, 7., Лк. 8, 28, ср. Мр. 1, 24). «Господь, изгоняя бѣсовъ, не позволялъ бѣсамъ говорить, что они знаютъ, что Онъ — Христосъ» (Мр. 1, 34). «И духи нечистые, когда увидѣли Его, падали предъ Нимъ и кричали: Ты — Сынъ Божій. Но Онъ строго запрещалъ имъ, чтобы не дѣлали Его извѣстнымъ» (Мр. 3, 11-12). «Выходили также бѣсы изъ многихъ съ крикомъ и говорили: Ты Христосъ, Сынъ Божій. А Онъ запрещалъ имъ сказывать, что они знаютъ, что Онъ — Христосъ» (Лк. 4, 41). Диаволь, искушавшій въ пустынѣ, еще сомнѣвался и спрашивалъ: «Если Ты Сынъ Божій» (Мѳ. 3, 3, 6., Лк. 4, 3, 9), но теперь эти сомнѣнія уступили, очевидно, вѣднію и вынужденному, противъ воли изступленному исповѣданію, которое и сдѣлалось обычнымъ, постоянно повторяющимся явленіемъ.

Слѣпцы, настойчиво домогавшіеся изцѣленія и получившіе его за свою вѣру, вопіяли: «помилуй насъ, Иисусе, Сыне Давидовъ» (Мѳ. 9, 27, 20, 31, Мр. 10, 47-8). Конечно, это не есть полное исповѣданіе Петра, но, во всякомъ случаѣ, первый шагъ къ нему, ибо «Сынъ Давидовъ» и есть обѣщанный Мессія.

Не слѣдуетъ, наконецъ, забывать, что еще ранѣе Кесарійскаго исповѣданія Петра оно было произнесено именно всѣми другими апостолами, помимо его, послѣ его неудачнаго хожденія по водѣ: «и когда вошли сны (Иисусъ и Петръ) въ лодку, вѣтеръ утихъ. Бывшіе же въ лодкѣ подошли, поклонившись Ему, и сказали: истинно Ты Сынъ Божій» (Мѳ. 14, 38).

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что исповѣданіе Христа Сыномъ Божиимъ, какъ молнія, многократно прорѣзало атмосферу, Его окружавшую. Поэтому не столько содержаніе торжественнаго исповѣданія само по себѣ своей новизной придаетъ такое значеніе словамъ Петра, сколько самая значительность этого момента усваиваетъ имъ такой исключительный вѣсъ. Въ духовномъ развитіи учениковъ, въ ихъ приуготовленіи къ страшному Геесиманскому и Голгоѣскому испытанію вѣры, этотъ моментъ имѣетъ значеніе перелома, послѣ котораго Господь прямо и опредѣленно начинаетъ готовить ихъ къ предстоящему. «Съ того времени Иисусъ началъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему должно итти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ и быть убиту и въ третій день воскреснуть». (Мѳ. 16, 21, Мр. 8, 31-2, Лк. 9, 22). Господь хотѣлъ утвер-

дить въ ученикахъ сѣмя вѣры предъ лицомъ страшнаго испытанія. И однако, насколько даже въ Петрѣ было смутно сознание происходящаго и слаба готовность къ будущему, явствуетъ изъ того, какъ онъ началъ тутъ же прекословить Учителю, и съ какой поспѣшностью на горѣ Преображенія онъ хотѣлъ построить три кущи, явно забывая или проходя вниманіемъ мимо грозныхъ предвареній о предстоящихъ страданіяхъ. О другихъ же апостолахъ можно судить по лаконичному и выразительному замѣчанію у Марка 10, 32: «когда были они на пути, восходя въ Іерусалимъ, Иисусъ шель впереди ихъ, и они ужасались и, слѣдуя за Нимъ, были въ страхѣ». Непосредственно за бесѣдой на пути въ Кесарію Филиппову, согласно всѣмъ тремъ синоптикамъ, слѣдуетъ Преображеніе, которое есть уже приготовленіе къ Голгоѣ, въ нѣкоторомъ родѣ предварительный внутренній итогъ земнаго пути Спасителя: въ отвѣтъ на исповѣданіе вѣры, произнесенное Петромъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, (т. е. тремъ, дается «не вкусить смерти, какъ уже увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго въ царствіи Своемъ» (Мѳ. 16, 28 — Мр. 9, 1 — Лк. 9, 27)). Съ горы Преображенія, чрезъ славный входъ въ Іерусалимъ, путь лежитъ на Голгоѣу. Преображеніе, вмѣстѣ съ торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ, было отвѣтомъ Господа на исповѣданіе вѣры всѣхъ учениковъ, произнесенное устами Петра, оно явилось предвареніемъ грядущей славы Его и, стало быть, предварительнымъ оправданіемъ вѣры. Но и въ своемъ непосредственномъ отвѣтѣ Господь хотѣлъ запечатлѣть въ умѣ учениковъ, въ этотъ критическій и поворотный для ихъ развитія моментъ, ихъ конечное высокое призваніе, еще смутно рисовавшееся имъ въ туманѣ іудейскихъ національных мечтаній и человѣческихъ слабостей. Это призваніе — быть служителями и основаніемъ Церкви Христовой. Опредѣленію этого призванія и служить слова Господа, непосредственно обращенныя къ Петру, но относящіяся ко всѣмъ двѣнадцати. Въ этихъ торжественныхъ словахъ и видятъ обычно установленіе «примата» Петрова. Попытаемся, въ связи съ предыдущимъ, понять ихъ значеніе.

IV

«И я говорю тебѣ: ты — Петръ (Πέτρος) и на семь камя — петръ (πέτρα) Я создамъ Церковь Мою, и врата адавы не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ». (Мѳ. 16, 18-19). Интересно, что въ Евангеліи Марка, имѣющемъ наибольшую связь съ Петромъ, эти слова отсутствуютъ, также какъ и въ Евангеліи Луки. Этотъ текстъ въ римскомъ богословіи считается устанавливающимъ *приматъ юрисдикціи*, т. е. прямую и непосредственную власть Петра (и его преемниковъ на римской каедрѣ) надъ всѣми апостолами (и ихъ преемниками) (Vat. IV, 1).

Такимъ образомъ, въ его истолкованіе вводится основное понятіе латинскаго богословія, имѣющее рѣшающее значеніе для пониманія примата Петрова въ западномъ смыслѣ, какъ полноты церковной власти, plena potestas, «монархическаго» устройства церкви подъ водительствомъ «князя апостоловъ» въ его преемникахъ.

Чтобы не утратить правильной перспективы въ пониманіи текста Мѳ. 16, 17-19, мы должны все время имѣть въ виду твердо-установленный фактъ, что Петръ одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ и отъ лица всѣхъ на вопросъ, предъявленный *всѣмъ*. Дѣло, вѣдь, происходитъ не такъ, какъ въ классѣ на урокъ, гдѣ учитель предлагаетъ вопросъ всѣмъ: кто знаетъ? и отвѣчаетъ только знающій (или выскочка), а остальные не знаютъ, и узнаютъ только изъ отвѣта бойкаго ученика. То, что отвѣчаетъ Петръ, знаютъ, *со-знаютъ* и апостолы, это и *ихъ* отвѣтъ. Выражаясь въ терминахъ Ватиканскаго собора, Петръ говоритъ здѣсь не *ex sese, sine consensu ecclesiae*, но именно *sancto approbante consilio*. Происходитъ апостольскій вселенскій соборъ для установленія *камня вѣры* при *явномъ* присутствіи Главы Церкви и при *явномъ* же первостоятельствѣ Петра апостола. Этого факта, что здѣсь имѣетъ мѣсто соборъ апостоловъ, и Господь хотѣлъ отвѣтнаго опредѣленія всего лика апостольскаго,

а вмѣстѣ съ тѣмъ что главой этого лика является Петръ, нельзя умалить въ его значеніи. Неправильно отрывать Петра отъ прочихъ, чтобы противопоставить его собору, возвеличивая его за счетъ собора приматомъ власти и юрисдикціи, поставляя *надъ* соборомъ, тогда какъ онъ имѣетъ силу и авторитетъ, или есть *Петръ*, лишь въ связи съ соборомъ, силою собора и отъ лица собора. Только въ свѣтѣ этого основного факта и воспринимаемъ мы слова Христовы: на твое исповѣданіе, въ которомъ ты возвѣстилъ не человѣческое («не плоть и кровь») измышленіе, но божественное откровеніе, и «Азъ глаголю тебѣ: ты еси Петръ и на семь камнѣ созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ея». Между богословами востока и запада ведется давній споръ о томъ, что означаетъ камень — *πέτρος*, Петра или его вѣру и исповѣданіе, причѣмъ обѣими сторонами привлекаются различныя экзегетическія и филологическія соображенія. Несомнѣнно, что фраза эта построена на игрѣ словъ, на двоякомъ значеніи имени *Κηρύξ*, *Πέτρος* — *πέτρος*, которое означаетъ и имя Петръ и камень. При этой игрѣ словъ, рассуждая формально, одинаково возможны обѣ перестановки подлежащаго и сказуемаго: Петръ есть камень, на которомъ утверждается церковь и, наоборотъ, камень, т. е. вѣра Петра, его исповѣданіе, и есть Петръ, т. е. оно именно дѣлаетъ Петра Петромъ. Оба члена этой амфиболіи имѣютъ непрерываемое основаніе въ Евангеліи. Что свойство быть камнемъ, кифой, петрой въ какомъ то смыслѣ относится къ Петру, это явствуетъ изъ того, что это ему именно сказано, къ нему обращено Господомъ, Который не только сказалъ, но и заранѣе предуказалъ это свойство въ Петрѣ, нарекиши его при первой встрѣчѣ этимъ именемъ. Всю силу и смыслъ этого священнаго пророческаго переименованія, въ которомъ проявилось сердцеви́днѣе божественное (ихже предустави, тѣхъ и призва. Рим. 8, 30), можно понять лишь при свѣтѣ разсматриваемаго событія: нареченіе имени Петра есть пророчество о событіи на пути въ Кесарію Филиппову, когда это именованіе снова повторяется: «ты еси Петръ» и какъ бы осуществляется чрезъ его вѣру. И однако свойство Симона быть Петромъ связано только съ опредѣленномъ его состояніемъ, съ пребываніемъ его въ истинной вѣрѣ, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра Церкви, т. е. всего апостольскаго лика. Какъ только Петръ перестаетъ быть носителемъ и выразителемъ этой вѣры и становится жертвой своихъ личныхъ свойствъ или слабостей, отдѣляясь въ личное обособленіе отъ вселенскаго и цѣлокупнаго, онъ перестаетъ быть Петромъ, т. е. камнемъ вѣры. Это съ ослѣпительной яркостью показано въ дальнѣйшей бесѣдѣ Господа съ учениками по пути въ Кесарію Филиппову въ словахъ Его, которыя составляютъ необходимѣйшій и существеннѣйшій комментарий къ ублаженію Петра, прямое его продолженіе и истолкованіе. Именно, когда Господь, продолжая рѣчь, сталъ говорить о Своихъ страданіяхъ, «отозвавъ» Его, Петръ началъ Ему прекословить: будь милостивъ къ Себѣ, Господи, да не будетъ этого съ Тобою. Онъ же обратившись, сказалъ Петру: отойди отъ меня сатана! ты мнѣ соблазнъ, пому что ты думаешь не о томъ, что божеское, но что человѣческое» (Мѡ. 16, 22-3). Уже человѣческое, т. е. то, что говорятъ «плоть и кровь», выражаетъ Петръ немедленно же, какъ только онъ говоритъ «отозвавъ его», слѣдовательно отъ себя, своею человѣческою ограниченностью.

Такимъ образомъ, при пониманіи словъ Христа о Петрѣ, какъ о камени Церкви, дѣйствительно нельзя исключить момента правой вѣры, явленной въ исповѣданіи Петровомъ, какъ нельзя исключить и личности Петра, удостоенной такого исповѣданія по божественному промыслу. Исповѣданіе Петрово принадлежитъ не ему, но всему апостольскому лику, къ которому и говоритъ Господь, продолжая свою бесѣду со всѣми и *отнюдь не прерывая ее* (какъ это явствуетъ особенно изъ паралл. у другихъ синоптиковъ), однако, въ лицѣ Петра. Стало быть, нельзя отрицать и того, что Петръ здѣсь является средоточіемъ, представителемъ, первостоятелемъ апостольства, живымъ его центромъ, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что здѣсь — не устанавливается, но выявляется особая роль Петра среди

апостоловъ, напередъ предуказанная при его переименованіи, а затѣмъ и непрерывно проявляющаяся и осуществляющаяся въ рядѣ мелкихъ и повседневныхъ событій, согласно евангельскому разсказу (см. выше). Такой приматъ принадлежитъ Петру съ перваго дня его апостольства, и нельзя сказать, чтобы онъ былъ установленъ, какъ нѣчто новое, въ данный моментъ. Если же придавать такое опредѣляющее значеніе именно этому моменту, тогда пришлось бы прийти къ абсурдному утверженію, что данный Петру приматъ былъ здѣсь же отъ него и отнять, потому что непосредственно послѣ словъ: ты еси Петръ, ему было сказано: сатана! Въ положеніи Петра въ отношеніи къ другимъ апостоламъ *послѣ* этого событія ничто замѣтно не измѣнилось, какъ не можетъ быть проведено рѣшительнаго различія и между ролью Петра до вознесенія, когда личное присутствіе Господа, конечно, заставляло меркнуть значеніе Петра, и послѣ Вознесенія. Петру неизмѣнно оставалось присуще положеніе и авторитетъ первенства, старшины апостоловъ. Это не есть, конечно, *plena potestas* или *primatus iurisdictionis* или власть *episcopus universalis*, но это есть, несомнѣнно, *приматъ* представительства, авторитета, первенства, который при соответствующихъ благоприятныхъ условіяхъ можетъ расширяться неограниченно, но не можетъ быть выраженъ въ терминахъ власти. Авторитетъ есть и власть, заключаетъ ее въ себѣ какъ нѣкоторое послѣдствіе, но власть не есть авторитетъ. *Primatus iurisdictionis* въ этомъ смыслѣ содержитъ въ себѣ такое же внутреннее противорѣчіе, какъ и обратная формула: *primus inter pares*, ибо *primus* уже отличается отъ *pares* также какъ носитель власти не есть уже *primus*, но единственный въ своемъ родѣ, который существуетъ не со всѣми и среди всѣхъ, какъ первый, но въ противопоставленіи къ нимъ. Поэтому если на одной сторонѣ стремленіе къ паритету приводитъ къ фактическому уничтоженію примата, какъ авторитета, во всей многозначительности и многозначности (исторической) этого понятія, то на другой сторонѣ приматъ, несмотря на всѣ завѣренія и оговорки, поглощаетъ въ себѣ апостольство и производное отъ него епископство и поэтому не есть уже приматъ, предполагающій вслѣдъ за *первымъ*, рядомъ съ нимъ, *вторыхъ* того же чина, но есть, дѣйствительно, монархія, и притомъ самого абсолютнаго типа. Монархъ не есть, конечно, *primus*, но *princeps*, единственный и несравнимый. Иначе говоря, въ этомъ смыслѣ приматъ есть уже особый *санъ*, качественно отличающійся отъ апостольства подобно тому, какъ качественно отъ апостоловъ отличается Пастыреначальникъ Христовъ. Стало быть, апостольство Петръ, по этой логикѣ, есть сверхъ-апостольство, т. е. уже не апостольство. Однако, оставимъ богословствованіе о приматѣ и обратимся къ анализу евангельскаго текста.

Прежде всего надо установить, что власть вязать и рѣшить, непосредственно обѣщанная одному Петру, въ дѣйствительности въ лицѣ его относится ко всѣмъ апостоламъ, какъ это совершенно ясно въ дальнѣйшемъ повѣствованіи... Именно, обѣтованіе вязать и рѣшить *дословно* повторено всѣмъ апостоламъ на этотъ разъ безъ всякаго выдѣленія Петра, въ скоромъ времени послѣ настоящей бесѣды, во время пребыванія въ Галилеѣ послѣ Преображенія. Ученики обратились къ Иисусу съ вопросомъ о томъ, кто больше въ царствѣ небесномъ? Мысль о «приматѣ», очевидно, соблазняла и тревожила ихъ, можетъ быть какъ преломившееся впечатлѣніе отъ бесѣды на пути въ Кесарію. Вѣднѣе тайнъ Царствія Божья туго и не безъ препятствій входило въ умы учениковъ, чѣмъ и объясняются ихъ неоднократныя смущенія по поводу первенства (ср. Мѡ. 20, 20-21, 24-27; Мр. 10, 35-44. 22. 24-26*).

Въ своемъ отвѣтѣ Господь отвергаетъ самую постановку вопроса о старшинствѣ и земной власти («кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ», Мѡ. 18, 4), такимъ образомъ устанавливалъ лишь одну власть и старшинство — смиреніе, при которомъ умолкаютъ самыя мысли о власти и правѣ. Развивая далѣе ту же мысль, но въ отрицательной формѣ, именно остерегая отъ всяческаго презрѣнія къ «малымъ

симъ» (а вмѣстѣ и самопревозношенія), Господь — внешне неожиданно, но внутренне вполне мотивированно, переходит къ ученію о Церкви, которой одной лишь принадлежит сила и власть требовать послушанія под угрозой духовнаго отсѣченія. И власть этого отсѣченія дѣйствительно, какъ *munus* или *ordo*, какъ санъ, Господь торжественно («аминь глаголю вамъ») вручаетъ апостоламъ, безъ всякаго выдѣленія изъ нихъ кого бы то ни было, причемъ *дословно* воспроизводится обѣтованіе, данное Петру: «что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрешите на землѣ, то будетъ разрешено на небѣ.» (Мѡ. 18, 18). Въ этомъ мы видимъ прямое и автентичное подтвержденіе того, что сказанное Петру относилось въ его лицѣ и ко всѣмъ апостоламъ, и рѣчь идетъ не о власти примата, но о власти апостолата, въ его «соборности». И именно этотъ моментъ, сила и основа Церкви въ соборности, въ многоединствѣ, а не во власти, опредѣленно указывается въ продолженіи словъ Христа о Церкви: «паки аминь глаголю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Небеснаго. Ибо гдѣ двое или трое собраны во Имя Мое, тамъ и Я посрединѣ ихъ» (Мѡ. 18, 9-20). Соборность во Имени Его, соборность, многоединство по образу Св. Троицы (яко же Ты во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ) — вотъ сила Церкви, Ея природа или естество. На основаніи сказаннаго повѣствованіе въ 18 гл. Маттея мы считаемъ прямымъ внутреннимъ развитіемъ и продолженіемъ рассказаннаго въ 16 главѣ. Но особенно замѣчательно, что въ наиболѣе позднемъ Евангеліи Іоанна, столь отличающемся по плану, повторено, если не дословно, то по смыслу, это же самое обѣтованіе, но какъ уже исполняющееся: «какъ послалъ Меня Отець, такъ и Я посылаю васъ. Сказавъ это, дунуль и говорить имъ: примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся» (Іо. 20, 21-23). Здѣсь нѣтъ никакого выдѣленія Петра, а между тѣмъ исполняется обѣтованіе, данное, казалось бы, непосредственно ему*). И нѣтъ этого выдѣленія, самого даже упоминанія о немъ при торжественномъ посланіи учениковъ на проповѣданіе всей твари по воскресеніи и передъ вознесеніемъ: Мѡ. 28, 18-20, Мр. 16, 15-19, Лк. 24, 48-50, Д. Ап. 18, 2, 1-4. Нѣтъ и никакихъ указаній, чтобы Петръ получилъ какую нибудь единственную власть примата, въ отличіе отъ другихъ апостоловъ: обѣтованіе, данное ему, было исполнено съ точностью, но для всѣхъ.

V.

Итакъ, въ Мѡ. 16, 17-19 мы не находимъ установленія особой *власти* Петра, отличающей Петра отъ другихъ апостоловъ и ставящаго его *выше* ихъ, *надъ* ними, вносящей іерархическое различіе въ среду двѣнадцати. Этого нѣтъ: вся власть обѣщается и затѣмъ дается всѣмъ двѣнадцати на равныхъ основаніяхъ, при неоспоримомъ первенствѣ Петра, какъ предстоятеля или духовнаго ихъ центра. Двѣнадцать имѣютъ свой чинъ и строй и потому имѣютъ своего представителя, «ключаря», но не имѣютъ внутри себя іерархіи, и при отсутствіи различія въ *ordo*, нѣтъ почвы для различія и въ *iurisdictione*. Петръ имѣетъ не право, но лишь авторитетъ. Въ свѣтѣ этого пониманія основнаго текста, имѣющаго значеніе ключевой позиции, получаютъ истолкованіе и два остальныхъ «установительныхъ» текста, имѣющихъ уже преимущественно личное и биографическое отношеніе къ Петру: Лк. 22, 31 и Іо. 21, 15-17. Начнемъ съ Лк. 22, 31-32: «И сказалъ Господь: Симонъ! се сатана просилъ, чтобы сѣять васъ какъ пшеницу. Но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда обратившись утверди братьевъ твоихъ». Самое непосредственное значеніе этихъ словъ относится къ угрожавшимъ Петру опасностямъ, связаннымъ съ характеромъ Петра, его пылкостью, соединенной съ незнаніемъ себя. Прямое свидѣтельство объ этомъ дается въ дальнѣйшихъ стихахъ: Петръ *не услышалъ* внутреннимъ слухомъ скорбнаго предупрежденія, не осозналъ въ себѣ своей слабости до ея обнаруженія и, какъ не разъ и прежде, свой темпераментъ, эмоциональ-

ность принимаетъ за силу и твердость: «Онъ отвѣчалъ Ему: «Господи! съ Тобою я готовъ и въ темницу и на смерть идти» (Лк. 22, 33), и тогда Господь прямо предвѣщаетъ его о предстоящемъ отреченіи (хотя и послѣ этого Петръ *въ тотъ моментъ* не смутился даже и столь прямого пророчества, иначе бы онъ не вознамѣрился защищать Христа мечемъ). Страшная опасность и страшное испытаніе ожидали всѣхъ учениковъ, но больше всего имъ подвергался «старшина», ибо прямого отреченія не совершилъ ни одинъ изъ апостоловъ. И отъ гибели, отъ страшнаго удѣла Іуды, его сохранила молитва Христа, и дрогнувшая вѣра окончательно не оставила его.

И спасенный отъ гибели и воздвигнутый изъ глубины паденія молитвой Христовой, Петръ призывается умудренный испытаніемъ, обратившись, утверждать братьевъ своихъ. Если толковать этотъ текстъ при свѣтѣ бесѣды по пути въ Кесарію) во *всемъ* ея объемѣ, то онъ долженъ быть приведенъ въ связь съ тогдашнимъ испытаніемъ Петра («ты мнѣ сатана»). Петръ, въ началѣ не устоявшій на камнѣ вѣры, сдвигается съ него и теперь и спасается лишь особой молитвенной помощью Учителя. Наученный этимъ испытаніемъ смиренію и твердости, онъ призывается утверждать братьевъ своихъ. Первый въ предстояніи, но и первый въ паденіи, онъ долженъ быть и первымъ въ вѣрѣ. Личное нераздѣлимо переплетается съ апостольскимъ. Видѣть здѣсь новое подтвержденіе «примата» возможно лишь при условіи, если онъ ранѣе, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, уже установленъ; внѣ этого условія придать такое значеніе тексту является дѣломъ экзегетическаго произвола. Однако, первенство Петра, понимаемое въ смыслѣ какой то его особой и исключительной роли въ апостольствѣ, несомнѣнно утверждается и здѣсь: вопреки своему паденію и несмотря на него, какъ будто даже въ силу его, ему подается помощь Христова словомъ и примѣромъ утверждать «братьевъ твоихъ — *τοὺς ἀδελφοὺς σου*» — однако, братьевъ, но не пасомыхъ и не низшихъ или подчиненныхъ. Ни *iurisdictione*, ни даже *infallibilitas* здѣсь не содержатся, если они только не даны уже ранѣе, въ другомъ мѣстѣ. Остается третій и послѣдній изъ устанавливающихъ «приматъ» текстовъ, Іо. 21, 15-17: «Когда же они обѣдали, Иисусъ говоритъ Симону Петру: Симонъ Іонинъ!» (Мы уже отмѣтили выше тотъ оттѣнокъ, который вносится этимъ троекратнымъ обращеніемъ къ Симону *Петру*: Симонъ уже не Петръ, — онъ пошатнулся въ своемъ петровствѣ и долженъ быть снова возвращенъ къ нему). «Любишь ли ты Меня — *ἀγαπᾷς με* больше нежели они?» Въ самомъ вопросѣ нельзя не видѣть тихаго укора самоувѣренному Петру, который такъ недавно еще увѣрялъ въ присутствіи всѣхъ: «если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, я никогда не соблазнюсь» (Мѡ. 26,33 — Мр. 14, 29 — Іо. 13, 37). Но Господь щадитъ своего ученика, и это *паче сихъ* въ дальнѣйшихъ вопросахъ болѣе уже не повторяется. («Петръ») говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» *φιλῶ σε*, не только люблю Тебя влеченіемъ сердца, но имѣю Тебя какъ друга, — *φιλῶ*, больше чѣмъ *ἀγαπῶ*, почему и Петръ съ настойчивостью повторяетъ во всѣ три отвѣта: *φιλῶ σε*. Между тѣмъ Спаситель и второй разъ, какъ бы не слыша Петровскаго *φιλῶ*, спрашиваетъ его снова: *ἀγαπᾷς με* и лишь въ третій и послѣдній разъ Онъ удостаиваетъ ученика вопроса: *φιλῶς με*, т. е. спрашиваетъ его въ такомъ именно тонѣ, какого хотѣлъ ученикъ. — (Иисусъ) говоритъ ему: паси овецъ Моихъ *βοῦσκε τὰ ἀρνία μου*. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня? (Петръ) говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ — *ποιμανε τὰ πρόβατα μου*. Говоритъ ему въ третій разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты меня? Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ Его: любишь ли ты Меня?» Этой печалью Петра евангелистъ свидѣтельствуетъ, что и Петромъ эта бесѣда воспринята была болѣзненно, какъ тяжелое воспоминаніе и какъ бы публичная исповѣдь, какъ публично былъ совершенъ и грѣхъ отреченія. «Иисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ — *βοῦσκε τὰ πρόβατα μου*.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕД. НОМЕРЕ

рис. Роберта Раевского

ДЕТЕКТИВ

Г. К. ЧЕСТЕРТОН

ЛЕТУЧИЕ ЗВЕЗДЫ

«Мое самое красивое преступление. — любил рассказывать Фламбо в годы своей добродетельной старости, — было также, по странному стечению обстоятельств, моим последним преступлением. Я совершил его на рождество. Как настоящий артист. Я всегда старался, чтобы преступление гармонировало с определенным временем года или с пейзажем, и подыскивал для него, словно для скульптурной группы, подходящий сад или обрыв. Так, например, английских сквайров уместнее всего надувать в длинных комнатах, где стены обшиты дубовыми панелями, а богатых евреев, наоборот, лучше оставлять без гроша среди огней и пышных драпировок кафе «Риш». Если, например, в Англии у меня возникало желание избавить настоятеля собора от бремени земного имущества (что не так-то просто сделать, как кажется), мне хотелось видеть свою жертву обрамленной, если можно так сказать, зелеными газонами и серыми колокольнями старинного городка. Точно так же во Франции, изымая некоторую сумму у богатого и жадного крестьянина (что сделать почти невозможно), я испытывал удовлетворение, если видел его негодующую физиономию на фоне серого ряда аккуратных подстриженных тополей или величавых галльских равнин, которые так прекрасно живописал великий Милле¹.

Так вот, моим последним преступлением было рождественское преступление, веселое, уютное английское преступление среднего достатка — преступление в духе Чарльза Диккенса. Я совершил его в одном хорошем старинном доме близ Путии, в доме с полукруглым подъездом для экипажей, в доме с конюшней, в доме с названием, которое значилось на обоих воротах, в доме с неизменной араукарией... Впрочем, довольно, — вы уже, вероятно, представляете себе, что это был за дом. Ей-богу, я тогда очень смело и вполне литературно воспроизвел диккенсовский стиль. Даже жалко, что в тот самый вечер я раскался и решил покончить с прежней жизнью».

И Фламбо начинал рассказывать всю эту историю изнутри, если можно так выразиться, с точки зрения одного из ее героев, но даже с этой точки зрения она казалась по меньшей мере странной. С точки же зрения стороннего наблюдателя история эта представлялась просто непостижимой, а именно с этой точки зрения и должен ознакомиться с нею читатель.

Это произошло на второй день рождества. Началом всех событий можно считать тот момент, когда двери дома открылись и молоденькая девушка с куском хлеба в руках вышла в сад, где росла араукария, покормить птиц. У девушки было хорошенькое личико и решительные карие глаза; о фигуре ее судить не представлялось возможности — с ног до головы она была так укутана в коричневый мех, что трудно было сказать, где кончается лохматый воротник и начинается пушистые волосы. Если б не милое личико, ее можно было бы принять за маленького неуклюжего медвежонка.

Освещение зимнего дня приобретало все более красноватый оттенок по мере того, как близился вечер и рубиновые отсветы на обнаженных клумбах в саду казались призраками увядших роз. С одной стороны к дому примыкала конюшня, с другой начиналась

аллея, вернее, галерея из сплетающихся сверху лавровых деревьев, которая уводила в большой сад за домом. Юная девушка накормила птицам хлеб (в четвертый или пятый раз за день, потому что его съедала собака) и, чтобы не мешать птичьему пиршеству, пошла по лавровой аллее в сад, где мерцали листья вечнозеленых деревьев. Здесь она вскрикнула от изумления — искреннего или притворного, не известно, — ибо, подняв глаза, увидела, что на высокоом заборе, словно наездник на коне, в фантастической позиции сидит некая фантастическая фигура.

— Ой, только не прыгайте, мистер Крук, — воскликнула девушка в тревоге, — здесь очень высоко! Человек, оседлавший забор, точно крылатого коня, был долговязый, угловатым юношей с темными, «ежиком», волосами, с лицом умным и интеллигентным, но совсем не по-английски бледным, даже бескровным. Бледность его особенно подчеркивал красный галстук вызывающе яркого оттенка — единственная явно обдуманная деталь его костюма. Быть может, это был своего рода символ? Он не внял мольбе девушки и, рискуя переломать себе ноги, спрыгнул на землю с легкостью кузнечика.

— По-моему, судьбе угодно было, чтобы я стал вором и лазил в чужие дома и сады, — спокойно объявил он, очутившись рядом с нею. — И так бы, без сомнения, и случилось, не родился я в этом милом доме по соседству с вами. Впрочем, ничего дурного я в этом не вижу.

— Как вы можете так говорить? — с укором воскликнула девушка.

— Понимаете ли, если родился не по ту сторону забора, где тебе требуется, по-моему, ты вправе через него прелесть.

— Вот уж никогда не знаешь, что вы сейчас скажете или сделаете.

— Я и сам частенько не знаю, — ответил мистер Крук. — Во всяком случае, сейчас я как раз по ту сторону забора, где мне и следует быть.

— А по какую сторону забора вам следует быть? — с улыбкой спросила юная девица.

— По ту, где вы, — ответил молодой человек по фамилии Крук.

И они пошли назад по лавровой аллее. Вдруг трижды протрубил, приближаясь, автомобильный гудок: элегантный автомобиль светло-зеленого цвета, словно птица, подлетел к подъезду и, весь трепеща, остановился.

— Ого, — сказал молодой человек в красном галстуке, — вот уж кто родился с той стороны, где следует. Я не знал, мисс Адамс, что у вашей семьи столь новомодный Дед Мороз.

— Это мой крестный отец, сэр Леопольд Фишер. Он всегда приезжает к нам на рождество.

И после невольной паузы, выдававшей определенный недостаток воодушевления, Руби Адамс добавила:

— Он очень добрый.

Журналист Джон Крук был наслышан о крупном дельце из Сити, сэре Леопольде Фишере, и если сей крупный делец не был наслышан о Джоне Круке, то уж, во всяком случае, не по вине последнего, ибо тот неоднократно и весьма непримиримо отзывался о сэре Леопольде на страницах «Призыва» и «Нового века». Впрочем, сейчас мистер Крук не говорил ни слова и с мрачным видом наблюдал за разгрузкой автомобиля, — а это была длительная процедура. Сначала открылась передняя дверца, и из машины вылез высокий элегантный шофер в зеленом, затем открылась задняя дверца, и из машины вылез низенький элегантный слуга в сером, затем они вдвоем извлекли сэра Леопольда и, взгромоздив его на крыльцо, стали распаковывать, словно ценный, тщательно увязанный узел. Под пледом, столь многочисленными, что их хватило бы на целый магазин, под шкурами всех лесных зверей и шарфами всех цветов радуги обнаружилось наконец нечто, напоминающее человеческую фигуру, нечто, оказавшееся довольно приветливым, хотя и смахивающим на иностранца, старым джентльменом с седой козлиной бородкой и сияющей улыбкой, который стал потирать руки в огромных меховых рукавицах.

Но еще задолго до конца этой процедуры двери дома открылись и на крыльцо вышел полковник Адамс (отец молодой леди в шубке), чтобы встретить и ввести в дом почетного гостя. Это был высокий смуглый и очень молчаливый человек в красном колпаке, напоминавшем феску и придававшим ему сходство с английским сардаром или египетским пашой. Вместе с ним вышел его шуринок, молодой фермер, недавно приехавший из Канады, — крупный и шумливый мужчина со светлой бородкой, по имени Джеймс Блаунт. Их обоих сопровождала еще одна, весьма скромная личность — католический священ-

ник из соседнего прихода. Покойная жена полковника была католичкой, и дети, как это принято в таких случаях, воспитывались в католичестве. Священник этот был ничем не примечателен, даже фамилия у него была заурядная — Браун. Однако полковник находил его общество приятным и часто приглашал к себе.

В просторном холле было довольно места даже для сэра Леопольда и его многочисленных оболочек. Холл этот, непомерно большой для такого дома, представлял собой огромное помещение, в одном конце которого находилась наружная дверь с крыльцом, а в другом — лестница на второй этаж. Здесь, перед камином с висящей над ним шпагой полковника, процедура раздевания нового гостя была завершена и все присутствующие, в том числе и мрачный Крук, были представлены сэру Леопольду Фишеру. Однако почтенный финансист все еще продолжал сражаться со своим безукоризненно сшитым одеянием. Он долго рылся во внутреннем кармане фрака и наконец, весь светясь от удовольствия, извлек оттуда черный овальный футляр, заключавший, как он пояснил, рождественский подарок для его крестницы. С нескрываемым и потому обезоруживающим тщеславием он высоко поднял футляр, так чтобы все могли его видеть, затем слегка нажал пружину — крышка откинулась, и все замерли, ослепленные: фонтан кристаллизованного света вдруг забил у них перед глазами. На оранжевом бархате, в углублении, словно три яйца в гнезде, лежали три чистых сверкающих бриллианта, и казалось, даже воздух вокруг загорелся от их огня. Фишер стоял, расплывшись в благожелательной улыбке, упиваясь изумлением и восторгом девушки, сдержанным восхищением и немногословной благодарностью полковника, удивленными возгласами остальных.

— Пока что я положу их обратно, милочка, — сказал Фишер, засовывая футляр в задний карман своего фрака. — Мне пришлось вести себя очень осторожно, когда я ехал сюда. Имейте в виду, что это — три знаменитых африканских бриллианта, которые называются «летучими звездами», потому что их уже неоднократно похищали. Все крупные преступники охотятся за ними, но и простые люди на улице и в гостинице, разумеется, рады были бы заполучить их. У меня могли украсть бриллианты по дороге сюда. Это было вполне возможно.

— Я бы сказал, вполне естественно, — сердито заметил молодой человек в красном галстуке. — И я бы лично никого не стал винить за это. Когда люди просят хлеба, а вы не даете им даже камня, я думаю, они имеют право сами взять себе этот камень.

— Не смейте так говорить! — с непонятной запальчивостью воскликнула девушка. — Вы говорите так только с тех пор, как стали этим ужасным... ну как это называется? Как называют человека, который готов обниматься с трубочистом?

— Святым, — сказал отец Браун.

— Я полагаю, — возразил сэр Леопольд со снисходительной усмешкой, — что Руби имеет в виду социалистов.

— Радикал — это не тот, кто извлекает корни, — заметил Крук с некоторым раздражением, — а консерватор вовсе не консервирует фрукты. Смеем вас уверить, что и социалисты совершенно не жаждут якшаться с трубочистами. Социалист — это человек, который хочет, чтобы все трубы были прочищены и чтобы всем трубочистам платили за работу.

— Но который считает, — тихо добавил священник, — что ваша собственная сажа вам не принадлежит. Крук взглянул на него с интересом и даже с уважением.

— Кому может понадобиться собственная сажа? — спросил он.

— Кое-кому, может, и понадобится, — ответил Браун серьезно. — Говорят, например, что ею пользуются садовники. А сам я однажды на рождество доставил немало радости шестерым ребятишкам, которые ожидали Деда Мороза, — исключительно с помощью сажи, примененной как наружное средство.

— Ах, как интересно! — вскричала Руби. — Вот бы вы повторили это сегодня для нас!

Энергичный канадец мистер Блаунт возвысил свой и без того громкий голос, присоединяясь к предложению племянницы; удивленный финансист тоже возвысил голос, выражая решительное неодобрение, но в это время кто-то постучал в парадную дверь. Священник распахнул ее, и глазам присутствующих вновь представился сад с араукарией и вечнозелеными деревьями, теперь уже темнеющими на фоне великолепного фиолетового заката. Этот вид, как бы вставленный в раму раскрытой двери, был настолько красив и необычен, что казался театральной декорацией. Несколько мгновений никто не обращал внимания

на человека, остановившегося на пороге. Это был, видимо, обыкновенный посыльный в запыленном поношенном пальто.

— Кто из вас мистер Блаунт, джентльмены? — спросил он, протягивая письмо. Мистер Блаунт вздрогнул и осекся, не окончив своего одобрительного возгласа. С недоуменным выражением он надорвал конверт и стал читать письмо; при этом лицо его сначала омрачилось, затем посветлело, и он повернулся к своему зятю и хозяйину.

— Мне очень неприятно причинять вам столько беспокойства, полковник, — начал он с веселой церемонностью Нового Света, — но не злоупотреблю ли я вашим гостеприимством, если вечером ко мне зайдет сюда по делу один мой старый приятель? Впрочем, вы, наверно, слышали о нем — это Флориан, знаменитый французский акробат и комик. Я с ним познакомился много лет назад на Дальнем Западе (он по рождению канадец). А теперь у него ко мне какое-то дело, хотя убей не знаю какое.

— Полноте, полноте, дорогой мой, — любезно ответил полковник. — Вы можете приглашать кого угодно. К тому же он, без сомнения, будет как раз кстати.

— Он вымажет себе лицо сажей, если вы это имеете в виду, — смеясь, воскликнул Блаунт, — и всем наставит фонарей под глазами. Я лично не возражаю, я человек простой и люблю веселую старую пантомиму, в которой герой садится на свой цилиндр.

— Только не на мой, пожалуйста, — с достоинством произнес сэр Леопольд Фишер.

— Ну, ладно, ладно, — весело вступился Крук, — не будем ссориться. Человек на цилиндре — это еще не самая низкопробная шутка!

Неприятно к молодому человеку в красном галстуке, вызванная его грабительскими убеждениями и его очевидным ухаживанием за хорошенькой крестницей Фишера, побудила последнего заметить саркастически-повелительным тоном:

— Не сомневаюсь, что вам известны и более грубые шутки. Не приведете ли вы нам в пример хоть одну?

— Извольте: цилиндр на человеке, — отвечал социалист.

— Ну, ну, ну! — воскликнул канадец с благодарением истинного варвара. — Не надо портить праздник. Давайте-ка повеселим сегодня общество. Не будем мазать лица сажей и садиться на шляпы, если вам это не по душе, но придумаем что-нибудь в том же духе. Почему бы нам не разыграть настоящую старую английскую пантомиму — с клоуном, Коломбиной и всем прочим? Я видел такое представление перед отъездом из Англии, когда мне было лет двенадцать, и у меня осталось о нем воспоминание яркое, как костер. А когда я в прошлом году вернулся, оказалось, что пантомим больше не играют. Ставят одни только плаксивые волшебные сказки. Я хочу видеть хорошую потасовку, раскаленную кочергу, полисмена, которого разделяют на котлеты, а мне преподносят принцесс, разглагольствующих при лунном свете, синих птиц и тому подобную ерунду. Синяя Борода — это по мне, да и тот нравится мне больше всего в виде Панталоне.

— Я всей душой поддерживаю предложение разделить полисменов на котлеты, — сказал Джон Крук. — Это гораздо более удачное определение социализма, чем то, которое здесь недавно приводилось. Но спектакль — дело, конечно, слишком сложное.

— Да что вы! — в увлечении закричал на него мистер Блаунт. — Устроить арлекинаду? Ничего нет проще! Во-первых, можно нести любую отсебятину, а во-вторых, на реквизит и декорации сгодится всякая домашняя утварь — столы, вешалки, бельевые корзины и так далее.

— Да, это верно. — Крук оживился и стал расхаживать по комнате. — Только вот боюсь, что мне не удастся раздобыть полицейский мундир. Давно уж не убивал я полисменов.

Блаунт на мгновение задумался и вдруг хлопнул себя по ляжке.

— Достанем! — воскликнул он. — Тут в письме есть телефон Флориана, а он знает всех костюмеров в Лондоне. Я позвоню ему и велю захватить с собой костюм полисмена.

И он кинулся к телефону.

— Ах, как чудесно, крестный, — Руби была готова заплясать от радости, — я буду Коломбиной, а вы — Панталоне.

Миллионер выпрямился и замер в величественной позе языческого божества.

— Я полагаю, моя милая, — сухо проговорил он, — что вам лучше поискать кого-нибудь другого для роли Панталоне.

— Я могу быть Панталоне, если хочешь, — в первый и последний раз вмешался в разговор полковник

Адамс, вынув изо рта сигару.

— Вам за это нужно памятник поставить, — воскликнул канадец, с сияющим лицом вернувшийся от телефона. — Ну вот, значит, все устроено. Мистер Крук будет клоуном — он журналист и, следовательно, знает все устаревшие шутки. Я могу быть Арлекином — для этого нужны только длинные ноги и умение прыгать. Мой друг Флориан сказал мне сейчас, что достанет по дороге костюм полисмена и переоденется. Представление можно устроить здесь, в этом холле, а публику мы посадим на ступеньки лестницы. Входные двери будут задником, если их закрыть, у нас получится внутренность английского дома, а открыты — освещенный луною сад. Ей-богу, все устраивается точно по волшебству.

И, выхватив из кармана кусок мела, унесенный из бильярдной, он провел на полу черту, отделив воображаемую сцену.

Как им удалось подготовить в такой короткий срок даже это дурацкое представление — остается загадкой. Но они принялись за дело с тем безрассудным рвением, которое возникает, когда в доме живет юность. А в тот вечер в доме жила юность, хотя не все, вероятно, догадались, в чьих глазах и в чьих сердцах она горела. Как всегда бывает в таких случаях, затея становилась все безумнее при всей буржуазной благонаправленности ее происхождения. Коломбина была очаровательна в своей широкой торчащей юбке, до странности напоминавшей большой абажур из гостиной. Клоун и Панталоне набелили себе лица мукой, добытой у повара, и покрасили щеки румянами, тоже позаимствованными у кого-то из домашних, пожелавшего (как и подобает истинному благодетелю-христианину) остаться неизвестным. Арлекина, уже нарядившегося в костюм из серебряной бумаги, извлеченной из сигарных ящиков, с большим трудом удалось остановить в тот момент, когда он собирался разбить старинную хрустальную люстру, чтобы украсить ее сверкающими подвесками. Он бы наверняка осуществил свой замысел, если бы Руби не откопала для него где-то поддельные драгоценности, украшавшие когда-то на маскараде ее костюм бубновой дамы. Кстати сказать, ее дядюшка Джеймс Блаунт до того разошелся, что с ним никакого сладу не было; он вел себя, как озорной школьник. Он нахлобучил на отца Брауна бумажную ослиную голову, а тот терпеливо снес это и к тому же изобрел какой-то способ шевелить ее ушами. Блаунт сделал даже попытку прицепить ослиный хвост к фалдам сэра Леопольда Фишера, но на сей раз его выходка была принята куда менее благосклонно.

— Дядя Джеймс слишком уж развеселился, — сказала Руби, с серьезным видом вешая Круку на шею гирлянду сосисок. — Что это он?

— Он Арлекин, а вы Коломбина, — ответил Крук. — Ну а я только клоун, который повторяет устаревшие шутки.

— Лучше бы вы были Арлекином, — сказала она, и сосиски, раскачиваясь, повисли у него на шее.

Хотя отцу Брауну, успевшему уже вызвать аплодисменты искусным превращением подушки в младенца, было отлично известно все происходившее за кулисами, он тем не менее присоединился к зрителям и уселся среди них с выражением торжественного ожидания на лице, словно ребенок, впервые попавший в театр.

Зрителей было немного — родственники, кое-кто из соседей и слуги. Сэр Леопольд занял лучшее место, и его массивная фигура почти совсем загородила сцену от маленького священника, сидевшего позади него; но много ли при этом потерял священник, театральная критика не знает. Пантомима являла собой нечто совершенно хаотическое, но все-таки она была не лишена известной прелести, — ее оживляла и пронизывала искрометная импровизация клоуна Крука. В обычных условиях Крук был просто умным человеком, но в тот вечер он чувствовал себя всеведущим и всемогущим — неразумное чувство, мудрое чувство, которое приходит к молодому человеку, когда он на какой-то миг уловит на некоем лице некое выражение. Считалось, что он исполняет роль клоуна, на самом деле он был еще автором (насколько тут вообще мог быть автор), суфлером, декоратором, рабочим сцены и в довершение всего оркестром. Во время коротких перерывов в этом безумном представлении он в своих клоунских доспехах кидался к роялю и барабанил на нем отрывки из популярных песенок, настолько же неуместных, насколько и подходящих к случаю.

Кульминационным пунктом спектакля, а также и всех событий, было мгновение, когда двери на заднем плане сцены вдруг распахнулись и зрителям открылся сад, залитый лунным светом, на фоне которого отчетливо вырисовывалась фигура знамени-

того Флориана в костюме полисмена. Клоун забарабанил хор полицейских из оперетты «Пираты из Пензанса», но звуки рояля потонули в оглушительной овации: великий комик удивительно точно и почти совсем естественно воспроизводил жесты и осанку полисмена. Арлекин подпрыгнул к нему и ударил его по каске, пианист заиграл «Где ты раздобыл такую шляпу?» — а он только озирался вокруг, с потрясающим мастерством изображая изумление; Арлекин подпрыгнул еще и опять ударил его; а пианист сыграл несколько тактов из песенки «А затем еще разок...». Потом Арлекин бросился прямо в объятия полисмена и под грохот аплодисментов повалил его на пол. Тогда-то французский комик и показал свой знаменитый номер «Мертвец на полу», память о котором и по сей день живет в окрестностях Пути. Невозможно было поверить, что это живой человек. Здоровяк Арлекин раскачивал его, как мешок, из стороны в сторону, подбрасывал и крутил, как резиновую дубинку, — и все это под уморительные звуки дурацких песенок в исполнении Крука. Когда Арлекин с натугой оторвал от пола тело комика-констебля, шут за роялем заиграл «Я восстал ото сна, мне снилась ты», когда он взвалил его себе на спину, послышалось «С котомкой за плечами», а когда, наконец, Арлекин с весьма убедительным стуком опустил свою ношу на пол, пианист, вне себя от восторга, заиграл бойкий мотивчик на такие — как полагают по сей день — слова: «Письмо я милой написал и бросил по дороге».

Приблизительно в то же время — в момент, когда безумство на импровизированной сцене достигло апогея, — отец Браун совсем перестал видеть актеров, ибо прямо перед ним почтенный магнат из Сити встал во весь рост и принялся ошалело шарить у себя по карманам. Потом он в волнении уселся, все еще роясь в карманах, потом опять встал и вознамерился было перешагнуть через рампу на сцену, однако ограничился тем, что бросил свирепый взгляд на клоуна за роялем и, не говоря ни слова, пулей вылетел из зала.

В течение нескольких последующих минут священник имел полную возможность следить за дикой, но не лишенной известного изящества пляской любителя Арлекина над артистически бесчувственным телом его врага. С подлинным, хотя и грубоватым искусством Арлекин танцевал теперь в распахнутых дверях, потом стал уходить все дальше и дальше в глубь сада, наполненного тишиной и лунным светом. Его наскоро склеенное из бумаги одеяние, слишком уж сверкавшее в огнях рампы, становилось волшебным серебристым по мере того, как он удалялся, танцуя в лунном сиянии. Зрители с громом аплодисментов повскакали с мест и бросились к сцене, но в это время отец Браун почувствовал, что кто-то тронул его за рукав и шепотом попросил пройти в кабинет полковника.

Он последовал за слугой со все возрастающим чувством беспокойства, которое отнюдь не уменьшилось при виде торжественно-комической сцены, представившейся ему, когда он вошел в кабинет. Полковник Адамс, все еще наряженный в костюм Панталоне, сидел, понуро кивая рогом из китового уса, и в старых его глазах была печаль, которая могла бы отрезать вакханалию. Опершись о камин и тяжело дыша, стоял сэр Леопольд Фишер; вид у него был перепуганный и важный.

— Произошла очень неприятная история, отец Браун, — сказал Адамс. — Дело в том, что бриллианты, которые мы сегодня видели, исчезли у моего друга из заднего кармана. А так как вы...

— А так как я, — продолжал отец Браун, простодушно улыбувшись, — сидел позади него...

— Ничего подобного, — с нажимом сказал полковник Адамс, в упор глядя на Фишера, из чего можно было заключить, что нечто подобное уже было высказано. — Я только прошу вас, как джентльмена, оказать мне помощь.

— То есть вывернуть свои карманы, — закончил отец Браун и поспешил это сделать, вытащив на свет божий семь шиллингов шесть пенсов, обратный билет в Лондон, маленькое серебряное распятие, маленький трепник и плитку шоколада.

Полковник некоторое время молча глядел на него, а затем сказал:

— Признаться, содержимое вашей головы интересует меня гораздо больше, чем содержимое ваших карманов. Ведь моя дочь — ваша воспитанница. Так вот, в последнее время она... — Он не договорил.

— В последнее время, — выкрикнул почтенный Фишер, — она открыла двери отцовского дома головорезу социалисту, и этот малый открыто заявляет, что всегда готов обокрасть богатого человека. Вот к чему это привело. Перед вами богатый человек, ко-

торого обокрали!

— Если вас интересует содержимое моей головы, то я могу вас с ним познакомить,— бесстрастно сказал отец Браун.— Чего оно стоит, судите сами. Вот что я нахожу в этом старейшем из моих карманов: люди, намеревающиеся украсть бриллианты, не провозглашают социалистических идей. Скорее уж,— добавил он кротко,— они станут осуждать социализм.

Оба его собеседника быстро переглянулись, а священник продолжал:

— Видите ли, ведь мы знаем этих людей. Социалист, о котором идет речь, так же не способен украсть бриллианты, как и египетскую пирамиду. Нам сейчас следует заняться другим человеком, тем, который нам незнаком. Тем, кто играет полисмена. Хотелось бы мне знать, где именно он находится в данную минуту.

Панталоне вскочил с места и большими шагами вышел из комнаты. Вслед за этим последовала интерлюдия, во время которой миллионер смотрел на священника, а священник смотрел в свой тревник. Панталоне вернулся и отрывисто сказал:

— Полисмен все еще лежит на сцене. Занавес поднимали шесть раз, а он все еще лежит.

Отец Браун выронил книгу, встал и остолбенел, глядя перед собой, словно пораженный внезапным умственным расстройством. Но мало-помалу его серые глаза оживились, и тогда он спросил, казалось бы, без всякой связи с происходящим:

— Простите, полковник, когда умерла ваша жена?

— Жена? — удивленно переспросил старый воин.— Два месяца тому назад. Ее брат Джеймс опоздал как раз на неделю и не застал ее в живых.

Маленький священник подпрыгнул, как подстреленный кролик.

— Живее! — воскликнул он с необычайной для себя горячностью.— Живее! Нужно пойти взглянуть на полисмена!

Они нырнули под занавес, чуть не сбив с ног Коломбину и клоуна (которые мирно шептались в полутьме), и отец Браун нагнулся над распростертым комиком-полисменом.

— Хлороформ, — сказал он, выпрямляясь.— И как я раньше не догадался!

Все молчали в недоумении. Потом полковник медленно произнес:

— Пожалуйста, объясните толком, что все это значит?

Отец Браун вдруг громко расхохотался, потом сдержался и проговорил, задыхаясь и с трудом подавляя приступы смеха:

— Джентльмены, сейчас не до разговоров. Мне нужно догнать преступника. Но этот великий французский актер, который играл полисмена, этот гениальный мертвец, с которым вальсировал Арлекин, которого он подбрасывал и швырял во все стороны,— это...— Он не договорил и заторопился прочь.

— Это — кто? — крикнул ему вдогонку Фишер.

— Настоящий полисмен,— ответил отец Браун и скрылся в темноте.

В дальнем конце сада сверкающие листвою купы лавровых и других вечнозеленых деревьев даже в эту зимнюю ночь создавали на фоне сапфирового неба и серебряной луны впечатление южного пейзажа. Яркие-зеленые колышущиеся лавры, глубокая, отливающая пурпуром синева небес, луна, как огромный волшебный кристалл,— это была картина, полная легкомысленной романтики. А сверху, по веткам деревьев, карабкается какая-то странная фигура, имеющая вид не столько романтический, сколько неправдоподобный. Человек этот весь искрится, как будто облученный в костюм из десяти миллионов лун; при каждом его движении свет настоящей луны загорается на нем новыми вспышками голубого пламени. Но, сверкающий и дерзкий, он ловко перебирается с маленького дерева в этом саду на высокое развесистое дерево в соседнем и задерживается там только потому, что чья-то тень скользнула в это время под маленькое дерево и чей-то голос окликнул его снизу.

— Ну, что ж, Фламбо, — произнес голос, — вы действительно похожи на летучую звезду, но ведь звезда летучая в конце концов всегда становится падающей звездой.

Наверху в ветвях лавра искрящаяся серебром фигура наклоняется вперед и, чувствуя себя в безопасности, прислушивается к словам маленького человека.

— Это — самая виртуозная из всех ваших проделок, Фламбо. Приехать из Канады (с билетом из Парижа, надо полагать) через неделю после смерти миссис Адамс, когда никто не расположен задавать вопросы,— ничего не скажешь, ловко придумано. Еще того ловчей вы сумели выследить «летучие звез-

ды» и разведать день приезда Фишера. Но в том, что за этим последовало, чувствуется уже не ловкость, а подлинный гений. Выкрасть камни для вас, конечно, не составляло труда. При вашей ловкости рук вы могли бы и не привешивать ослиный хвост к фалдам фишеровского фрака. Но в остальном вы затмили самого себя.

Серебристая фигура в зеленой листве медлит, точно загниотизированная, хотя путь к бегству открыт; человек на дереве внимательно смотрит на человека внизу.

— Да, да, — говорит человек внизу, — я знаю все. Я знаю, что вы не просто навязали всем эту пантомиму, но сумели извлечь из нее двойную пользу. Сначала вы собирались украсть эти камни без лишнего шума, но тут один из сообщников известил вас о том, что вас выследили и опытный сыщик должен сегодня застать вас на месте преступления. Заурядный вор сказал бы спасибо за предупреждение и скрылся. Но вы — поэт. Вам тотчас же пришла в голову остроумная мысль спрятать бриллианты среди блеска бутафорских драгоценностей. И вы решили, что если на вас будет блестящий наряд Арлекина, то появление полисмена покажется вполне естественным. Достойный сыщик вышел из полицейского участка в Путни, намереваясь поймать вас, и сам угодил в ловушку, хитрее которой еще никто не придумывал. Когда отворились двери дома, он вошел и попал прямо на сцену, где разыгрывалась рождественская пантомима и где пляшущий Арлекин мог его толкать, колотить ногами, кулаками и дубинкой, оглушить и усыпить под дружный хохот самых уважаемых жителей Путни. Да, лучше этого вам никогда ничего не придумать. А сейчас, кстати говоря, вы можете отдать мне эти бриллианты.

Зеленая ветка, на которой покачивается сверкающая фигура, шелестит, словно от изумления, но голос продолжает:

— Я хочу, чтобы вы их отдали, Фламбо, и я хочу, чтобы вы покончили с такой жизнью. У вас еще есть молодость, и честь, и юмор, но при вашей профессии надолго их не останется. Можно держаться на одном и том же уровне добра, но никому никогда не удавалось удержаться на одном уровне зла. Этот путь ведет под гору. Добрый человек пьет и становится жестоким; правдивый человек убивает и потом должен лгать. Много я знал людей, которые начинали, как вы, благородными разбойниками, веселыми грабителями богатыми и кончали в мерзости и грязи. Морис Блюм начинал как анархист по убеждению, отец бедняков, а кончил грязным шпионом и доносчиком, которого обе стороны эксплуатировали и презирали. Гарри Бэрк, организатор движения «Деньги для всех», был искренне увлечен своей идеей,— теперь он живет на содержании полуголодной сестры и пропивает ее последние гроши. Лорд Эмбер первоначально очутился на дне в роли эдакого странствующего рыцаря, теперь же самые подлые лондонские подонки шантажируют его, и он им платит. А капитан Барийон, некогда знаменитый джентльмен-апах, умер в сумасшедшем доме, помешавшись от страха перед сыщиками и скупщиками краденого, которые его предали и затравили.

— Я знаю, у вас за спиной вольный лес, и он очень заманчив, Фламбо. Я знаю, что в одно мгновение вы можете исчезнуть там, как обезьяна. Но когда-нибудь вы станете старой седой обезьяной, Фламбо. Вы будете сидеть в вашем вольном лесу, и на душе у вас будет холод, и смерть ваца будет близко, и верхушки деревьев будут совсем голыми.

Наверху было по-прежнему тихо; казалось, маленький человек под деревом держит своего собеседника на длинной невидимой привязи. И он продолжал:

— Вы уже сделали первые шаги под гору. Раньше вы хвастались, что никогда не поступаете низко, но сегодня вы совершили низкий поступок. Из-за вас подозрение пало на честного юношу, против которого и без того восстановлены все эти люди. Вы разлучаете его с девушкой, которую он любит и которая любит его. Но вы еще не такие низости совершите, прежде чем умереть.

Три сверкающих бриллианта упали с дерева на землю. Маленький человек нагнулся, чтобы подобрать их, а когда он снова глянул вверх — зеленая древесная клетка была пуста: серебряная птица упорхнула.

Бурным ликованием было встречено известие о том, что бриллианты случайно подобраны в саду. И подумать, что на них наткнулся именно отец Браун. А сэр Леопольд с высоты своего благоволения даже сказал священнику, что хотя сам он и придерживается более широких взглядов, но готов уважать тех, кому убеждения предписывают затворничество и неведение дел мирских.

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Первый хор храма Христа Спасителя под управлением А.Г. Мальцева в 1924-1925 гг. в национальных русских костюмах.

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ "ПУТЬ"

Издается 5 раз в год при храме Христа Спасителя
340 Ист Семьдесят Первая улица, Нью-Йорк, Нью-Йорк 10021
По благословию преосвященного Петра, епископа Нью-Йоркского
и Нью-Джерсийского

РЕДАКТОР о. МИХАИЛ АКСЕНОВ МЕЕРСОН

ORTHODOX ALMANAC 'PUT'

PUBLISHED 5 TIMES A YEAR IN RUSSIAN BY CHRIST THE SAVIOR
ORTHODOX CHURCH IN MANHATTAN
340 East 71-st Street, N.Y. N.Y. 10021

With blessing of the Right Reverend Peter Bishop of New York
and New Jersey
Orthodox Church in America

REV. MICHAEL AKSIONOV MEERSON. EDITOR.

Запросы и пожертвования присылать по адресу:
Almanac 'PUT' - Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71-st Street, New York, N.Y. 10021

Прошу выслать альманах "ПУТЬ"
по адресу : (по-английски, печатными буквами)

Имя и фамилия _____

Адрес _____

№ 4 — 1984

Предполагаемое пожертвование на номер	—	2 доллара
На весь год	—	10 долларов
Для проживающих за границей	—	15 долларов
В целях поддержания издания	—	20 долларов

Suggested donation	for one issue	\$2.00
Suggested donation	for 1 year	
In USA		\$10.00
In foreign countries		\$15.00
Supporting donation		\$20.00

PUT
Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71 st Str.
New York, N.Y. 10021

NON-PROFIT ORG.
U. S. Postage
PAID
New York, N.Y.
Permit No 5660